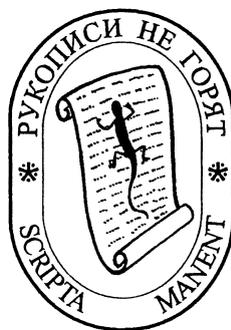

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт США и Канады РАН

*Экспертный совет
Научно-образовательного форума по международным отношениям*

д.ф.н. Т.А. Алексеева, д.пол.н. А.Д. Богатуров,
член-корреспондент РАН О.Н. Быков, д.пол.н. А.Д. Воскресенский,
д.и.н. Л.М. Дробижева, к.и.н. Н.А. Косолапов, д.и.н. В.А. Кременюк,
к.и.н. М.П. Павлова-Сильванская,
член-корреспондент РАН В.А. Тишков,
д-р философии М. фон Хаген (США), д.и.н. А.С. Ходнев,
д.ф.н. П.А. Цыганков, д.пол.н. Т.А. Шаклейна

Э.Я. Баталов

О философии
международных отношений

Academic Educational Forum on International Relations
«International Trends» Journal
Institute for the U.S. and Canadian Studies
Russian Academy of Sciences

Regional Scholar's Library Series

Eduard Batalov

**ON PHILOSOPHY
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Moscow
2005

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт США и Канады РАН

Региональная библиотека международника

Э.Я. Баталов

**О ФИЛОСОФИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Москва
2005

ББК 66.0
Б11

Баталов Э.Я.
Б11 О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 132 с.

ISBN 5-901981-15-4

В книге очерчиваются контуры философии международных отношений как новой, только еще складывающейся научной дисциплины, которая обращена на поиски глубинных оснований процессов и явлений международной жизни, на раскрытие сущности международных отношений как особой формы реальности. Автор полагает, что со временем философия международных отношений могла бы стать – наряду с философией политики и философией права – полноправным членом семьи философских дисциплин и органической частью науки о международных отношениях.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам, обучающимся по специальностям «международные отношения», «философия», «политология», а также всем тем, кто интересуется международными отношениями, политической наукой и философией.

ББК 66.0

Книга опубликована при поддержке Фонда МакАртуров

ISBN 5-901981-15-4

© Э.Я. Баталов, 2005
© Научно-образовательный форум
по международным отношениям, 2005
© С.И. Дудин, эмблема, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Политика, мировая политика, международные отношения	12
От науки о международных отношениях — к философии международных отношений	24
О категориях философии международных отношений	37
О сущности международных отношений	47
Об онтологических основаниях международных отношений	58
О когнитивном измерении международных отношений	71
Об этическом измерении международных отношений	82
Об эстетическом измерении международных отношений	100
Об антропологическом измерении международных отношений	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127

Философия – это всегда о вечном.
И всегда – с позиций *проходящего*.

ВСТУПЛЕНИЕ

«**E**ntia non sunt multiplicanda praeter necessitatem» – «сущности не должны быть умножаемы сверх необходимости». А еще так: «*Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora*» – «бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего»... Ну, конечно же, это знаменитая логическая формула одного из крупнейших средневековых мыслителей Уильяма Оккама, получившая широкую известность как «бритва Оккама». И я уже вижу, как негодующий читатель с этой самой бритвой в руке, загнав автора книжки в угол, грозно спрашивает его: «Ты зачем “изобретаешь” то, без чего люди спокойно жили до сих пор? Или тебе мало “теории международных отношений” и “науки о международных отношениях”, которым посвящены тома и тома? А может, ты еще не знаком с появившейся некоторое время тому назад «социологией международных отношений»? Ах, знаком? Тогда зачем пытаешься склонить ученый мир к созданию какой-то там “философии международных отношений”? За вредоносную попытку умножения числа сущностей сверх необходимого ты приговариваешься к смерти»...

Ну а если серьезно, то автор этих строк ничего не выдумывает и не придумывает. Конечно, такой научной дисциплины, как «философия международных отношений», пока, к сожалению, действительно не существует. Но есть и другая сторона дела. Прежде всего следует заметить, что понятия «философия мировой политики», «философия международных отношений», «философия мировой политики и международных отношений» уже используются в современной научной и учебной литературе. О философской теории международных отношений рассуждают некоторые западные исследователи, например, Стэнли Хоффманн. Но главное – и в России и на Западе публикуются работы по теории и истории международных отношений и мировой политики, в которых прослеживаются более или менее отчетливые философские заходы и подходы или даже содержатся отдельные главы, рассматривающие философские проблемы. Самые свежие примеры – «Очерки теории и политического анализа международных отношений» А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева (М., 2002), «Теория международных отношений» П.А. Цыганкова (М., 2002), «Мировая поли-

тика» М.М. Лебедевой (М., 2003), «Теория международных отношений на рубеже столетий» под редакцией Кена Буса и Стива Смита (1995; русское издание – 2002). А разве такие теоретики, как, скажем, Хедли Булл, Фрэнсис Фукуяма, Сэмюэль Хантингтон, Амитаи Этциони, Генри Киссинджер, или даже (в геополитическом аспекте) Збигнев Бжезинский в своих работах, посвященных международным отношениям, не демонстрируют примеров философского подхода?

Отрадно, что в последние годы попытки профессионального анализа международных отношений начинают предпринимать отечественные философы. Свидетельством тому – опубликованное в 2000 г. сотрудниками кафедры философии МГИМО (У) учебное пособие «Философия мировой политики. (Актуальные проблемы)»¹. И хотя оно посвящено отдельным «актуальным проблемам»² и, будучи «рассчитано в первую очередь на студентов и аспирантов МГИМО», не претендует на панорамное, а тем более системное, раскрытие философской сущности мировой политики (международных отношений), появление этой книги – хороший симптом. Симптом того, что рождается общественное осознание потребности в **философии международных отношений как научной дисциплине, которая обращена на поиски глубинных бытийных оснований процессов и явлений, происходящих на мировой арене, на раскрытие сущности международных отношений как особой формы реальности**³.

¹ Сборник подготовлен авторским коллективом в составе Г.К. Ашина, В.М. Ашмарина, Н.И. Бирюкова, В.М. Володина, В.С. Глаголева, Р.Ф. Додельцева, К.В. Кауфмана, С.М. Медведевой, Д.В. Новикова, Т.В. Панфиловой, М.Л. Полищука, А.Н. Самарина, В.М. Сергеева, Б.С. Старостина, В.П. Терина, М.Н. Чеснавской, А.В. Шестопала.

² Сборник (выпущенный тиражом 200 экз.) включает «Введение» («Философия политики: школа МГИМО» и три раздела. Раздел I – «Ценности и цели» («Глобальный кризис и философия мировой политики», «Россия в мировой политической истории», «Традиции и тенденции экополитики и геополитики», «Национальное и профессиональное в политических культурах», «Политические ценности и языки политики», «Психоанализ и личность политика»). Раздел II – «Технологии и контроль» («Парламентаризм: философия и технология демократии», «Политическая философия и элитология», «Бюрократические и антибюрократические утопии», «Политика и глобальный коммуникационный контроль», «Социальные группы и политическая практика в современной России»). Раздел III – «Стабильность и динамика» («Нелинейные подходы к мировой политике», «Философия политики и теория международных отношений», «Политика и модернизация. Восток-Запад. Север-Юг», «Философия политики и политическая футурология»).

³ О том же свидетельствуют и начавшие появляться в России книги по философии политики – прежде всего работы Э.А. Позднякова и С.А. Панарина.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Такого рода потребность отчетливо выявилась и в первой (насколько известно автору) публичной научной дискуссии о «философии международных отношений», организованной недавно Научно-образовательным форумом по международным отношениям⁴. Эта потребность вызвана прежде всего возрастающей ролью последних в жизни и «всего мира», и каждого отдельного государства, каждого общества, а в конечном итоге – каждого человека, а значит, и необходимостью расширения и углубления научного знания о международных отношениях. Тем более, что, как отмечают сами международники, в этих отношениях выявляются новые процессы и тенденции, которые требуют именно философского осмысления. Да и давно исследуемые проблемы тоже вызывают к постижению их сущности. А постижение сущности вещей – задача философская.

Потребность в новой дисциплине вызывается и нынешним состоянием исторически сложившегося комплекса знаний о международных отношениях. Как признают многие отечественные и зарубежные исследователи, он обнаружил свою неспособность дать адекватный ответ на вызовы времени и, в частности, объяснить глубинные причины тех изменений, с которыми столкнулся мир в конце 80-х – начале 90-х годов прошедшего столетия⁵. И одна из причин этого – отсутствие философского подхода к объекту исследования.

В самом деле, несмотря на отмеченные выше обнадеживающие симптомы, приходится констатировать, что пока ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не появилось ни одного комплексного, внутренне целостного исследования, посвященного философии

⁴ Летом 2003 г. в Калининграде прошел Круглый стол по вопросам философии международных отношений. Сокращенная стенограмма выступлений его участников опубликована в журнале «Международные процессы» (2004, № 1). В дискуссии приняли участие Е.В. Абдуллаев (Республика Узбекистан), А.Д. Богатуров, Ф.Г. Войтоловский, Н.А. Косолапов, В.М. Межуев, М.А. Троицкий, В.Г. Федотова, М.А. Чешков. С одним из докладов выступил и автор этой работы.

⁵ По словам Роберта Кохейна (у нас его называют иногда Кеохейном), одного из самых авторитетных представителей современной западной политической науки, ссылающегося на другого авторитетного ее представителя К. Гоулдманна, «политическая наука оказалась слабой относительно предсказания будущего, ее причинно-следственные модели шаткими, следовательно, выводы академических исследователей международных отношений нельзя принимать всерьез как руководство к действию». См.: Кохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х. Клингеманна. М., 1999. С. 439.

Вступление

международных отношений⁶. Одно из объяснений подобного положения вещей заключается, по-видимому, в том, что в отличие от многих своих великих предшественников большинство современных философов, даже крупных, не видит в международных отношениях ни источник творческого вдохновения, ни «поле», «распахав» которое можно обогатить выстраиваемые ими теории. Международники, возможно, и более скромные в самооценках и теоретических притязаниях, тоже плохо представляют себе, что мог бы дать им взгляд на предмет их исследования сквозь философскую призму. Тем более, что большая часть комплекса знаний о международных отношениях имеет американское происхождение. А отрицательное отношение американцев, включая тех, у кого мы находим философские «заходы», к «метафизике» (с которой у них ассоциируется философия) известно.

Как замечает К. Томпсон в предисловии к опубликованной в США книге Луиса Холла «История, философия и внешние сношения»⁷ (одной из немногих, но, к сожалению, лишенной внутренней целостности и теоретической глубины, работ, где предпринимается попытка навести мосты между философией и международными отношениями), «принято считать, что построение философской концепции и формирование национальной внешней политики – формы деятельности, совершенно отделенные одна от другой»⁸, и это – глубокое заблуждение. С этим трудно не согласиться. Но такое мнение действительно существует, и для его преодоления требуются время и практические шаги по его опровержению.

Понятно, что исследование международных отношений с позиций философии и философские исследования, ведущиеся с уче-

⁶ Несколько лет назад Институтом научной информации по общественным наукам РАН была опубликована серия реферативных сборников под многообещающим названием «Философские основания теорий международных отношений» (выпуск первый – 1987 г.; выпуск второй – 1988 г.; выпуск третий – 1990 г.). Однако, исходя из содержания статей, помещенных в сборниках («Этика и политика в современной зарубежной политологии», «Культурный консерватизм в Великобритании», «Политическая философия «новейших левых» в Великобритании», «Идеология государственной власти в западной политической экономии» и т.п.), они посвящены не международным отношениям, не их теориям, и не «философским основаниям» последних, а, как признает и сам автор предисловия к последнему выпуску, широко обсуждаемым в обществе экономическим, политическим, историко-культурным и правовым проблемам, рассматриваемым в «контексте международных отношений».

⁷ Halle L.J. History, Philosophy, and Foreign Relations. Background for the Making of Foreign Policy / With a Preface by Kenneth W. Thompson. Laham. New York – London, 1987.

⁸ Ibid. P. XI.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

том принципов международных отношений, не обязательно имеют своим результатом построение философии международных отношений: одно дело – философский подход к исследуемому предмету, и совсем другое – избрание философии (будь то философия политики, международных отношений или чего-то еще) как непосредственного предмета исследования. Но без первого не может быть и второго.

Описанная выше ситуация предопределяет позицию, цели и задачи автора предлагаемых очерков. Он давно испытывает исследовательский интерес к рассматриваемой в них проблематике. Его первые публикации, посвященные философии социально-политического творчества, общественных (в том числе международных) отношений и политического (включая внешнеполитическое) сознания, стали появляться более тридцати лет назад⁹. А в этой небольшой работе, в которой он пытается наметить контуры философии международных отношений как более или менее целостного феномена сознания, автор ставит перед собой двуединую задачу.

Во-первых, *очертить круг основных «измерений» предмета философии международных отношений*. Это во многом традиционные «измерения», ибо философия не может, оставаясь сама собой, не поставить вопроса о *сущности* исследуемых отношений; обойти вопросы *онтологии* и *гносеологии* и не рассмотреть *категориальный аппарат*, с помощью которого могли бы вестись исследования. Никуда не уйти и от анализа международных отношений в *этическом* плане, которому всегда уделялось большое внимание как отечественными, так и зарубежными теоретиками.

С другой стороны, было бы, по мнению автора, интересно посмотреть на эти отношения и в нетрадиционном, а именно *эстетическом* ракурсе, ибо и внутри страны, и на международной арене человек действует не только в соответствии с определенными нрав-

⁹ См., в частности: *Баталов Э.Я.* Воображение и революция // Вопросы философии. 1972. № 1; *Рихта Р., Баталов Э.* Социальная реальность и социалистический идеал // Проблемы мира и социализма. 1977. № 3; Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. М., 1980; *Баталов Э.Я., Мельвиль А.Ю.* Политическое сознание и внешняя политика США // Общественное сознание и внешняя политика США. Отв. ред. Ю.А. Замошкин. М., 1987; *Баталов Э.Я., Мельвиль А.Ю., Михайлов Б.В.* Консерватизм и либерализм: современные внешнеполитические ориентации // Там же; *Баталов Э.Я., Малашенко И.Е., Мельвиль А.Ю.* Идеологическая стратегия США на мировой арене. М., 1985; *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Политические исследования. 2003, № 5; *Баталов Э.Я.* Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. № 1; *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005 и др.

Вступление

ственными нормами, но и «по законам красоты», как говорил недавний «классик». А поскольку международные отношения суть отношения человеческие, автор счел необходимым обратить внимание на их антропологическую детерминированность и выделить в качестве самостоятельного «измерения» *антропологию международных отношений*.

И еще один момент. С учетом того, что в последнее время идет много споров о соотношении «мировой политики» и «международных отношений» и, следовательно, возникает вопрос о том, что именно является предметом философского рассмотрения, автор счел необходимым коснуться и этой проблемы. С нее, собственно, и начинается разговор.

Вторая задача автора – *обозначить* (в рамках каждого из выделяемых «измерений») *круг вопросов, которые могли бы стать предметом самостоятельного философского исследования*. Это, разумеется, далеко не полный круг вопросов, и сама постановка задачи рассчитана на то, что в дальнейшем он может быть и уточнен, и расширен. Что же касается ответов на поставленные вопросы, то они, как представляется, могут и должны стать итогом исследований в обозначенной области. И те соображения, которые высказываются в предлагаемых заметках (совпадают они или не совпадают с позициями и мнениями других исследователей), ни в коем случае не претендуют на роль истины в какой бы то ни было «инстанции».

Эта позиция, собственно, и зафиксирована в названии предлагаемой работы: не «Философия международных отношений», а «О философии международных отношений». Предлог «о» не случаен. Как утверждают филологи, он «указывает на близкое соприкосновение, столкновение, пребывание вплотную чего-нибудь, с чем-нибудь»¹⁰. Вот и в данном случае автор исходит в своих суждениях из представления, что он вместе с коллегами только подступает к предмету, который со временем поможет глубже проникнуть в суть такого непростого явления, как международные отношения, а в перспективе, возможно, обогатит и саму философию.

¹⁰ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1972. С. 385.

Политика, мировая политика, международные отношения

Приступая к непосредственному рассмотрению предмета своего исследования, автор обязан первым делом, предвосхищая возможные вопросы на сей счет, пояснить, чем *философия международных отношений*, о которой ни наука о международных отношениях, ни политическая наука не сказали еще своего слова, отличается от *философии политики*, которой посвящены сотни работ. Но для этого необходимо предварительно **определить соотношение таких понятий, как «международные отношения», «мировая политика» и «политика»**, равно как и стоящих за ними явлений и скрывающихся за последними сущностей.

Логическая связь «политики» с «мировой политикой» лежит на поверхности: первая выступает по отношению ко второй как родовое понятие к видовому. И как бы мы ни определили содержание «мировой политики» (а на сей счет существуют, как скоро увидим, разные точки зрения), оно всегда будет характеристикой *политического*. Ну а как быть с «международными отношениями», коль скоро, по мнению едва ли не всех исследователей (с которым нельзя не согласиться), они выходят далеко за пределы политического, охватывая «самые различные сферы общественной жизни – от экономических обменов до спортивных состязаний»?¹¹. Что вообще понимают сегодня под международными отношениями?

Велик соблазн, встав на путь этимологического анализа¹², сказать, что это «отношения между народами (государствами)» и на этом поставить точку. Результат будет примерно таким же, что и при определении «демократии» как «власти народа»: сразу же возникают вопросы, как понимать «власть» и кто такой «народ» и т.д. Поэтому первая задача исследователя – рассмотреть наиболее распространенные и во многом легитимизированные толкова-

¹¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 19.

¹² Это, конечно, не значит, что такой анализ не представляет интереса. Продуктивная попытка этимологического анализа понятия «международные отношения» в сопоставлении с его английским эквивалентом (*international relations*) предпринята Н.А. Косолаповым. См.: Косолапов Н.А. Явление международных отношений: историческая эволюция предмета исследования // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 37-38.

Политика, мировая политика, международные отношения

ния понятия «международные отношения» и выявить их основное содержание.

В современной научной литературе бытует множество интерпретаций (и закрепляющих их определений) международных отношений, фиксирующих в более или менее полном объеме их феноменологические признаки.

Международные отношения характеризуют:

– как «специфическую область общественных отношений, совокупность политических, экономических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и других связей и взаимоотношений между основными субъектами мирового сообщества; поведение государств на международной арене»¹³;

– как «совокупность политических, экономических, дипломатических, военных, культурных, научно-технических связей и взаимоотношений между народами, между государствами и объединениями государств»¹⁴;

– как «поведение государств на мировой арене, все формы взаимодействия между членами различных обществ вне зависимости от того, направляются они или нет государством; ... в функциональном анализе они представляют отношения национальных правительств, которые контролируют действия жителей»¹⁵;

– как «взаимоотношения между государствами, а в более широком смысле – деятельность международной системы как единого целого...»¹⁶;

– как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований»¹⁷;

– как «человеческую деятельность, в процессе которой взаимодействуют в индивидуальной и групповой форме лица, представляющие более чем одну страну (*nation*)»¹⁸.

Перечень определений можно было бы и продолжить, однако без ощутимого качественного прироста, ибо наиболее распространенные характеристики международных отношений уже зафиксированы в приведенных выше дефинициях и толкованиях. Так что остается только выяснить, насколько они истинны и какое из определений ближе других к истине. Являются ли собой междуна-

¹³ Политическая энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 681

¹⁴ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 231.

¹⁵ Зарубежная политология. Словарь-справочник. М., 1998. С. 139.

¹⁶ Политика. Толковый словарь / Под ред. А. Маклина. М., 2001. С. 333.

¹⁷ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 26.

¹⁸ International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. N.d., n.p. P. 61.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

родные отношения «совокупность связей и взаимодействий», причем – особого рода? Или же это – «деятельность»? Или «поведение»? Или это просто разные грани одного явления? А кто выступает в качестве субъектов международных отношений: «народы»? «государства»? «объединения государств»? «члены различных общин»? «международная система как единое целое»? отдельные граждане (подданные)?

Несмотря на некоторые различия, все эти определения сущностно близки друг другу, ибо рассматривают международные отношения как *вторичную, лишённую онтологической самостоятельности реальность*, производную от деятельности хотя и связанных друг с другом, но не образующих автономной целостности акторов, будь то государства, ТНК, какие-то наднациональные организации и т.п. То есть хотя рассматриваемые таким образом международные отношения не являются ни «суммой», ни «произведением», ни «интегралом» внешних политик включённых в них государств (народов), они носят по отношению к последним *внешний характер*.

Мы особо подчеркиваем это обстоятельство, ибо существует и качественно иной взгляд на международные отношения. Он представлен исследователями (в числе первых тут должны быть названы Х. Булл и М. Уайт), которые рассматривают эти отношения как существующие в рамках наднациональных (надгосударственных) образований типа «мирового общества», «международного общества», «мирового сообщества», «международной жизни» и являющие собой *самостоятельную объективную реальность* со всеми вытекающими отсюда политическими и иными последствиями. Теоретиков, придерживающихся этой позиции, многое разделяет. Но многое и объединяет. Как пишет Р. Джексон, характеризуя концепт «международного общества», «теоретический вызов состоит в том, чтобы представить международное общество не как абстрактную концепцию, а как эмпирическую реальность – усилия реальных людей, вовлечённых в процесс, который мы определяем как предмет международных отношений»¹⁹.

В отечественной науке эта позиция рельефно представлена философом В.М. Володиным. Вслед за французским исследователем Ж. Юнцинже²⁰ он исходит из признания объективного автономного существования такой реальности, как «международная

¹⁹ Джексон Р. Политическая теория международного общества // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. С. 123.

²⁰ Huntzinger J. Introduction aux relations internationales. Paris, 1987.

Политика, мировая политика, международные отношения

жизнь»²¹, внутренним измерением которой и являются международные отношения. «...Международная жизнь, – поясняет философ, – это реальность социальной деятельности людей, формирующей, воспроизводящей и развивающей формы, атрибуты и детерминанты универсальной социальной субъективности. *Международные отношения – это внутренние отношения способов существования международной жизни, носителями которых непосредственно являются конкретные люди, организованные в особые механизмы и институты, выражающие формы универсальной социальной субъективности*» (курсив наш. – Э.Б.)²².

Две примечательные детали. Во-первых, вышеназванные механизмы и институты «не могут рассматриваться как непосредственные субъекты международных отношений, а представляют собой только источники детерминации деятельности, причастной движению целостного социального бытия, возникающие и изменяющиеся в ходе исторического развития и способные вступать в противоречия между собою»²³ (курсив наш. – Э.Б.). Во-вторых, международные отношения могут быть корректно интерпретированы «только на основе конкретно-содержательного понимания их собственной специфики как *особой объективной реальности*. А ее проблематика, логика внутренних связей и разделений, понятийные формы и т.д. должны выражать разделения и связи, процессы и закономерности, объективно присущие их собственному способу бытия» (курсив наш. – Э.Б.)²⁴.

Таким образом, согласно предложенной концепции, международные отношения, существуя в рамках общностей, представляющих собой *самостоятельные объективные реальности* (в данном случае – «международную жизнь»), имеют *внутренний*, а не внешний характер и являются не вторичными (производными от внутригосударственных), а *первичными* социальными отношениями. Естественно, что в силу этих обстоятельств они имеют *собственную логику развития*, определяемую их *собственными противоречиями*.

²¹ Характеризуя свой научный подход как «диалектический», В.М. Володин выводит международную жизнь из целостности социального бытия: «реальность, с силой внутренней необходимости порождающая международную жизнь как свой особенный феномен – это целостное социальное бытие людей...». См.: *Володин В.М. Философия политики и теория международных отношений // Философия мировой политики*. С. 335.

²² Там же. С. 337.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 326.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

На наш взгляд, многие трудности в понимании и противоречия в трактовке международных отношений связаны с тем, что последние рассматриваются как *статичные*, отделенные друг от друга *состояния* социальных отношений, которые в действительности являются собой сложный, внутренне противоречивый, регулируемый различными рядами закономерностей *эволюционный процесс*. Вот и получается, что предлагаемые определения фиксируют на понятийном уровне характеристики отдельных ступеней или состояний этого процесса, упуская из вида (подобно Зенону Элейскому в его апориях) континуальную, диалектическую природу международных отношений.

В самом деле, на протяжении всей истории Нового времени отношения между акторами мировой сцены сплетаются все теснее и теснее, а «международная жизнь» (если воспользоваться этим понятием) шаг за шагом приобретает черты объективной автономной реальности. Однако она еще не стала таковой и станет ли вообще – вопрос открытый. Равным образом обстоит дело с государственным суверенитетом: он размывается и деабсолютизируется, его содержание обедняется, но государство пока еще остается (и, видимо, долго еще будет оставаться) основным и главным среди акторов мировой сцены, выступающих в роли субъектов международных отношений.

Очевидно, перед нами тот случай, когда явление может быть концептуально корректно описано и зафиксировано на понятийном уровне во всей его возможной полноте только с помощью системы антиномий, которая в основе своей выглядит следующим образом:

– международные отношения суть социальная реальность, *обладающая онтологической автономией* – международные отношения суть социальная реальность, *не обладающая онтологической автономией*;

– международные отношения имеют *внутренний характер* – международные отношения имеют *внешний характер*;

– субъектами международных отношений являются *государства и другие институты* – субъектами международных отношений являются *конкретные люди*.

Рассматривая *отдельные аспекты* международных отношений и *отдельные этапы* их эволюции, мы вправе делать акцент на *разных* утверждениях (разных сторонах антиномий), например, подчеркивать роль государства или отдельных индивидов и т.п. Однако, характеризуя эти отношения как *целое*, мы *не можем отделять противоположные утверждения друг от друга*.

Ну а что такое **мировая политика**, исследованием которой на Западе вплотную занимаются примерно с 70-х годов минувшего ве-

Политика, мировая политика, международные отношения

ка и которая у нас в стране привлекла к себе внимание лет пятнадцать-двадцать назад?²⁵ Вопрос этот интересует нас постольку, поскольку важно выяснить степень взаимной близости международных отношений и мировой политики, от чего, в свою очередь, будет зависеть возможность распространения принципов философии международных отношений и на эту сферу.

Большинство международников-теоретиков – как зарубежных, так и прежде всего отечественных – сходятся в констатации трех обстоятельств. Во-первых, это некоторая неясность, неопределенность понятия «мировая политика». Так, по словам П.А. Цыганкова, «понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребительных и одновременно наименее ясных понятий политической науки»²⁶. В том же духе высказываются другие исследователи, в частности, А.Д. Богатуров: «Термин “мировая политика” в западной литературе, как и в русской, встречается давно и до сего дня беспорядочно употреблялся как синоним или почти синоним понятия “международные отношения”»²⁷. Эта синонимичность, а точнее сказать, квазисинонимичность – второй момент, на котором сходятся многие исследователи²⁸. И тем не менее – момент третий – все они пытаются отыскать в «мировой политике» свою специфику, свое лицо.

На первый взгляд, его и искать не требуется – оно вроде бы у всех на виду: мировая политика – это политическая составляющая международных отношений. Однако по этому ложному пути никто

²⁵ Но это, если можно так сказать, «возвратившееся» внимание. Российские большевики первой четверти XX века, нацеленные на мировую революцию и построение всемирной советской социалистической республики, мыслили не иначе, как категориями «мировой политики» и «мирового хозяйства» (что нашло отражение в названии существовавшего в рамках Академии наук СССР Института мирового хозяйства и мировой политики, прикрытого Сталиным в 1947 г.). После того, как надежды на мировую социалистическую революцию рухнули (в связи со «стабилизацией капитализма»), изменился и взгляд большевиков на мир. Последний стал рассматриваться как внутренне разорванный, стабильно разделенный на две части, на «Мы» и «Они». А на смену «мировой политике» пришли «международные отношения» как отношения между государствами, представляющими различные страны мира. Мир-системный подход сохранился (по существу) только применительно к коммунистическому и рабочему движению.

²⁶ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 27.

²⁷ Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 18.

²⁸ «Понятия “мировая политика” и “международные отношения”, – замечает М.М. Лебедева, – используются часто как синонимы». См.: Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 58.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

из серьезных обществоведов, к счастью, не идет. Ибо давно прояснено, что политические отношения – одна из базовых составляющих международных отношений. Но в чем же тогда видят суть мировой политики? Отечественные исследователи нередко ссылаются на точку зрения, высказанную А.Е. Бовиным и поддержанную В.П. Лукиным еще в конце 80-х годов: «“Мировая политика” – это деятельность, взаимодействие государств на международной арене; “международные отношения” – это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором существует мировая политика. Кроме государств, субъектами, участниками мирового общения выступают различные движения, организации, партии и т.п. Мировая политика – активный фактор, формирующий международные отношения. Международные отношения, постоянно изменяясь под воздействием мировой политики, в свою очередь, влияют на ее содержание и характер»²⁹.

А вот точка зрения М.М. Лебедевой, автора книги, которая так и называется – «Мировая политика». По ее словам, последняя «занимается проблемами современного состояния, а также тенденциями развития *мировой политической системы... рассматривает международные проблемы во взаимосвязи друг с другом и в едином общемировом контексте*» и при этом «не делает резкого противопоставления между внутренней и внешней политикой»³⁰. Согласно этому определению (раскрывающему, говоря строго, содержание не мировой политики как таковой, а одноименной научной и учебной дисциплины, но тем не менее приближающей к пониманию сути предмета), мировая политика отличается от международных отношений *миросистемным масштабом и внутренней взаимосвязанностью проблем*, оказывающихся в поле этих отношений.

Особо следует выделить такое ее качество, как сближение внутренней и внешней политики: оно имеет принципиальное значение для постижения реального смысла понятия «мировая политика». Как резонно замечает А.Д. Богатуров, «употребление этого термина (“мировая политика”. – Э.Б.) подразумевало слияние “миров” внешних и внутренних политик разных стран в некой нерасчлененной сфере “единого мирового политического”» (курсив наш. – Э.Б.)³¹. Получается, что *мировая политика – это международные отношения без национальных границ*. Не отношения, вы-

²⁹ Перестройка международных отношений: пути и подходы // Мировая экономика и международные отношения, 1989. № 1. С. 58.

³⁰ Лебедева М.М. Указ. соч. С. 56.

³¹ Богатуров А.Д. Понятие мировой политики... С. 19.

Политика, мировая политика, международные отношения

ходящие за национальные границы, а отношения, лишённые таковых вообще. Своего рода форма международно-коллективной деятельности, но вместе с тем и ее продукт. Продукт, который, по определению, не должен был бы выходить за пределы политического, но на самом деле – выходит (по крайней мере, частично) ибо, как выясняется, в поле мировой политики попадают те же самые сферы деятельности (экономика, культура, военное дело и т.п.), что и в поле международных отношений. Такое понимание мировой политики позволяет рассматривать ее как новую ступень эволюции международных отношений, приближающую к «мировому сообществу».

Некоторые специалисты полагают, что мировая политика и международные отношения отличаются друг от друга еще и по «предмету исследования»³². Такой подход отчетливо проявился в дискуссии о мировой политике, начавшейся на страницах журнала «Международные процессы». В наиболее развернутом виде эта точка зрения представлена А.Д. Богатуровым, ассоциирующим специфику мировой политики прежде всего с нетрадиционными (если можно так сказать) проблемами и аспектами деятельности человека на мировой арене («социологические и политико-психологические аспекты», «контроль над деятельностью международных криминальных сетей», «международные организации неформального, в т.ч. сетевого типа», «мягкая безопасность» и т.п.)³³.

Однако эта специфика не выводит мировую политику за пределы поля, на котором складываются международные отношения. Получается, что и «международные отношения», и «мировая политика»³⁴ могут рассматриваться как понятия, фиксирующие хотя и не тождественные, но родственные феномены. А правильнее, может быть, сказать – *различные модусы³⁵ вне-индивидуального/транс-индивидуального бытия (существования) наций (наций-государств) и других субъектов международной деятельности*. Это, конечно, очень общее суждение, скрадывающее реальные

³² Лучше сказать – по «сфере проявления», поскольку речь идет о мировой политике как о реальной деятельности, а не как о сфере исследования (характеризующей мировую политику как научную и учебную дисциплину).

³³ *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики...

³⁴ В современной литературе встречается также понятие «международная политика», однако абсолютное большинство исследователей используют его как синоним «мировой политики».

³⁵ Модус (*лат.* мера, способ) – способ существования предмета или объекта. Но можно, по-видимому, сказать, что это и способ явления предмета миру, «повернутость» к воспринимающему его субъекту той или иной его стороной.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

различия между мировой политикой и международными отношениями, но вполне достаточное для того, чтобы сказать (несколько забегаая вперед), что *базовые принципы философии международных отношений – это также и принципы мировой политики.*

Ну а что представляет собой такой феномен, как **политика**? Какова ее сущность? Что такое политические отношения? Эти и другие вопросы, касающиеся рассматриваемого феномена, дискутируются в мировой политической мысли со времен Платона и Аристотеля. Однако прогресса в их понимании и интерпретации, как и при обсуждении многих других вопросов, касающихся оснований человеческого бытия, нет и, похоже, не предвидится³⁶. А между тем политика как таковая (то, что мы называем политикой) не претерпевает сущностных изменений, сохраняя свою внутреннюю амбивалентность, устойчивость типологических проявлений в сознании и поведении, сравнительную хронотопическую всеобщность³⁷.

Такая консервативность политики объясняется, по-видимому, прежде всего тем, что она являет собой сферу, в которой имманентные человеку черты воплощаются и высвечиваются с наибольшей полнотой и отчетливостью. Причем сами эти черты характеризуются и амбивалентностью (человек одновременно и добр и зол), и устойчивостью (древний грек по своей человеческой природе не отличается принципиально от грека современного), и всеобщностью (китайцу как человеку присущи те же черты, что, скажем, амери-канцу или русскому).

И вот всю эту палитру черт, все заложенные в человеке потенции и противоречия мы обнаруживаем в политике. Не только в политике, конечно, а во всех проявлениях человеческого. Но в политике – как нигде, за исключением, может быть, литературы и искусства. И если перефразировать известную формулу Ленина

³⁶ Освальд Шпенглер в присущем ему саркастическом духе замечет: «Мы много, куда больше, чем нужно размышляли над понятием “политика”. Тем меньше мы понимаем, наблюдая действительную политику. Великие государственные деятели, – поясняет он свой вывод, – имеют обыкновение действовать непосредственно, причем на основе глубокого чутья фактов. Для них это настолько естественно, что им и в голову не приходит задумываться над общими фундаментальными понятиями этой деятельности – если предположить, что такие вообще существуют» (*Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. М., 1998. С. 464*). Шпенглер понимает, что исследования о политике пишутся вовсе не для наставления политиков (хотя подобного рода традиция и существовала, особенно на Востоке), они пишутся для тех, кто пытается понять, что делают политики и почему они поступают так, как поступают.

³⁷ Подробнее об этом см.: *Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое»*. М., 2000. С. 3-41.

Политика, мировая политика, международные отношения

«...политика есть самое концентрированное выражение экономики»³⁸, то можно сказать так: политика есть самое концентрированное выражение человека в единстве его сущности и существования.

Надо заметить, что при всем внешнем разнообразии дефиниций политики (а их сотни!) большинство из них сходятся в рассмотрении последней как определенного рода *социальных отношений* – институционализированных и не-институционализированных, складывающихся естественно-историческим путем между индивидами, группами, нациями (государствами). Другое дело – интерпретация характера этих отношений. Тут в истории политической мысли более или менее отчетливо прослеживаются две линии.

Согласно одной из них, причем наиболее широко распространенной, политика – это *отношения по поводу власти*. Об этом говорили многие мыслители – от античных до современных. Лучше других эту мысль выразил, наверное, Макс Вебер: «...политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»³⁹. Кстати сказать, с близкой по духу интерпретацией власти мы сталкиваемся и в марксистской традиции.

Согласно другой линии, политика есть воплощение *отношений управленческого типа*. Эту линию раньше и лучше многих выразил – пусть на уровне метафоры – Платон. Он сравнивал политика с «пастухом человеческого стада»⁴⁰, с человеком, владеющим «государственным искусством, состоящим в попечении о некоем одном стаде»⁴¹. При этом «политик... не занимается кормлением в одиночку, как тот, кто ухаживает за волами и конями», он проявляет «общую заботу о целых стадах животных»⁴². Иначе говоря, *политик заботится об обеспечении жизнедеятельности социального целого*, которое он «пасет». К тому же политика предполагает управление на уровне *принятия решений*, касающихся этого социального целого, а не на уровне реализации уже принятых решений, что характеризует не политическое, а административное управление.

Поскольку политика – понятие родовое, ее базовые принципы распространяются на международные отношения и мировую политику. Их субъекты, в первую очередь государства, стремятся к про-

³⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 216.

³⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646.

⁴⁰ Платон. Соч. в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 25.

⁴¹ Там же. С. 25.

⁴² Там же. С. 17.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

явлению своей власти по отношению к другим субъектам. Причем власть эта может принимать самые разные формы (скрытые и открытые, временные и постоянные, тотальные и партикулярные и т.п.) и опираться, если воспользоваться введенными Дж. Наем понятиями, как на «жесткую» (*hard*), так и на «мягкую» (*soft*) силу. В этом смысле и международные отношения, и мировая политика суть не что иное, как *борьба за власть* в локальном, региональном и/или мировом масштабах.

Но международные отношения – это еще и *форма управления* международной общностью, идентифицируем ли мы ее как «мировое общество», «международное общество» или как-то еще. Точнее сказать, *форма самоуправления*, ибо в мире нет единого легитимного управленческого центра, и акторы, сверяя и согласовывая свои позиции по тем или иным вопросам, принимают в итоге решения как властного, так и управленческого характера⁴³. G-8 часто называют «мировым правительством», но «восьмерка» больше напоминает «совет управляющих» всемирной корпорации, хотя, конечно, и тут подчас трудно отличить управленческие решения от властных.

Однако международные отношения «покрывают» лишь часть политического «поля», поскольку не все его «сегменты» и «сектора» становятся объектом взаимодействия государств и других субъектов международных отношений и международного регулирования. Это относится, в частности, к политической организации общества, внутрипартийной и межпартийной борьбе, электоральному процессу и т.п. Правда, по мере «размягчения» некогда довольно жестких границ между внутренней и внешней политикой государств, увеличения числа и роста масштабов транснациональных акторов, нарастания международно-интеграционных процессов (прежде всего в Европе), эволюции института национально-государственного суверенитета и учащения случаев его игнорирования (яркий пример – политика насильственной глобальной демократизации) международные отношения начинают охватывать чуть ли не все стороны политической жизни обществ, превращающиеся в объект международного интереса, обсуждения, регулирования (через ООН, Совет Европы, ОБСЕ, другие организации)⁴⁴ или

⁴³ Эти две стороны политики – властная и управленческая – хорошо передаются с помощью двух существующих в английском языке понятий: *governing u managing*.

⁴⁴ Любопытно в этом плане заявление, сделанное недавно представителем кремлевской администрации М. Колеровым: «...по всем европейским стандартам права человека, демократические стандарты не являются внутренним делом государства (!). Защита европейских ценностей является международным делом по определению». См.: Независимая газета. 2005. 14 июля. С. 5.

Политика, мировая политика, международные отношения

грубого силового вмешательства. Но пока это все же не более чем тенденция, хотя и устойчивая. Так что международные отношения и политика по-прежнему относятся друг к другу как часть к целому, или как элемент системы – к системе в целом.

С другой стороны, можно говорить и об обратной зависимости: международные отношения, заключая в себе не-политические элементы (экономика, военное дело, культура, спорт и т.д.), выходят далеко за пределы сферы политического. Оказываясь, таким образом, шире политики, они выступают по отношению к ней как целое – к части, как система – к одному из ее элементов. Политика, правда, стремится вторгнуться – и вторгается до определенного предела – и в эти сферы. Это наглядно прослеживается на политизации спорта. Тем не менее, и тот же спорт, и экономика (которая в некоторых своих аспектах давно уже срослась с политикой), и культура, выступая как объект политического вмешательства, продолжают и будут далее продолжаться регулироваться своими собственными законами.

Отсюда следует важный в методологическом отношении вывод: *не все характеристики политики могут быть распространены на международные отношения, но, с другой стороны, не все характеристики международных отношений могут рассматриваться как политические по своей природе и сущности.* Это предопределяет и характер соотношения философии международных отношений с философией политики, о чем и пойдет речь в следующей главе.

От науки о международных отношениях — к философии международных отношений

Сегодня нередко можно услышать: «Мы теперь живем в новом мире». Это вполне корректная оценка нынешней исторической ситуации. Только вот начинать «новое летоисчисление» следует не с 11 сентября 2001 года, как это часто делают политики и политические аналитики (причем не только американские), а с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, когда стал рушиться Ялтинско-Потсдамский миропорядок, просуществовавший срок с лишним лет и определявший на протяжении всего этого времени основные принципы отношений между народами и государствами. «Бархатные революции» в странах Восточной Европы (символом которых стало падение Берлинской стены) и крушение мировой социалистической системы; распад Советского Союза; крах мирового коммунистического движения и, наконец, завершение Первой холодной войны – вот основные этапы перехода (перескока) от мира старого к миру новому, в котором все мы теперь живем, но который, продолжая изменяться, остается во многом непонятым и непонятным. И (возьмем это на заметку) по сути – необъясненным.

Характеризуя новизну нынешнего мира, обычно упоминают о конкретных, лежащих на поверхности явлениях: изменении характера отношений между капиталистическими и бывшими социалистическими странами – прежде всего между Америкой и Россией; ускорении глобализации и обострении порождаемых ею проблем; росте планетарной силовой асимметрии (США и остальные страны); а в последние годы – о появлении новой глобальной деструктивной силы в лице так называемого международного терроризма и т.п. И гораздо меньше внимания обращают на то, что не лежит на поверхности и не доступно скользящему взору рутинного наблюдателя, но что как раз и знаменует *фундаментальные изменения онтологических оснований социального мира конца XX – начала XXI веков*. Что же происходит?

Меняются пространственно-временные характеристики политических, социокультурных и экономических явлений и процессов – локальных (национальных), региональных, глобальных. Это находит отражение не только в ускорении мирового социального времени и сжатии мирового социального пространства, но и в смене темпо-ритма социальной⁴⁵ жизни, нарушении привычно ожида-

⁴⁵ Понятие «социальный» употребляется нами (если иное не оговорено особо) в широком смысле, т.е как характеризующее все аспекты жизни *всего* общества.

От науки о международных отношениях – к философии...

емой очередности и последовательности этапов социальных процессов и т.п. Мир на глазах теряет былую устойчивость, в то время как транзиторность и процессуальность становятся его постоянными характеристиками. Едва успев создать – подчас дорогой ценой – ту или иную структуру, тот или иной институт, мы уже испытываем потребность в их обновлении, переходе к другим институтам, организациям, системам.

Происходит интенсивное *размывание границ между внутренним и внешним в общественной жизни*, что находит прямое отражение в обострении дискуссий о понятии и судьбах государственного суверенитета, о возможности осуществления так называемых гуманитарных интервенций, о границах допустимого с точки зрения международного права вмешательства одного государства (или группы государств) в дела другого государства и т.п.

Все более *относительными становятся понятия «центра» и «периферии»* в общественной жизни: структуры и пространства, выступающие в качестве «центра» в одном отношении, оказываются «периферией» в другом отношении и наоборот. С этой точки зрения представления о возможности существования в течение более или менее длительного – по историческим меркам – времени единого универсального глобального центра силы, или так называемого униполя (*unipole*), иначе как наивными и архаичными нельзя и назвать.

Казавшиеся еще совсем недавно незыблемыми *границы между материальным и имматериальным обнаруживают свою зыбкость*, и все чаще возникают ситуации, когда мы просто не знаем, произошло то или иное событие в реальности (характеристики которой теперь тоже необходимо переосмыслить) или же оно не выходит за пределы границ виртуального мира.

Добавим к этому такие очевидные для всех явления, как *кризис морального сознания и правосознания* (наглядно проявляющийся в игнорировании сильными мира сего и их союзниками норм международного права и их вызывающе безнравственном поведении в некоторых критических международных ситуациях); *обострившаяся потребность народов в само-ре-идентификации* (кто мы? каковы наше место и роль в изменяющемся мире? куда мы идем?), вызванная крушением прежнего миропорядка, а значит, и радикальным изменением ролей практически всех мировых акторов; *возрастание роли этнических и культурных факторов* в международных отношениях (что дало Хантингтону основание говорить, на мой взгляд, без достаточных на то оснований – о «столкновении цивилизаций как “наибольшей угрозе миру во всем мире”»⁴⁶); *изменение*

⁴⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 8.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ценностной значимости свободы и безопасности в пользу последней (готовность значительной части граждан демократических государств «обменять» личную свободу на сомнительную гарантию личной безопасности со стороны государства) и т.д.⁴⁷

Естественно, что в этой новой ситуации возникает потребность и в новом, более широком и одновременно более глубоком подходе к анализу международных отношений и к их теоретической интерпретации. Несколько лет назад британский автор Кристофер Коукер в предисловии к своей книге «Сумерки Запада» признавался: «Одна из причин, заставивших меня написать эту книгу, состоит в том, что подход к проблемам международных отношений требует намного более широкой системы координат. Специалисты слишком склонны концентрировать внимание на специфических проблемах, игнорируя при этом широкий спектр событий, их более полную картину. Поэтому, я попытался расширить исследование, выйти за привычные рамки и привлечь материал литературный и философский»⁴⁸.

Коукер чутко отреагировал на потребность времени, но пошел по самому легкому и в общем бесперспективному пути поиска нового иллюстративного материала. А нужен **новый предметный подход** к объекту, или, говоря конкретнее, нужен **философский подход**, дополняющий и обогащающий традиционные подходы и открывающий новые измерения такого сложного и вместе с тем гораздо менее, чем кажется на первый взгляд, изученного феномена, как международные отношения. И даже не просто философский подход. Какие-то философские подходы (о чем было сказано выше) к тем или иным проблемам можно было обнаружить и прежде, в том числе в публикациях международников-теоретиков. Но теперь одних философских подходов уже мало. Ныне все острее ощущается потребность в систематической (и системной) философской интерпретации такой относительно самостоятельной и вместе с тем едва ли не всеобъемлющей в предметном плане формы социального бытия, как международные отношения. Словом, нужна **новая научная дисциплина – философия международных отношений**, которая, сформировавшись, могла бы с течением времени стать полноправным членом семьи фило-

⁴⁷ На общеполитическом уровне некоторые из этих изменений исследуются постмодернизмом. Однако в поле внимания последнего попадают далеко не все явления и процессы, меняющие (подчас радикально) облик современного мира. И пока еще никто из столпов постмодернистской философии не обратил серьезного внимания на сферу международных отношений.

⁴⁸ Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 8.

От науки о международных отношениях – к философии...

софских дисциплин, помогающих человеку глубже постичь суть мира, в котором он живет. Объективные возможности для появления такой новой дисциплины – налицо, и задача членов научного сообщества, заинтересованных в ее появлении на свет, заняться майевтикой, как говаривал Платон, то есть интеллектуальным родовспоможением.

Не будут ли, однако, попытки дать жизнь новой философской дисциплине искусственными и избыточными? Ведь к настоящему времени успела сложиться более или менее целостная и общепризнанная система знания (ныне ее признают *наукой*) о международных отношениях со своим объектом и предметом исследования, своей теорией и методологией. Вокруг нее, правда, и по сей день ведутся споры, хотя и не столь интенсивные, как прежде, касающиеся научного статуса: следует ли рассматривать ее как *субдисциплину* политологии, как *междисциплинарную область* или же как отдельную дисциплину. Не устоялось окончательно и само наименование рассматриваемого комплекса знаний: кто-то говорит о «науке о международных отношениях», кто-то – о «международно-политической науке», кто-то рассматривает эти понятия как эквивалентные и взаимозаменяемые. Отсутствует даже, как ни странно, четкое разграничение науки о международных отношениях и *теории* международных отношений, хотя вряд ли нужно доказывать, что теория и наука – вещи не тождественные, и ни одна наука не может быть сведена к теории⁴⁹, как ни одно целое не может быть сведено к его части.

Однако несмотря на все эти неувязки ни у кого уже не возникает сомнений в том, что комплекс знаний о международных отношениях – это (относительно) самостоятельная область знания, которая, как и всякое научное новообразование, стремится максимально расширить свои границы, демонстрируя отчетливо выраженный предметный экспансионизм, или, говоря более мягко, стремление к предметной тотальности. Естественно, что в поле

⁴⁹ Например, книга П.А. Цыганкова (одна из лучших отечественных работ в своей области), посвященная по сути – об этом свидетельствует ее содержание – науке о международных отношениях, называется «Теория международных отношений». А в четвертом параграфе первой главы («Предмет международно-политической науки») читаем следующее: «Одним из вопросов, широко обсуждаемых сегодня в научном сообществе ученых-международников, является вопрос о том, можно ли считать теорию международных отношений *самостоятельной дисциплиной* (?) или же это неотъемлемая часть политологии» (Цыганков П.А. Указ. соч. С. 37; курсив наш. – Э.Б.). На взгляд автора этих строк, тут не о чем спорить. Никакую «теорию» «самостоятельной дисциплиной» считать нельзя: таковой может быть или не быть теория, а наука, *часть* которой и составляет теория.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

внимания науки о международных отношениях изначально попали и те предметные измерения, которые по определению являются философскими: например, «этическое измерение». Как естественно и то, что по мере своего развития она неизбежно должна будет освобождаться от чрезмерной предметной перегрузки, и от нее будут отпочковываться самостоятельные предметные сферы. Это уже происходит, свидетельством чего стало появление некоторое время тому назад на стыке науки о международных отношениях и социологии такой дисциплины, как *социология международных отношений*.

По эмоциональному замечанию П.А. Цыганкова, «...в 1950-1960-е гг. “теория международных отношений” начинает действительно освобождаться от “удушения” историей и от “задавленности” юридической наукой. Фактически в этот же период предпринимаются и первые попытки ее “социологизации”, которые довольно быстро приводят к становлению (впрочем, продолжающемуся и в наши дни) социологии международных отношений как относительно самостоятельной дисциплины»⁵⁰. И хотя с тех пор, как «процесс пошел», минуло более полувека, «было бы неправомерно говорить о социологии международных отношений как о сложившейся автономной дисциплине. Скорее она представляет собой совокупность наиболее распространенных прежде всего именно в социологической науке подходов, проблематик и методов, заявляющих о своей альтернативности традиционным парадигмам и теориям международно-политической науки или же претендующим на дополнительность по отношению к ним»⁵¹.

О том, что процесс становления социологии международных отношений и ее легитимизации как более или менее автономного комплекса знаний далеко не завершен, свидетельствуют и литература, и ситуация, сложившаяся в российском, да и не только российском, научном сообществе. Самим международникам вопрос представляется вполне решенным: социологии международных отношений – быть! Больше того, она уже есть!⁵². Иное дело – профессиональные социологи, либо вовсе не интересующиеся между-

⁵⁰ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 95.

⁵¹ Там же. С. 156.

⁵² Первые отечественные работы, посвященные социологии международных отношений, появились в конце 1970-х годов. См., в частности: Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974; Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и вопросы социологических исследований международных отношений). М., 1977. Позднее появляются работы других исследователей.

От науки о международных отношениях – к философии...

народными отношениями, либо имеющие о них смутное представление: для многих из них вопрос о возможности существования социологии международных отношений является, мягко говоря, спорным. Об этом убедительно свидетельствует такой индикатор легитимности научных категорий, концепций, теорий, как словари и учебники. Далеко не во всех социологических словарях, включая самые авторитетные, и учебниках по социологии мы найдем статьи, главы (разделы), посвященные социологии международных отношений⁵³.

Однако сам факт легитимизации последней еще не решает проблемы предметной и теоретико-методологической ориентации социологии международных отношений. Иначе говоря, вопрос о том, в чем ее специфика, чем она может и должна заниматься остается во многом дискуссионным. Например, по мнению П.А. Цыганкова, «...представители социологического направления в исследовании международных отношений подчеркивают значимость в мировой политике не столько национальных интересов, сколько ценностей, норм, идентичностей, культурных особенностей, традиций и идей. В результате все основные вопросы МО (характер международной среды, перспективы ее изменения, основные процессы, их участники, возникающие между ними проблемы, пути их разрешения), как и наиболее распространенные теории (национального интереса, безопасности, баланса сил, сотрудничества, демократического мира) получают трактовки, альтернативные тем, которые господствовали в международно-политической науке на протяжении многих десятилетий»⁵⁴.

Можно соглашаться или не соглашаться с этим суждением, полагая, в частности, что оно предлагает слишком широкое толкование предмета социологии международных отношений. Однако сколь бы широко ни трактовали мы предметную направленность этой дисциплины, следует признать, что имеется немало вопросов, причем вопросов фундаментальных, на глубокое и всестороннее исследование которых социология международных отношений не сможет претендовать даже тогда, когда достигнет новых высот в своем развитии. Не может и не сможет она (как и наука о международных отношениях, история международных отношений или ме-

⁵³ См., например: *Аберкромби Николас, Хилл Стивен, Тернер Брайан С.* Социологический словарь. Казань, 1997; *Современная западная социология. Словарь.* М., 1990; *Смелзер Нейл.* Социология. М., 1994; *Гидденс Энтони.* Социология. М., 1999. Число подобного рода негативных примеров может быть многократно умножено.

⁵⁴ *Цыганков П.А.* Указ. соч. С. 156-157.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ждународное право) предложить и некоторые востребованные временем теоретико-методологические подходы к исследованию международных отношений. Речь идет о **философских вопросах и философских подходах**.

Но что такое философия? Чем она занимается? Какие проблемы ставит перед человеком? В чем ее специфика? Вопросы эти стары как сама философия, а общепризнанных ответов на них не было и нет. Как не было, нет и, видимо, не будет крупного философа, который бы не бросил свою «вязанку хвороста» в вечно пылающий костер этого спора. Данное обстоятельство, впрочем, не мешает специалистам давать достаточно ясные и в общем корректные ответы на вопросы о предмете, методе, сфере и границах философии, которые, по крайней мере, помогают понять ее специфику и отличие от других дисциплин.

Оставляя в стороне острейшие проблемы научности/ненаучности или партийности/беспартийности философии, мы могли бы, вслед за отечественным философом В.С. Степиным (выражающим широко распространенную точку зрения) отметить следующее. Философия представляет собой «особую форму общественного сознания и познания мира, вырабатывающую систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни»⁵⁵. Однако в эту формулировку следовало бы, как представляется, внести небольшую, но важную коррективу. Задача философии – не просто выявлять основания бытия, но в конечном счете *проникнуть в его сущность*. В этом смысле философию можно было бы охарактеризовать как *систему знаний о сущности бытия*. А философский подход к вещам – как подход, ориентированный на *постижение их сущности*.

При этом имеются в виду как бытие в целом, так и частные его сферы – более или менее широкие. По этой причине, открыв философские справочники, мы обнаруживаем в них, с одной стороны, такие статьи, как «философия истории», «философия культуры», «философия науки», «философия политики», «философия права», «философия образования», «философия религии», «философия техники», а с другой – статьи, посвященные философии глобальных проблем, философии мифа, философии символических форм и т.п.

И это вполне закономерный и «законный» подход. Ибо в отличие от социологии, которая занимается исключительно человеческим обществом и ничем другим, философия, сохраняя относи-

⁵⁵ Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2001. С. 195.

От науки о международных отношениях – к философии...

тельную предметную ограниченность, вправе заниматься исследованием *любого объекта* – человека, природы, общества в целом или какой-то его части, языка, искусства и т.д. и т.п. Но почему философия не может заниматься – коль скоро назрела такая потребность – исследованием международных отношений? Такая традиция существует, и корни ее уходят в античную почву.

Начать с того, что уже политические учения мыслителей древности – Гераклита, Демокрита, Конфуция, Платона, Аристотеля, Цицерона и других носили преимущественно *философский характер*: античные исследователи стремились выйти на широкие, универсальные обобщения, раскрыть базовые закономерности политического бытия и подвести под них солидную метафизическую основу. А если принять во внимание, что при этом они уделяли большое внимание отношениям между полисами, княжествами, царствами и пр., представленными в первую очередь их правителями, то не будет преувеличением сказать: философский подход к международным отношениям уходит корнями в глубокую древность. Хотя, конечно, во избежание модернизации следовало бы оговориться, что по отношению к некоторым элементам и сторонам творчества античных мыслителей правильнее было бы говорить не о философии, а о протофилософии и не о международных отношениях, а о спорадически возникавших, угасавших и снова возобновлявшихся непрочных контактах между правителями территорий (зачастую соседствующих), на которую распространялась их власть. И тем не менее именно из подобного рода контактов возникло со временем то, что в дальнейшем стало именоваться международными отношениями. И именно такого рода контакты послужили первичным материалом для политико-философских обобщений «международного» плана.

Интерес к философским проблемам отношений между народами и государствами проявляли и мыслители эпохи Возрождения и Нового времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к таким выдающимся памятникам философской и политической мысли, как «Государь» Макиавелли, «Левиафан» Гоббса, «Два трактата о правлении» Локка, «Общественный договор» Руссо, «О духе законов» Монтескье и т.д. А далее были Фихте, Кант, Гегель, Маркс, Ницше. Были Юрий Крижанич, Владимир Соловьев, Константин Леонтьев.

XX век выдвинул немало крупных философов, заявивших собственным творчеством об интересе – теоретическом интересе – к проблемам политического, в том числе и его международном аспекте. Тут и Бертран Рассел, и Карл Шмитт, и Раймон Арон, и Жан-Поль Сартр. Тут Плеханов, Бердяев, Струве, Ильин. А рядом с ни-

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ми – профессиональные теоретики-международники, которым отнюдь не были чужды попытки взглянуть на свой предмет, пусть только в некоторых аспектах, и под философским углом зрения. Это Ганс Моргентау, Хедли Булл, Кеннет Уолтц и другие⁵⁶.

Естественно, что и степень интереса, проявляемого разными философами к международной проблематике, и глубина их проникновения в последнюю, были и остаются неодинаковыми. Но вот что касается крупных мыслителей, то их суждения о проблемах международной жизни, как правило, никогда не были механическим довеском к их философским построениям. Это прослеживается, в частности, на знаменитом кантовском учении о вечном мире, к которому и по сей день апеллируют ведущие теоретики-международники. «Идея вечного мира представляет собой неотъемлемую часть философской системы Канта. Этика Канта представляется неполной без завершающей ее мирной программы; в свою очередь основные положения концепции мира базируются на этических принципах. То же самое можно сказать и о философии истории Канта, и о его теории культуры, и о его учении о праве. Короче говоря, все части философской системы Канта, трактующие о человеке и обществе, логично приводят к постановке вопроса о преодолении войн»⁵⁷.

Таким образом, ориентация на формирование философии международных отношений как самостоятельной субдисциплины вполне вписывается в русло многовековой традиции исследования

⁵⁶ Объясняя мотивы своего обращения к проблемам внешней политики (а последняя всегда вызывала у него повышенный интерес), Бертран Рассел писал: «С самого начала философия имела две разные цели, которые считались тесно связанными между собой. С одной стороны, философия стремилась к теоретическому осмыслению структуры мира; с другой – она пыталась найти и поведать лучший из возможных образов жизни» (*Russel B. Unpopular Essays. London, 1951. P. 23*). Но, оказывается, найти лучший из возможных образов жизни можно лишь решив некоторые из международных проблем. Сам Рассел следует такой логике: не может быть достойного человека образа жизни без его свободы, а «наиболее важным условием свободы личности в научно-техническом мире» является «полноправное международное правление с законодательной, исполнительной и судебной властью, с монополией на вооруженные силы» (*Russel B. Freedom and Government. London, 1940. P. 258*). А еще – создание «международной полиции» как одного из органов «мирового государства» или «мировой федерации», введение «мирового гражданства» и т.п. Такова позиция Рассела. Другие философы видят иные внешнеполитические условия решения проблемы создания «лучшей жизни», но логика остается в принципе той же: **чтобы решить внутривнутриполитические проблемы, надо решить проблемы международные**. А для этого их необходимо подвергнуть серьезному исследованию – в том числе и в философском плане.

⁵⁷ Философия Канта и современность. М., 1974. С. 236.

От науки о международных отношениях – к философии...

международной жизни с философских позиций. Больше того, становление такой дисциплины следовало бы рассматривать как естественную кумуляцию и системное оформление знаний, накопившихся веками.

Сегодня (а по большому счету – еще «вчера») настало время продолжить эту многовековую традицию, выведя философское исследование международных отношений на новый уровень и придав ему при этом соответствующий статус. Но о нем – чуть позднее. А сначала – два слова о том, какой именно круг проблем способна и должна была бы исследовать философия международных отношений.

Это прежде всего вопрос об их *природе и сущности*. Что стоит за этими отношениями как таковыми – независимо от их конкретных проявлений? Какими общественными потребностями вызваны они к жизни? Есть ли в них какой-то глубинный смысл, и если да, то в чем он?

Само собой разумеется, что особое внимание должно быть уделено рассмотрению *онтологического и гносеологического измерения* международных отношений. Каковы принципиальные основания их бытия как относительно самостоятельной сферы социальной реальности? Каковы их пространственно-временные (хронотопические) характеристики? Каковы границы и пути их познания и на какие методологические принципы следовало бы опираться при исследовании этих отношений?

А разве можно обойти вопрос об их *моральном аспекте*? Философа не должно ни отпугивать, ни смущать то обстоятельство, что на тему «мораль и политика» (в том числе в ее международном «разрезе») написаны сотни, возможно, и тысячи работ. Проблема как была, так и остается проблемой, тем более, что границы между нравственным и безнравственным никогда не были и не будут абсолютными, особенно когда встречаются (а где-то и сталкиваются лоб в лоб) разные культуры и цивилизации и акторы разных «весовых категорий».

Гораздо меньше внимания обращали (если обращали вообще) на *эстетическое измерение* международных отношений. А между тем им присуща своя гармония, своя мера, в них присутствует свое прекрасное и безобразное – словом, своя эстетика, постижение которой могло бы открыть в них нечто такое, о чем мы пока и не подозреваем.

Большой интерес представляет исследование международных отношений в *политико-антропологическом плане*. В отличие от эстетического поля, где не протоптано даже узких троп, здесь есть некоторые заделы. Но как неисчерпаем человек, так неисчерпаемы и

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

проявления человеческого во всех сферах его деятельности, включая, естественно, и международные отношения.

Наконец, отдельного рассмотрения (по существу) заслуживает вопрос о *категориальном аппарате*, с которым работает и/или мог бы работать международник (будь он историком, философом или социологом). Это вопрос, имеющий прямое отношение к проблеме методологии исследования предмета, ибо категории, как и понятийный аппарат в целом суть своеобразная «оптика», с помощью которой он рассматривает мир и которая во многом предопределяет, что попадает в поле нашего умственного взора и что проходит мимо него.

Автор отдает себе отчет в том, что это – лишь базовая часть системы измерений философии международных отношений, которая должна будет пополняться по мере разработки последней. Отдает он себе отчет и в том, что философия международных отношений – как и другие «отраслевые» философии – на первоначальных ступенях своего развития будет являть (отчасти) своего рода проекцию основных составляющих общей философии на сферу международных отношений. И только впоследствии, в процессе самопознания и постижения собственной сущности она, возможно, сумеет раскрыть имманентные ей уникальные измерения, которые со временем обогатят и общефилософский арсенал. Впрочем, это дело довольно далекого будущего.

Становление в современной России философии политики как самостоятельной дисциплины, формирующейся на границе между политической наукой (которую у нас нередко называют нелепым, но уже прижившимся словом «политология») и философией⁵⁸, могло породить (и у кого-то породило) ожидания, что в ее рамках будет развиваться – в качестве субдисциплины – и философия международных отношений. Однако, как показывает практика, пока еще, правда, небогатая, этого не происходит: проблематика международных отношений если и находит место в работах по политической философии, то занимает в них периферийное положение. Их авторов больше волнуют проблемы политического бытия как такового, политической антропологии, политической праксиологии (теории политического действия), политической эпистемологии и т.п.

И это, в общем, естественная ситуация: соотношение философии политики и философии международных отношений в принципе отражает (рассмотренное выше) соотношение политики и международных отношений. Поскольку международные отношения

⁵⁸ Есть уже учебники и обобщающие исследования, которые могут быть использованы в качестве таковых. См.: *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996; *Поздняков Э.А.* Философия политики. Т. 1-2. М., 1994.

От науки о международных отношениях – к философии...

шире политики, то есть заключают в себе не только политические элементы, постольку и философия политики лишь частично «распространяется» на философию международных отношений, или, иначе говоря, философия политики составляет лишь часть (хотя и существенную часть) философии международных отношений.

С другой стороны, поскольку политика – в свою очередь – шире международных отношений, то есть рассматривает еще и внутринациональные вопросы, постольку и философия международных отношений лишь частично «распространяется» на философию политики, или, иначе говоря, философия международных отношений составляет лишь часть (хотя и существенную часть) философии политики⁵⁹.

Конечно, такого рода дифференциацию можно считать отчасти условной, поскольку общие принципы философии имеют универсальный характер, распространяясь на все сферы бытия и мышления. И поэтому, скажем, между философией права, философией хозяйства и философией морали есть немало общего (при условии, что речь идет именно о философии). Но есть и различия предметного плана, определяющие субстанциональную специфику этих философий и делающие необходимой их вычленение и самостоятельную разработку.

Мы рассматриваем философию международных отношений одновременно и как *субдисциплину философии*, и как *субдисциплину науки о международных отношениях*, причем последняя берется как *самостоятельная научная дисциплина* (а не как междисциплинарная область или субдисциплина политической науки). Такой статус философии международных отношений позволяет квалифицировать ее одновременно и как *междисциплинарную по отношению к философии и науке о международных отношениях область знания*.

Заметим, что с обеими дисциплинами ее роднит не только предметная, но также эмпирико-концептуальная связь. Философия ме-

⁵⁹ Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к исследованиям по политической философии. Например, книга Э.А. Позднякова «Философия политики» содержит ряд глав («Политика и идеология», «Нации, национализм, политика», «Геополитика» и др.), по существу не затрагивающих международную проблематику. Главы «Международные отношения» в работе нет вообще, но международная тематика, конечно, присутствует в книге и рассматривается фрагментарно в главах «Мировая политика», «Национальный интерес. Внутренняя и внешняя политика», «Политика и война», «Политика и нравственность», «Политика и экономика». В книге А.С. Панарина «Философия политики» международная проблематика не выделена в качестве самостоятельного объекта и рассматривается от случая к случаю.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ждународных отношений опирается не только на собственную эмпирическую основу (самостоятельно наблюдаемые и оцениваемые явления международной жизни), но и на эмпирическую базу философии и науки о международных отношениях и, естественно, на разработанные ими концепции и теории, которые выступают одновременно и в качестве объекта ее анализа.

Поскольку наука о международных отношениях (как, впрочем, и политическая наука) ориентируется в последние десятилетия на разработку так называемых теорий среднего уровня⁶⁰, это одновременно и затрудняет, и облегчает задачи философии международных отношений. Затрудняет потому, что не «снабжает» ее более масштабными социополитическими обобщениями, на создание которых всегда претендовали «большие» теории. Облегчает потому, что меньше сковывает ее в поисках собственных обобщений, созданием которых и занимается любая философия.

Отсутствие «больших» теорий во многом предопределяет и ситуацию в области методологии исследования. Пока еще рано говорить о том, ориентация на какую методологическую парадигму могла бы оказаться наиболее плодотворной для философии международных отношений. Рано говорить и о том, в русле какого общетеоретического направления она могла бы развиваться. Вполне возможно, что характерный для современного обществознания теоретико-методологический плюрализм (неизбежно порождающий теоретико-методологический эклектицизм), проявится и в области философии международных отношений. Но прежде ей надо родиться, научиться ходить и говорить.

⁶⁰ «В возрастающем объеме работ о МО как научной дисциплине единодушно отмечается, что за последние четверть века произошел сдвиг с «великих» теорий (по-видимому, имеются в виду «большие» теории, как их принято называть в социологии. — Э.Б.) к «теориям среднего уровня», причем работа Уолтца «Теория международной политики» (1979) остается единственным исключением. Традиционный здравый смысл науки свидетельствует о том, что следование «великой» теории оказалось химерой, а стремления к обобщениям, свойственные 60-м годам «сегодня кажутся неубедительными и даже претенциозными» (*Hoffmann S. An American Social Science: International Relations // Daedalus. 1977. Vol.106. P. 52; Olson W.C., Onuf N. The Growth of a Discipline: Reviewed // International Relations / S. Smith (ed.). Oxford, 1985. P. 13; Гоулдманн К. Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 388).*

О категориях философии международных отношений

Н и сама философия, ни другие науки не могут обойтись без соответствующего **категориального аппарата** как открытой системы *фундаментальных предельных понятий, раскрывающих базовые характеристики мира per se (философские категории) и/или предмета той или иной науки и описываемой им сферы бытия*. Категории, повторим, – это оптика, с помощью которой мы исследуем как мир в целом (философские категории), так и его конкретные объекты в их специфическом предметном срезе.

Понятно, что специализированные философии – такие, как, скажем, философия науки, философия языка, философия искусства, философия права, философия политики и т.п. – пользуются разными системами категорий, которые во многом совпадают в их философской части и различаются в части предметно-специфической. И тут философия международных отношений вряд ли составит исключение.

Как дисциплина философская, она не может не оперировать такими традиционными категориями, как «пространство», «время», «сущность», «явление» и т.п.⁶¹. С другой стороны, как дисциплина, связанная с наукой о международных отношениях, она не может не опираться на такие широко используемые ей категории, как «сила», «мировая система», «баланс сил», «гегемония» и т.п. В тот же ряд можно поставить категории политической и правовой науки, давно уже интегрированные наукой о международных отношениях, как, скажем, «право», «политика», «политический режим» и т.п.

⁶¹ Слово «традиционный» требует пояснений, ибо вопрос о философских категориях всегда был предметом дискуссий, идущих со времен Аристотеля. В своем ставшем классическим трактате «Категории» он выделяет в качестве таковых не онтологические характеристики окружающего мира, а типы предикатов, которые могут быть соотнесены с теми или иными предметами, а говоря проще – осмысленных высказываний о предметах. Отсюда и десять категорий, предложенных Аристотелем: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание (претерпевание). Но были и иные классификации (Фома Аквинский, Кант, Гегель, Гуссерль и др.), иные концепции философских категорий, в том числе и такие, в которых находилось место первоначалам бытия. Поэтому сегодня говорят о существовании как «категорий познания», так и о «категориях бытия» объектов познания. Это относится не только к философии, но и к наукам, исследующим разные формы бытия и сознания.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Но философия международных отношений – не просто «пользователь». Как дисциплина, локализуемая в рамках науки о международных отношениях, она должна была бы взять на себя (в порядке реализации имманентной ей когнитивно-методологической функции) решение задач, способствующих *повышению познавательной способности этой науки* и прежде всего – *упорядочению и совершенствованию ее категориального аппарата*.

Первая из этих задач – исследование категорий и не-категориальных концептов, уже используемых наукой о международных отношениях, их критический анализ, уточнение и в случае необходимости – дальнейшая предметная адаптация к объекту исследования или даже реинтерпретация.

Насколько актуальна эта задача, можно видеть хотя бы из той неразберихи, которая обычно возникает, когда заходит речь об идентификации отношений, складывающихся между странами. Например, между нынешней Россией и Соединенными Штатами Америки. «Союзничество», «партнерство», «сотрудничество» – понятия как будто бы ясные, но вместе с тем и лишены четких содержательных границ: каковы их основные признаки, где кончается одно и начинается другое? Ясных, однозначных ответов на эти вроде бы и несложные вопросы как не было, так и нет.

Уточнения требуют многие другие понятия, которыми пользуются международники. Только в последние годы в зарубежной и отечественной литературе появились работы, посвященные исследованию такой категории, как «сила»⁶². А что такое «справедливость» в международных отношениях, о которой с горячностью говорят и агрессоры, и их жертвы? Джон Ролз, столько сделавший для исследования этого понятия в общеполитическом, а отчасти в экономическом и социальном аспектах⁶³, бросил всего лишь несколько фраз о «справедливости» в сфере международных отношений. Но здесь есть своя специфика. Или взять такое понятие, как «терпимость». Майкл Уолцер, серьезно исследовавший эту категорию⁶⁴, в том числе и в международном плане, дал ответы далеко не на все вопросы, да и то лишь предварительные. Не лучше обстоит дело и с категорией «равенства», которое нуждается не только в чисто юридической интерпретации, что хорошо показал Роналд Дворкин.

⁶² См.: *Давыдов Ю.П.* Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002; Он же. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2004. № 1.

⁶³ *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

⁶⁴ *Уолцер М.* О терпимости. М., 1997.

О категориях философии международных отношений

Адаптации к сфере международных отношений требуют и упомянутые выше традиционные философские категории – «пространство», «время» и т.д. Очевидно, что, скажем, пространство физическое (да и оно разнотипно) и геополитическое отличаются друг от друга по ряду существенных свойств, о чем мы не имеем сегодня ясного представления. То же касается и «времени», которое в разных точках политического пространства протекает с разной скоростью.

Да и собственно политические категории нуждаются в адаптации к сфере международных отношений. В этой связи имело бы смысл остановиться на концепции «политического», предложенной еще в первой половине прошлого века выдающимся философом Карлом Шмиттом, который поставил перед собой задачу «определить понятие политического» путем обнаружения в нем и установления «специфически политических категорий»⁶⁵. «Ведь политическое, – пояснял он, – имеет свои собственные критерии, начинающие своеобразно действовать в противоположность различным, относительно самостоятельным предметным областям человеческого мышления и действия, в особенности в противоположность моральному, эстетическому, экономическому»⁶⁶.

К вопросу о соотношении «политического», с одной стороны, и морального, эстетического и экономического – с другой, мы еще вернемся. А пока посмотрим, как Шмитт идет к решению поставленной им перед собой задачи, ибо опыт его поучителен. «Специфические политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – пишет он, – это различие друга и врага [*amicus / hostis*]... такое различие применительно к политическому аналогично относительно самостоятельным критериям других противоположностей: доброму и злему в моральном, прекрасному и безобразному в эстетическом и т.д... Смысл различия друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различия. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и

⁶⁵ Шмитт К. Понятие политического // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997. С. 292.

⁶⁶ Там же.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

для существования его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором “непричастного” и потому “беспристрастного” третьего»⁶⁷.

Понятно, что экстремальный случай, о котором говорит Шмитт, – это борьба, война. «Понятия “друг”, “враг” и “борьба” свой реальный смысл получают благодаря тому, что они в особенности соотношены и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды»⁶⁸.

В самом деле, субъекты политического процесса всегда определенным образом дифференцированы, и поскольку по отношению к любому субъекту всякий другой субъект выступает в качестве объекта, то вполне естественной выглядит и предложенная немецким мыслителем дифференциация бинарно-оппозиционного типа: Субъект – Объект. А как могут взаимодействовать Субъект и Объект в политике, где идет борьба за власть, ресурсы, влияние, престиж? В предельных случаях – как Друзья и как Враги.

Это прекрасно понимали великие политические мыслители прошлого, что ярче других продемонстрировал в своих творениях Томас Гоббс с его *homo homini lupus est u bellum omnium contra omnes* (человек человеку – волк; война всех против всех). И нет ничего удивительного, что Карл Шмитт, не только прекрасно знавший его, выделяет предельный случай дифференциации субъектов политического процесса: *amicus – hostis*, которые рассматривает в качестве имманентных и притом основных категорий политического.

Но может ли шмиттовская схема быть спроецирована на сферу международных отношений? Очевидно, что может. Больше того, действующие на международной арене субъекты выступают один по отношению к другому в качестве Врагов (собирающих вокруг себя Друзей), ввязывающихся в войну⁶⁹, гораздо чаще, чем

⁶⁷ Там же. С. 292-293.

⁶⁸ Там же. С. 297.

⁶⁹ Не было, кажется, ни одного крупного (о великих уже не говорю) философа, который бы не обратил своего взгляда на проблему война-мир. Разумеется, речь идет о широком толковании этих понятий, то есть не просто о столкновении вооруженных групп людей на поле брани с последующим замирением и даже не о стремлении одного субъекта подчинить своей воле другого путем применения насилия, установить над другим свою власть (хотя об этом тоже), но о вражде и дружбе,

О категориях философии международных отношений

субъекты внутренней политики. Но Шмитт, повторю, берет предельный случай взаимодействия субъектов политического процесса. А международные отношения на протяжении большей части своей истории развивались и продолжают развиваться в пространстве, занимающем промежуточное положение между двумя экстремами. Такая ситуация тем более характерна для пост-ялтинско-потсдамского мира, в котором существовавшее на протяжении нескольких десятилетий противостояние двух мировых систем (если угодно – лагерей) уступило место – в качестве доминирующих – иным типам взаимодействий.

Сегодня в качестве основных оппонентов в международных отношениях выступают не столько Друзья и Враги (хотя они, конечно же, тоже существуют), сколько Свои и Чужие⁷⁰. Эти понятия, опять-таки образующие бинарную оппозицию, также могут

о борьбе и единстве противоположностей, об источнике развития, о бытии-небытии. Наконец, философское понимание проблемы война-мир – это ключ (во всяком случае, один из ключей) к пониманию международных отношений в единстве их сущности и существования.

В связи со сказанным уместно обратить внимание на то не всегда лежащее на поверхности, но при внимательном анализе все же «прочитываемое» обстоятельство, что современные (да, впрочем, и не только современные) международные политические институты, современное международное право покоятся на скрытой и, возможно, не всегда осознаваемой презумпции неизбывного тяготения человечества к войне, к массовому убийству – санкционированному и несанкционированному, а в предельном случае – к самоубийству. Да ведь и о стремлении к миру мы говорим именно потому, что исходим из той же самой презумпции *естественности не мира, но войны*. Именно эта презумпция определяет глубинное фундаментальное недоверие народов друг к другу, стремление подняться над другим и в случае необходимости – уничтожить его. Что скрывается, например, за знаменитым тезисом, входящим в доктрину Буша и выраженным с помощью такого понятия, как *pre-emption*, означющим ориентацию на упреждение, на упреждающий удар? Все та же презумпция, о которой шла речь выше. Надежной гарантией моего собственного бытия может быть только небытие другого как врага – реального или потенциального. Эта презумпция стояла за стремлением к построению великих империй прошлого. Она стоит за действиями современных держав. Словом, *si vis pacem, para bellum* – *хочешь мира, готовься к войне*.

⁷⁰ Это можно видеть на примере взаимоотношений Запада и России. Они перестали восприниматься друг другом как враги. Но они не стали и друзьями, хотя, судя по многим признакам, Россия искренне на это надеялась – особенно в начале 90-х годов. Со временем все более отчетливо стало проявляться то, о чем много лет назад говорили наиболее пронципательные российские мыслители, в частности, Иван Ильин: Россия для Запада – чужая страна, да и Запад для России – чужая земля. В будущем это может измениться, но для этого потребуются годы и годы совместных усилий.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

рассматриваться в качестве категорий науки о международных отношениях. При этом их следует брать в единстве с категориальной парой Друзья – Враги: и потому, что они дополняют друг друга (отношения в мире в каждый данный момент складываются по линиям, обозначаемым этими двумя биномами), и потому, что они пребывают в динамическом состоянии. Позавчерашний Враг превращается на следующий день в Чужого, а потом и вовсе становится Своим. Так менялась, например, роль Германии по отношению к СССР-России с начала 40-х годов XX века по настоящее время. Равным образом вчерашний Друг нередко превращается в Чужого, а потом и во Врага. (Примеров тому множество и в прошлых, и в современных международных отношениях, но поскольку дипломатию никто пока не отменял, оставим эти примеры на усмотрение догадливого читателя.)

Но сложный, динамичный характер отношений акторов, действующих на мировой арене, не может быть втиснут в рамки двух рассмотренных биномов. И для большего прояснения дела требуется ввести еще одну категориальную пару – Мы и Они. Это более слабая степень дифференциации, чем Свои и Чужие, но она и более универсальна. Деление на Мы и Они может быть распространено не только на Друзей и Врагов, но также и на Своих и Чужих. Например, в Североатлантическом альянсе все – Свои. Чужих там быть просто не может. И если бы таковые там появились каким-то чудом, то он перестал бы существовать как военно-политический блок. Но каждый из его членов или отдельные группы входящих в него государств могут воспринимать других его членов и/или другие группы как отличных от себя: это – Они⁷¹. Так что Они – это совсем не обязательно Чужие, тем более не обязательно Враги. Но Чужие и Враги – это всегда – Они: Они в предельном отличии от Мы.

Прослеживая эволюцию взаимодействий между субъектами международных отношений за более или менее длительный период, аналитик без труда обнаружит, что она в общем и целом протекает в пространстве, очерченном тремя рассмотренными выше категориальными биномами: Друзья – Враги, Свои – Чужие, Мы – Они. А каждая из этих пар категорий фиксирует точки и пределы взаимных состояний и взаимодействий субъектов

⁷¹ Тип дифференциации *Мы – Они* может выступать и в форме *Мы – Другие*. Хотя *Они* и *Другие* отличаются некоторыми нюансами, которыми можно пренебречь без ущерба для дела. См. об этом: Проблема «Мы-Другие» в контексте исторического и культурного опыта США. Материалы VII Международной научной конференции Ассоциации изучения США. М., 2002.

О категориях философии международных отношений

международных отношений. Но все это – очень общие категории, не позволяющие с должной точностью и тонкостью зафиксировать нюансы отношений, складывающихся ныне между отдельными странами и группами стран. Поэтому одной из важнейших задач философии международных отношений могло бы стать дальнейшее уточнение и углубление содержания уже существующих и используемых категорий, а также уточнение существующих между ними связей.

Естественным продолжением и дополнением этой задачи можно считать *придание категориального статуса* концептам, фактически используемым современной наукой о международных отношениях в качестве универсалий и предельных понятий, но при этом произвольно наполняемых разными смыслами и применяемых неадекватным образом.

Речь идет, в частности, о таких понятиях, как «полюс», «порядок», «мировой порядок» и т.п. Пришедшие много лет назад из политической публицистики как лишённые глубокого смысла речевые штампы, они со временем не только получили широкое распространение в политико-академической среде, но и стали использоваться как опорные концепты в политической науке – прежде всего, конечно, в науке о международных отношениях. И хотя количество научных текстов, в которых мы находим эти понятия, не поддается учету, а некоторые из них вошли в политологические словари, их смысловые границы остаются размытыми, когнитивный статус – неопределенным, а использование – нередко контрпродуктивным.

Это легко проследить на примере понятия «полюс» и производных от него – «полюсный» и «полюсность». Теперь уже мало кому режут слух рассуждения о «многополюсном мире» и «однополюсном мире», о «многополюсности» и «однополюсности» (иной раз говорят даже о «многополярном мире» и «однополярном мире», о «многополярности» и «однополярности»). А между тем (и автор этих строк высказывал свои соображения на сей счет не единожды⁷²) все рассуждения подобного рода – чистая бессмыслица. Ведь «полюс» – не любой центр силы, как наивно полагают иные аналитики, а центр силы особого рода: наделенный эксклюзивными характеристиками, отсутствующими у обычных центров силы, он может существовать в рамках политико-силовой системы лишь в сочетании с другим, но только одним (!), аналогичным ему центром. «Полюсов» может быть либо два, либо ни одного. И политические системы могут быть соответственно либо «двухполюсными» (но,

⁷² См.: *Баталов Э.Я.* Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль-XXI. 2001. № 1.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

конечно же, не «биполярными»), а иначе сказать – просто «полюсными», либо вовсе бесполюсными. Рассуждения о «многополюсных» и «однополюсных» системах разрушают само понятие «полюсности» и размывают грани между качественно различными центрами силы. А это ведет к теоретически некорректным и политически дезориентирующим выводам. Задача философии международных отношений – попытаться придать понятию «полюс» категориальную строгость, очистить его от искажающих смысл наслоений, показать, что полицентричный мир – это вовсе не многополюсный мир.

Примерно такая же ситуация складывается и с некоторыми другими понятиями («порядок», «хаос», «мировой порядок», «центр», «периферия» и др.), получившими распространение в современной науке о международных отношениях. Если не произвести в ней необходимого понятийного упорядочения (не осуществить «исправления имен», как говаривали умудренные в подобного рода делах конфуцианцы), то мы можем прийти в конечном счете (концептуальный аппарат политико-международной науки быстро растет в объеме) к концептуальному коллапсу, когда люди, пользующиеся одними и теми же понятиями, будут на самом деле говорить о разных вещах, а одни и те же вещи обозначать с помощью разных понятий. Как это может влиять на результаты концептуального анализа и оценку политической ситуации, легко проследить на примере существующих ныне представлений об упорядоченности после-холодно-военного мира. Все согласны в том, что Ялтинско-Потсдамского мирового порядка больше не существует. Но что пришло ему на смену? Одни утверждают, что сложился новый миропорядок. Другие полагают, что он только начинает складываться, и до его оформления еще далеко. Третьи (хотя таких и не очень много, но они тоже есть) убеждены, что в современном мире вообще нет никакого порядка. И связано это во многом с различным толкованием понятия «порядок»⁷³.

Есть и еще задача, решение которой могло бы стать одной из функций рассматриваемой философской дисциплины. Это *систематизация категорий*, которыми пользуется наука о международных отношениях и последующее *постоянное отслеживание (мониторинг)* состояния ее категориального аппарата, его корректировка, дальнейшее совершенствование и развитие. При этом под систематизацией имеется в виду не создание какой-то жесткой, закрытой структуры со строгой субординацией поня-

⁷³ См. об этом: *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа.

О категориях философии международных отношений

тий, а упорядочение категорий, их взаимная увязка, соподчинение в рамках открытой, динамичной, но целостной понятийной системы. Такой системы, которая бы более или менее адекватно отражала реальные связи, характеризующие современную международную политическую систему – как на общесистемном, так и на элементарном уровнях. Только при наличии упорядоченного, систематизированного категориального аппарата та или иная наука – естественная, общественная или гуманитарная – может рассчитывать на получение более или менее точной картины исследуемого ею объекта.

То же можно сказать и о философии с ее системой общих категорий бытия и познания. В этой связи резонно напомнить, что попытки классификации и систематизации категорий (в соответствии с теми или иными критериями) предпринимались многими мыслителями прошлого, включая Августина, Аквината, Гоббса, Канта, Гегеля, Гуссерля и других. Аналогичные попытки предпринимались исследователями, занимавшимися разработкой философии науки, философии искусства и т.п.

Многовековой опыт развития философии и науки убедительно свидетельствует о том, что нет (и не может быть) ни единых критериев систематизации категорий, ни, естественно, единой системы категорий – философских или научных. Выбор конкретных критериев и конкретной системы определяется многими факторами, начиная от уровня развития объекта исследования и кончая теоретическими интересами исследователя и диктующими их практическими задачами. Что касается науки о международных отношениях, то, на наш взгляд, на данном этапе ее развития и теории, и политики нуждаются прежде всего в системе категорий, дающей общее представление о современных международных отношениях – и на макроуровне, и на уровне отдельных их элементов.

Эту категориальную систему можно было бы условно разбить на три группы.

Во-первых, на категории, фиксирующие базовые онтологические признаки международных отношений, как то «безопасность» («международная безопасность»), «стабильность», «мировой порядок» («миропорядок»), «сила» (с учетом предлагаемого Дж. Наем разделения последней на «жесткую силу» и «мягкую силу»), «баланс сил», «баланс интересов», «консенсус» и т.д.

Во-вторых, категории, фиксирующие состояние отношений между акторами, выступающими на мировой арене, как то «война», «мир», «сотрудничество», «партнерство», «зависимость», «гегемония» и т.п.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

В-третьих, категории, фиксирующие *изменения*, происходящие как в отношениях между отдельными странами, так и в рамках мировой политической системы в целом: «интеграция», «дезинтеграция», «транзит», «модернизация», «глобализация» и т.д.⁷⁴

Практический смысл уточнения и систематизации категорий науки о международных отношениях заключается в том, чтобы, исследуя и оценивая тот или иной феномен международной жизни, мы могли не только иметь представление о его основных «родовых» и «видовых» признаках, но и о его связи с другими феноменами, его генезисе и возможных перспективах развития.

Этой же цели может служить и мониторинг, о котором шла речь выше. Система международных отношений – живой, развивающийся организм: в нем что-то постоянно отмирает, а что-то рождается. Эти изменения должны находить (и в общем, как правило, находят, пусть с запозданием) отражение в изменениях категориального аппарата. Ушли в историю такие – некогда ходовые – понятия, как «мировая социалистическая система», «разрядка международной напряженности», «мирное сосуществование» и т.п. На смену им пришли «глобализация», «унилатерализм», «мультилатерализм» и т.п. Такого рода смена – признак жизни. И признак нашей способности отражать происходящие изменения в категориях науки о международных отношениях.

⁷⁴ Некоторые из этих понятий вошли в общие и специализированные словари. Часть из них имеет широкое хождение («мир», «война», «гегемония» и пр.) и разработана достаточно глубоко. Но и они претерпевают изменение и нуждаются в дальнейшем исследовании и углублении, о чем свидетельствуют затруднения, с которыми сталкиваются политики и аналитики при интерпретации такого явления, как современный международный терроризм. Другие понятия почти не разработаны, о чем порой как раз и свидетельствует содержание интерпретирующих их статей.

О сущности международных отношений

Одной из главных проблем, исследованием которых должна была бы, на наш взгляд, озаботиться философия международных отношений и которую она должна была бы постоянно держать в центре своего внимания, – это вопрос об их **сущности**. Выше, касаясь содержания этих отношений, мы рассматривали их в основном как *явление*. А что скрывается за этим явлением, что *определяет* его содержание? Иначе говоря, какова *сущность* международных отношений?

Это один из «самых философских», если можно так сказать, вопросов, который как-то не принято рассматривать в литературе по международным отношениям. И дело тут, видимо, не только в его трудности – он кажется многим слишком уж абстрактным, далеким от жизни, чтобы заинтересовать даже теоретика-международника. А между тем, не прояснив, хотя бы в самом первом приближении, сущность международных отношений, трудно дать корректную оценку их состояния на том или ином этапе развития, равно как и выявить возможные перспективы дальнейшей эволюции.

Впрочем, нас могут тут же и остановить сами философы, заявив, что автор придерживается классических, традиционных канонов, будто бы отвергаемых «современной наукой». Неопозитивист примется доказывать, что никакой сущности на самом деле нет, а есть только «наблюдаемые явления». Структуралист переведет разговор на «структуру». Постмодернист поведет речь о «смысле» и «тексте» и т.п. И ничего в этом удивительного. Разногласия по поводу обоснованности рассуждений о сущности вещей, а тем более по поводу содержания самого понятия сущности, имели место всегда. Как всегда присутствовало стремление обнаружить и раскрыть «тайну» разных вещей – от самых далеких до повседневных. Эта неизбывная устремленность к постижению сокрытого от нашего непосредственного взора, эта попытка «разглядеть за деревьями лес» находит отражение и в постановке проблемы сущности, и в конкретных ее интерпретациях.

Не вдаваясь в содержание многовековых философских споров по рассматриваемому вопросу (а в нем участвовали все «великие», включая Платона, Аристотеля, Фому Аквинского, Канта, Гегеля, Маркса, равно как и многие из крупнейших мыслителей минувшего столетия), заметим, что сегодня сущность обычно истолковывают (в случае признания наличия таковой) как *внутреннее содержание предмета*, выражающееся в *единстве форм его бытия*; как *комплекс основных его характеристик*; как *субстанциональное ядро вещи* и т.п.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Отвлекаясь от чисто философских определений, мы можем сказать, что сущность – это *совокупность констант, которые делают данную вещь именно данной вещью* (человека – человеком, государство – государством, политику – политикой и т.п.) и позволяют ей оставаться таковой при всех ее изменениях. Исчезает сущность вещи – исчезает вещь как таковая, хотя ее физический субстрат порой остается (почти) неизменным. Такое случается порой с государством: сохраняется и территория, и население, и культура, а государства уже нет, поскольку исчезла система отношений, прежде всего институциональных, придававшая ему качественную определенность.

Так и с международными отношениями. Они существуют не одно столетие, и за это время их конкретное содержание менялось многократно. Да и не только содержание. Изменялись их структура, масштабы и другие базовые параметры. И все равно это были международные отношения, что и зафиксировано наукой, давно уже легитимизировавшей такую дисциплину, как «история международных отношений», по определению признающей континуальность состояний изменяющегося предмета, а значит и присутствия в них чего-то такого, что остается неизменным при всех метаморфозах последнего. Более того, сегодня речь идет уже о системности истории международных отношений, что предполагает признание не только временного, но также пространственного и субстанционального единства этих отношений – отнюдь не однородных⁷⁵.

Но это справедливо не только применительно к истории. Разве отношения, сложившиеся ныне между одними государствами (скажем, Соединенными Штатами и Великобританией) не отличаются от отношений между другими государствами (например, теми же Соединенными Штатами и Сомали, или Алжиром)? Тем не менее и те, и другие мы одинаково определяем – и делаем это вполне обоснованно – как «международные». Очевидно, при всех пространственно-временных изменениях международных отношений, при всех существующих между ними различиях в них сохраняется не-

⁷⁵ Характеризуя свой подход к предмету, авторы «Системной истории международных отношений» заявляют о своем намерении «дать системное освещение» процесса развития международных отношений. «Системным наш подход называется потому, что в его основе не просто хронологически выверенное и достоверное изложение фактов дипломатической истории, а показ логики, движущих сил важнейших событий мировой политики в их не всегда очевидной и часто не прямой взаимосвязи между собой» (Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. М., 2000. С. 9). Но как можно выявить логику «не всегда очевидной и часто не прямой взаимосвязи» явлений? Только одним путем, а именно обнаружив и прояснив скрывающуюся за ними сущность.

О сущности международных отношений

что общее – если и не неизменное, то изменяющееся очень медленно и исчезающее только вместе с самими международными отношениями. Это и есть их сущность⁷⁶. Только постигнув сущность вещи⁷⁷, сможем мы понять, что она собой представляет, чем отличается от других вещей и каков смысл ее существования.

Суть любых отношений в том, что они *устанавливают связи между предметами, соединяют их, превращают многое в единое, частное – в целое*, но, как правило, *внутренне противоречивое* единое и многосоставное целое. Характер, полнота, устойчивость связей между элементами единого (целого) могут варьировать от ситуации к ситуации. Различной может быть степень «плотности», «монолитности», устойчивости единства (целостности). Но в любом случае налицо *единство-в-многообразии (unity-in-diversity)*. Однако суть дела от этого не меняется: установление отношений между предметами ведет к их единению – пусть только в каком-то одном аспекте, пусть поверхностно и на короткое время.

Международные отношения – еще одно тому подтверждение. Говоря коротко и абстрактно, их суть – в *умножении малого, преобразовании (интеграции) многого в единое, соединении частей – в целое*. При этом единство международных отношений, как и любых иных отношений, имеет *внутренне противоречивый* характер, а их целостность никогда не перестает быть *многосоставной (множественной)*.

Развертывая этот тезис в плане субстанциональном, мы, конечно, должны исходить прежде всего из представлений о международных отношениях как человеческих отношениях. Не предвосхищая содержания главы об антропологии международных отношений, заметим лишь, что последние следует рассматривать как превращенную форму *межличностных отношений*. Это не значит, что государства и другие институты, вступающие в отношения друг с другом на международной арене, тождественны личностям и ведут

⁷⁶ Сущность вещи *per se*, взятой в ее целостности, может не совпадать с сущностью ее конкретных форм и частных проявлений. Так, сущность *современных* международных отношений отличается от сущности международных отношений *как таковых*, а сущность отношений между США и, скажем, Сирией или Ираком отличается от сущности отношений между США и Израилем или между США и Великобританией.

⁷⁷ Вопрос о возможности постижения сущности предмета и степени этой возможности, поскольку таковая в принципе признается, всегда вызывал горячие споры. Кант с его «вещью самой по себе» (воспринимаемой познающим субъектом как «вещь в себе») отрицал такую возможность. Гегель такую возможность признавал. Были и другие позиции. Мы исходим из признания как наличия сущности, так и принципиальной возможности ее познания, но при этом солидаризируемся с теми философами, кто, полагая сущность любого предмета неисчерпаемой, считает, что познание это также не может быть исчерпывающим.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

себя как личности, хотя какая-то аналогия (акцентируемая сторонниками философии персонализма) тут порой и просматривается. Но это значит, что сущность международных отношений детерминируется в известной степени сущностью человека.

В плане функциональном международные отношения в их сущностном проявлении могут рассматриваться как своеобразный *двуединый механизм*⁷⁸. Во-первых, как механизм собирания разобщенных частей человечества (народов) в единую человеческую общность; связывания (объединения) разрозненных частей мира (государств и территорий) в региональные и глобальную целостности; преобразования беспорядочных связей между народами и государствами в упорядоченное целое. Во-вторых, как механизм саморегуляции международной жизни: политической (*self-governing*) и административной (*self-managing*), осуществляемой в условиях «анархичного» мира через посредство все усложняющейся сети⁷⁹

⁷⁸ В данном случае, как, впрочем, и в ряде других, правильнее было бы, наверное, говорить не о «механизме», а об «организме», ибо международные отношения — это именно живой, развивающийся, находящийся в процессе информационного обмена со средой организм. Это организм, способный выполнять — но по-иному — те же самые (а также и другие) функции, что и механизм. Однако понятие механизма, доставшееся в наследство от старой понятийной культуры, порожденной эпохой механистического мировоззрения, столь прочно вошло в научный лексикон, что заменить его понятием организма значило бы повысить риск оказаться не понятым читателем.

⁷⁹ Рассуждения Мануэля Кастельса о «сетевом обществе» (*Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000*) наводят на мысль о продуктивности рассмотрения международных отношений, складывающихся в рамках информационного общества, как сетевой структуры. Сам Кастельс опирается на рассуждения Кевина Келли о сетевой логике. По словам Келли, «Атом — это прошлое. Символом науки для следующего столетия является динамическая сеть... В то время как атом является воплощением идеальной простоты, каналам сети присуща чудовищная сложность... Единственная организация, способная к не обремененному предвзвешенными росту или самостоятельному обучению, есть сеть. Все прочие топологии ограничивают то, что может случиться. Сетевой рой весь состоит из краев, и поэтому открыт для любого пути, которым вы к нему подходите. В самом деле, сеть есть наименее структурированная организация, о которой можно сказать, что она имеет структуру вообще... Фактически, множество поистине расходящихся компонентов может оставаться когерентным только в сети. Никакая другая расстановка — цепь, пирамида, дерево, круг, колесо со ступицей — не может содержать истинное разнообразие, работающее как целое» (Kelly K. *Out of Control: The Rise of Neobiological Civilization. Menlo Park, CA., 1995. P. 25-27*). Цит. по: *Кастельс М. Указ. соч. С. 77*. В этом высказывании много спорного — например, утверждение, что сеть — «наименее структурированная организация». Но эвристический потенциал самой идеи сети представляется многообещающим.

О сущности международных отношений

наднациональных связей и институтов. Неудивительно, что в последние годы был предпринят ряд попыток (довольно удачных) рассмотрения международных отношений как «сетевой структуры»⁸⁰.

Это предопределяет соответствующую интерпретацию сущности истории международных отношений как *истории движения* (непоследовательного, противоречивого, с происходящими время от времени «откатами») *от раздельно существующих, частных человеческих общностей к единой, хотя и гетерогенной (сохраняющей внутреннее и внешнее многообразие) глобальной общности, приобретающей со временем «сетевой» характер.*

В связи со сказанным встает множество вопросов. Что за силы подталкивают народы (нации), государства, организации, социальные, экономические, политические и иные группы и даже отдельных граждан на путь установления отношений друг с другом? Какими мотивами руководствуются при этом субъекты международных отношений, какие цели преследуют? Какими видятся перспективы их дальнейшего развития с точки зрения предлагаемого понимания их сущности и что представляет собой то состояние, к ко-

⁸⁰ Пожалуй, наиболее интересная из таких попыток — книга профессора Принстонского университета Э.-М. Слотер «Новый мировой порядок» (*Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, 2004*). Этот порядок, характеризуемый автором как «дисагрегированный» (*disaggregated*), устанавливается в результате (и в условиях) превращения государств в структуры, которые продолжают действовать на мировой арене как унитарные суверенные образования, хотя в действительности больше не являются таковыми, или, точнее сказать, являются таковыми в неполной мере. Составляющие их части (институты), выполняя возложенные на них функции, вырываются из-под контроля целого (государства), обретают относительную самостоятельность, вступают во взаимодействие с аналогичными частями (институтами) других государств. Так образуются структурные и функциональные «правительственные сети» (*government networks*), опутывающие, или, как говорит Э.-М. Слотер, покрывающие своими решетками, весь мир. Так что «новый мировой порядок», описываемый американской исследовательницей, это порядок не только «дисагрегированный», но еще и «сетевой».

«Сети» — это «формы (*patterns*) регулярных и целенаправленных отношений» устанавливающихся между акторами, действующими на международной арене. Любопытно, что автор «Нового мирового порядка» начинает свою книгу с констатации существования глобальных криминальных сетей, через которые действуют террористы, идет торговля оружием и наркоторговля, отмываются деньги и т.п. Но теперь наряду с ними действуют, разрастаясь вширь и вглубь и все больше набирая силу, «правительственные сети», «представляющие собой ключевую черту мирового порядка в двадцать первом веке». Именно через такие сети, а не через некие централизованные структуры вроде мирового правительства, о котором грезят иные реформаторы, подчеркивает Слотер, и будет осуществляться управление миром в XXI веке.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

торому они могли бы (речь о вероятностных вариантах) прийти? Таковы лишь некоторые из вопросов, представляющих интерес для философии международных отношений. Как, впрочем, и вопрос о самой их сущности, путь к альтернативным решениям которого всегда остается открытым.

Очевидно, что отмеченные выше интеграционные процессы суть объективные тенденции, реализующиеся через посредство акторов, действующих на индивидуальном, групповом, национальном и транснациональном уровнях и движимые соответственно индивидуальными, групповыми и иными потребностями и интересами, а также подкрепляющими их мотивами.

Объединение разрозненных частей мира (государств и территорий) в региональное и глобальное целое – процесс хотя и не лишенный стихийного начала, но в то же время во многом сознательно направляемый. Никто из великих завоевателей и «собирателей земель», будь то Александр Македонский, строители Британской и иных империй, равно как и никто из видных политиков имперской ориентации, будь то Вильсон, Черчилль, Сталин или кто-то еще, конечно же, не ставил перед собой такой абстрактной задачи, как интеграция мира или каких-то его частей в единое целое и не предвидел глубоких исторических последствий своих действий. Их задачи были более конкретными, а планы – более приземленными.

Как свидетельствует история международных отношений, в числе основных побудительных мотивов установления и расширения контактов одних субъектов с другими всегда была (и остается) постоянная, хотя и не всегда осознаваемая *потребность народов и государств в умножении своих сил и возможностей, в компенсации своей неспособности самостоятельно, опираясь исключительно на собственные ресурсы (в широком смысле слова) решать свои проблемы и защищать свои интересы*. Можно сказать и по-другому: *международные отношения – это механизм (способ) подключения Другого к решению Моих проблем и защите моих интересов и наоборот – подключения Меня к решению проблем и защите интересов Другого*. Именно в процессе такого рода «подключений» (в тенденции они все более умножались, усложнялись и расширялись), растянувшихся на века и тысячелетия, происходила интеграция разрозненных частей мира в глобальное целое, сложившееся к концу XX – началу XXI века и в общем продолжающее свой рост.

Этот процесс, раскрывающий одну из ипостасей сущности международных отношений, никогда не был поступательным, однонаправленным: связи между их субъектами то устанавливались, то разрывались, то вновь восстанавливались – в иных формах и объемах и на ином уровне. При этом сам состав субъектов постоянно ме-

О сущности международных отношений

нялся. Это отчетливо прослеживается на примере Европы. Трудно отыскать современное европейское государство, границы которого не перекраивались бы – и не раз – на протяжении последних двух-трех веков. Особенно «повезло» в этом отношении Польше, Германии, Венгрии, да и ряду других стран, включая Россию. А общий итог – полуединая Европа. Именно так, ибо до полного единства далеко, и никто не скажет сегодня, будет ли оно углубляться или разрушится через пятнадцать-двадцать лет под ударами волн истории. Но каким бы ни было дальнейшее развитие событий, плоды долгого процесса интеграции – налицо. И не только в Европе. Пресловутая глобализация охватила всю планету, и хотя она протекает неравномерно в пространстве и времени, степень интегрированности современного мира не идет ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось век или даже полвека назад.

Но тенденция к «собираанию земель» и объединению государств характеризуется не только неравномерностью. Она прокладывает себе путь в истории «с помощью» разных – вплоть до взаимоисключающих – средств. Некоторые из убежденных пацифистов ратовали за добровольное объединение государств (в том числе путем заключения федеративного договора, как это предлагал Кант) именно с целью предотвращения войн. Однако на деле получалось так, что, как раз пройдя через крупномасштабные войны, заново поделенный и переделанный мир делал очередной шаг на пути к интеграции. Так было после Первой мировой войны. Так было после Второй мировой войны. И так было после Первой холодной войны.

Значит ли это, что к сущности международных отношений причастен не только мир, но и война? Или, иначе говоря, что сущность международных отношений находит воплощение (формируется) как в мире, так и в войне? Многие исследователи признавали и признают (порой, не скрывая своего сожаления), что война оказывается более естественным состоянием человечества и более естественной формой взаимоотношения народов, чем мир⁸¹. Сохранится ли такое положение и в дальнейшем – вопрос открытый. Не исключено, что на смену мировым войнам придут войны локальные,

⁸¹ Как писал, например, Кант, «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза» (*Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М., 1994. С. 12*). Об этом писали впоследствии и многие другие мыслители и аналитики. «Война, судя по всему, стара, как само человечество, мир – это новейшее изобретение». Так писал юрист сэра Генри Мейн в середине девятнадцатого века. Нет оснований думать, что он ошибался» (*Ховард М. Изобретение мира. М., 2002. С. 9*).

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

причем в каких-то новых, нетрадиционных формах (типа гуманитарных интервенций). Однако нет никаких оснований ожидать, что государственно-организованное и легитимизированное массовое насилие одного мирового актора против другого перестанет быть причастным к сущности международных отношений.

В отличие от «собираания земель» и объединения государств, которое являлось *целью* деятельности многих политиков и полководцев и лежало в основе их внешнеполитической стратегии, «собрать» разрозненные части человечества (народы) в единую общность, в «одну большую семью», объединить их культуры не ставил своей целью ни один из крупных политиков или военачальников. Были философы, которые рассуждали о «единстве рода человеческого», об «общечеловеческой солидарности» и «взаимопомощи» как условия выживания человечества. Были писатели, поэты и прожектеры, утверждавшие, что ни один народ «не полон» без других народов, что колокол, звонящий по одному человеку (а это можно перенести и на народ), звонит одновременно и по другому, что люди должны, разрушив государственные границы, а возможно, похоронив государство как таковое, объединиться «в мировом масштабе»⁸². Но очень редко поэзия мечтаний перерастала в прозу глобальной политической стратегии и становилась программой реальных действий, а если это и происходило, то исход оказывался далеким от ожидаемого. Так что единение отдельных частей человечества и сближение созданных ими культур и цивилизаций осуществлялось на протяжении большей части мировой истории в основном стихийно. Но и этот процесс протекал и протекает в рамках международных отношений – как побочное следствие целенаправленного объединения разрозненных частей мира в единое целое – и являет собой одно из воплощений их сущности.

Конечно, никакой «единой человеческой семьи» или «единой мировой культуры» никогда не существовало и не существует до сих пор. И появятся ли они когда-нибудь вообще – вопрос открытый. Но если сравнить нынешнюю картину с той, что наблюдалась сто, а тем более двести или триста лет назад, то нельзя не признать: прогресс в сближении – глобальном сближении – народов и национальных культур достигнут громадный, и процесс этот идет пока что по нарастающей, чему немало способствует глобализация, со-

⁸² В современной литературе по международным отношениям эта идея получила воплощение в концепциях и моделях «мирового сообщества». См.: Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. Много пишет об этом и такой убежденный сторонник коммуитаризма, как А. Этциони. См., например, переведенную в 2004 г. его книгу «От империи к сообществу».

О сущности международных отношений

вершенствование средств транспорта и связи, как, впрочем, и трансформация (в сторону массовизации, унификации и примитивизации) самих национальных культур.

Надо ли пояснять, что тенденция к единению народов и культур, как и тенденция к единению государств и территорий, никогда не была, да и не может быть прямолинейной, поступательной и бесконфликтной. Она тоже пробивала и пробивает себе путь через разъединения, разрывы и насилия. Самый свежий пример – у всех на памяти. На протяжении большей части XX века мир, то есть населяющие его народы и их культуры, были разделены на капиталистический Запад и социалистический Восток, к которым после Второй мировой войны добавились так называемые развивающиеся страны. Но все эти барьеры смогли лишь притормозить, да и то на время, тенденцию к интеграции, которая на протяжении последних двух десятилетий развивается ускоренными темпами. Ее однобокий характер (доминирование народов, принадлежащих к «золотому миллиарду» и разделяемой ими культуры, основанной на либерально-демократических ценностях), очевиден⁸³. Однако не стоит забывать, что единение (предполагающее взаимопроникновение, то есть наличие элементов синтеза) народов и культур происходит гораздо медленнее и требует гораздо большего времени, чем интеграция в единое целое территорий и государств. Национально-этническая и культурная интеграция продолжается, и ей, по всей видимости, предстоит долгий путь. Но, как и все другие формы интеграции, она может происходить не иначе, как по каналам международных связей. И, подобно всем другим формам интеграции, она неизбежно ведет к преобразованию – на первых порах стихийному, а с течением времени все более осознаваемому и целенаправленному – бессистемных, разрозненных связей между народами и государствами в глобальное *целое*⁸⁴. Ну а какой окажется его структура, покажет будущее.

⁸³ С этой точки зрения феномен современного «международного терроризма» следует рассматривать как неадекватную реакцию радикальных элементов незападной части мира на интеграцию последней в «глобальное сообщество» *на «западных» условиях*. А это значит, что путь к «искоренению» этого явления пролегает через *гармонизацию* условий глобализации мира и управления глобальным целым.

⁸⁴ Если предположить, что процесс «собирания» земель, народов, культур и единения мира придет когда-нибудь к своему завершению (что, в свою очередь, приведет к упразднению национально-государственного суверенитета), то это будет означать и радикальное изменение международных отношений: они на самом деле станут тем, чем именуются (по-русски): отношениями между народами. И это будет означать вместе с тем радикальное изменение их сущности.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Завершая разговор о сущности международных отношений и не предвосхищая предстоящего разговора об их онтологическом (бытийном) измерении, нельзя не обмолвиться хотя бы парой слов об *онтологическом статусе этой сущности*. В истории философии проблема статуса сущности как таковой решалась по-разному, и в предлагаемых заметках нет смысла воспроизводить сложившиеся за многие столетия позиции и споры. Но есть вопрос, который в силу его принципиальной значимости затрагивали в той или иной форме и в том или ином понятийном оформлении многие философы и который не может не вставать – в специфическом ракурсе – и перед философией международных отношений.

Это вопрос о соотношении сущности предмета и самого предмета: задана ли эта сущность изначально, от века, или же она формируется вместе с самим предметом. А поскольку творческий субъект обладает свободой воли, то не зависит ли сущность создаваемых им предметов от проявлений этой воли? Применительно к социальным отношениям вопрос может быть поставлен следующим образом: реализуют субъекты, формирующие эти отношения, некую априорную идею, будто бы заложенную в их сущности, или же они, как носители свободной воли, самой своей повседневной деятельностью формируют сущность социальных отношений – по крайней мере, в определенных пределах?

В наиболее заостренной форме рассматриваемый вопрос был поставлен в философии XX века экзистенциализмом как вопрос о соотношении сущности и существования. Согласно Сартру, не сущность предшествует человеческому существованию, а человеческое существование предшествует сущности, а значит и определяет ее. Отсюда следует, что реальная повседневная жизнь человека, как свободного субъекта, не есть осуществление какого-то предшествующего ей проекта, что она не предопределена заранее кем-то или чем-то. Напротив, существование, конкретные черты которого формируются в процессе проявлений свободной воли, определяет сущность человеческой жизни.

С этой точки зрения, сущность международных отношений должна рассматриваться как определяемая в основных своих чертах деятельностью их субъектов – свободных акторов, осуществляющих свой выбор в пределах заданных альтернатив. Деятельностью, от которой во многом зависит, как будут строиться, развиваться и регулироваться международные процессы. Но это лишь одно из возможных теоретических решений. Оно не исключает – не должно исключать – появления альтернативных концепций, которые могли бы родиться в результате углубленного анализа международных отношений в рассматриваемом аспекте.

О сущности международных отношений

Исследование онтологического статуса сущности международных отношений естественным образом выводит на проблему, которая до сих пор не рассматривалась международно-политической наукой: проблему *свободы и необходимости*. Достижения естествознания прошлого века, обусловившие пересмотр представлений о феномене свободы в естественнонаучной сфере, побудили со временем и обществоведов заново обратиться к этой проблеме – в том числе применительно к политике. Однако до сферы международных отношений дело пока не дошло. А между тем, когда новые социально-политические технологии создают невиданные возможности для манипулирования не только отдельными индивидами и группами, но и целыми народами; когда ускорение темпоритма событий идет по нарастающей; когда границы выбора социально-политических альтернатив одновременно расширяются (в одном отношении) и сужаются (в другом отношении), причем сам этот выбор становится менее гарантированным и предопределенным, чем прежде; когда нарушен глобальный баланс сил и разрушены прежние границы неприменения силы, что открывает широкие просторы для использования насильственных методов против Другого, то в этих условиях исследование проблемы свободы и необходимости в международных отношениях приобретает особую актуальность. И результаты этих исследований могли бы представлять интерес не только для самих международников.

Об онтологических основаниях международных отношений

Философское исследование международных отношений, как, впрочем, и любой другой сферы реальности, предполагает рассмотрение их онтологических (бытийных) оснований. Что делает возможным существование этих отношений вообще (как таковых) и их конкретных форм – в частности? Каковы эти формы? Как они появляются и как сменяют друг друга? Как структурированы международные отношения и каковы их структурные элементы? А поскольку реальное бытие вещи – это все-таки бытие в пространстве и времени, то встает собственно философский вопрос о пространственно-временном измерении международных отношений. Таковы некоторые из базовых вопросов, на которые следовало бы поискать ответ и которые при их исследовании рождают массу других, более конкретных вопросов.

Международные отношения явились на свет как продукт взаимодействия внешних политик отдельных государств. Они и сегодня неотделимы от этих политик. Более того, в условиях отмеченного выше размывания жестких границ между внутренней и внешней политикой международные отношения все агрессивнее и глубже вторгаются во внутреннюю жизнь государств и обществ, становятся одним из важных факторов их успешного функционирования. Однако, будучи порождены национальными внешними политиками, международные отношения *не могут быть сведены к совокупности этих политик*, являя собой относительно самостоятельную систему со всеми присущими последней атрибутами. Как справедливо замечают авторы «Системной истории международных отношений», «международная система... это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности»⁸⁵.

Проблема системности международных отношений давно уже попала в поле зрения исследователей. Так, в 70-80-х годах минувшего века усилиями Иммануэля Валлерстайна, Хедли Булла и ряда других крупных международников-теоретиков был сформулирован ряд концепций, описывавших и интерпретировавших типы

⁸⁵ Системная история международных отношений. Т. 1. М., 2000. С. 9.

Об онтологических основаниях международных отношений

системных связей, сложившихся, складывающихся и могущих сложиться между государствами и другими акторами, которые действуют на международной арене. Речь идет о таких концептах, как «мир-система», «мир-империя», «мир-хозяйство», «общество государств», «международное общество», «мировое общество».

В своей теории так называемого мир-системного анализа Валлерстайн исходит из представления о существовании системных «целостностей», которые в разное время принимали разные формы, детерминируя и «естественный ход» «национального развития», и характер отношений между нациями-государствами. Такого рода «целостностями», «которые существуют или существовали исторически, являются минисистемы и мир-системы. А в XIX-XX веках существовала лишь одна мир-система – капиталистический мир-хозяйство»⁸⁶.

Валлерстайн поясняет: мир-система – «это общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такого мира-системы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их соответственно как мир-империю и мир-хозяйство»⁸⁷. Современный мир-хозяйство возникает в Европе XVI века как система, имеющая капиталистическую природу. «Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мир-хозяйство (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии) являются двумя сторонами монеты»⁸⁸.

За время существования («четыре или пять столетий», по мнению Валлерстайна) мир-хозяйство прошел в своем развитии несколько стадий, охватив постепенно «весь земной шар». При этом в нем выкристаллизовались такие структурные элементы, как «центр» (*core, core zone*), полупериферия и периферия. Их состав менялся по мере развития отдельных стран и мира-системы и его перехода из одной стадии в другую. Первая мировая война знаменовала конец третьей, а русская революция 1917 года – начало нынешней, четвертой стадии. При этом мир-система продолжал со-

⁸⁶ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 23. В переводе заголовка допущена грубая ошибка. Валлерстайн оперирует понятием *world-system* (слова соединяются дефисом), а не *world system* (дефис отсутствует), что имеет для него принципиальное значение: именно понятие мира-системы, а не мировой системы, фиксирует, с его точки зрения, такую существенную характеристику этого системного образования, как целостность. И еще одно пояснение: автор этих строк вносит изменение в цитируемый (здесь и далее) текст, перевода *world-economy* не как «мироэкономика», а как «мир-хозяйство».

⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸ Там же. С. 25.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

хранять свою капиталистическую природу, а социалистические страны (пока они существовали) были органической частью капиталистического мира-хозяйства. Что будет дальше – вопрос во многом открытый, считает Валлерстайн.

По идее, победа социализма в широком масштабе должна была бы привести к появлению принципиально нового мира-системы. «Социализм предполагает создание нового типа мира-системы, который не был бы ни перераспределительным миром-империей, ни капиталистическим миром-хозяйством, но социалистическим миром-правительством»⁸⁹. Впрочем Валлерстайн никогда не скрывал скептического отношения к возможности такого рода исторической эволюции. И последующий ход событий лишь укрепил его скепсис относительно перспектив развития отношений между государствами и народами на основе социалистических принципов. Он всегда утверждал что «современный мир-система как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать через пятьдесят лет»⁹⁰. Эту мысль, высказанную им осенью 1997 г. на «Форуме 2000», американский исследователь повторил и в своей последней книге: «...Мир-хозяйство вступил в долгий период стагнации»⁹¹. «Мы вступили в долгий период хаотической трансформации мира-системы...»⁹². Мир-система переживает состояние коллапса, «поскольку его структурные возможности приспособления исчерпали себя»⁹³ и т.д.

Иную модель системной организации международных отношений предлагает Хедли Булл. Исходя из характера связей, соединяющих субъектов этих отношений, он проводит различие между «обществом государств», или «международным обществом» и «международной системой», которая «может существовать, не являясь при этом международным обществом»⁹⁴. «Общество государств» складывается, по его представлению, тогда, когда группа государств осознает некоторую общность интересов и ценностей и чувствует себя связанной «общей системой правил, регулирующих их взаимоотношения, и принимает участие в работе общих институтов»⁹⁵. Иначе говоря, отдельные государства могут поддерживать контакты друг с другом, но при этом

⁸⁹ Там же. С. 57.

⁹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 5.

⁹¹ Wallerstein I. The Decline of American Power. New York – London, 2003. P. 50.

⁹² Ibid. P. 93-94.

⁹³ Ibid. P. 94.

⁹⁴ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York, 1977. P. 13-14.

⁹⁵ Ibid. P. 13.

Об онтологических основаниях международных отношений

не чувствовать себя единым целым и не кооперироваться в работе обществ политических институтов. Что же касается общества государств, то, по убеждению Булла оно способно подняться на такую ступень международного сотрудничества, когда его целью станет (как тут не вспомнить бессмертного Жан-Жака Руссо!) всеобщее благо.

По Буллу (и с ним трудно не согласиться), до второй половины XIX в. вообще не существовало политической системы, охватывающей весь мир: тогда наличествовала лишь сумма различных политических систем, которые приносили порядок в различные части света. В начале минувшего столетия складывается первая глобальная политическая система, а в его конце делаются заметные шаги в сторону формирования общества государств. В орбиту мировой политики оказываются втянутыми страны, прежде мало в нее вовлеченные. Проблемы гуманитарного плана, касающиеся не только этносов, но и отдельных граждан, становятся предметом международного интереса. Возрастает роль межгосударственных и неправительственных организаций...

Концепции Хедли Булла, работавшего практически одновременно с ним Мартина Уайта⁹⁶, Иммануэля Валлерстайна, других исследователей (С. Хоффманн, К. Уолтц), раскрывая некоторые существенные аспекты системы международных отношений, оставляли вне поля зрения ее *внутреннюю (пространственную) неоднородность*. А между тем эта система всегда распадалась на большее или меньшее число синхронно существующих подсистем со своими особенностями, некоторые из которых носили типологический характер.

Эта внутренняя разнородность системы международных отношений сохраняется (несмотря на ускорение нивелирующих процессов) и по сей день, что наглядно показал Генри Киссинджер в своей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?». Согласно его представлению, «сегодня в мире параллельно существуют по меньшей мере четыре системы международных отношений»⁹⁷. Первая охватывает Соединенные Штаты и Западную Европу. Вторая – Азию (сюда же отнесена и Россия). Третья – Ближний Восток. Четвертая – Африку. Можно и нужно спорить о научной правомерности предложенной схемы. Однако сама идея внутренней неоднородности глобальной системы международных отношений и типологической разнородности составляющих ее подсистем (высказанная десятилетия назад) не вызывает сомнений. И тем не менее вопрос о *типологии международных отношений* (в том числе и в историческом плане) остается одним из наименее изученных в теоретико-методологическом

⁹⁶ См.: *Wight M. Systems of States* / H. Bull (ed.). Leicester, 1977.

⁹⁷ *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?* М., 2002. С. 10.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

плане. Впрочем это относится не только к вопросу о типологии. В серьезной разработке – прежде всего в философском плане – нуждаются многие другие аспекты системы международных отношений.

В самом деле, что определенного и бесспорного можем мы сказать о *системности* международных отношений? Что эта система *материальная, социальная, открытая, динамичная, самоорганизующаяся, сложная*. Вроде бы немало. Однако этого явно недостаточно, чтобы способствовать проникновению в суть этих отношений. Важно еще знать, чем интересующая нас система отличается от других систем с аналогичными характеристиками? Как она формировалась и как эволюционирует в логическом и историческом планах? Как взаимодействует со средой? Каковы ее уровни и иерархическая структура? Как происходит передача информации внутри этой системы? Каковы характеристики образующих ее подсистем? Как поведение элементов системы и системы в целом детерминировано свойствами ее структуры? И это лишь небольшая часть вопросов, ответов на которые наука о международных отношениях пока еще не дала⁹⁸.

Особого внимания заслуживает вопрос о *внутренней упорядоченности* системы международных отношений, рассматриваемый современной наукой в контексте проблемы «мирового порядка», «нового политического порядка», «порядка в мировой политике». При этом зачастую либо вообще обходится стороной, либо рассматривается только вскользь принципиальный вопрос и о *сущности порядка* как такового, и о сущности мирового и международного политических порядков⁹⁹, как его разновидностей. С другой стороны, если и когда эти вопросы все-таки ставятся, их трактовка оказывается выдержанной (как любят говорить некоторые исследователи) в духе лапласовского детерминизма, когда порядок рассматривается как нечто жестко детерминированное и структурированное, стабильное, напоминающее порядки XX века.

⁹⁸ Речь идет о характеристиках системы международных отношений как *идеальной, или логической, типа*. А каковы ее реальные, исторические состояния? Ведь исторически складывающаяся система международных отношений отличается от ее логической модели так, как, скажем, идеальная сеть отличается от той сети, с которой приходится иметь дело практикам в повседневной жизни: где-то она разорвана, где-то «отремонтирована» на скорую руку, где-то ее ячейки «забиты» и утратили необходимую гибкость и т.д. Конечно, исследование реального состояния системы – дело социологии и истории международных отношений. Но для всех важно, рассуждая о системном характере не международных отношений как таковых, а современных международных отношений, говорить о том, что имеется на самом деле, а не о том, что должно было бы быть *по логике вещей*.

⁹⁹ Подробнее об этом см.: Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа.

Об онтологических основаниях международных отношений

Это проявляется, в частности, в неоправданном аксиологическом подходе к понятиям порядка и беспорядка, вследствие чего первый идеализируется как социально-политическая ценность, а второй демонизируется как антиценность. Это проявляется также в игнорировании динамизма порядка, который характеризует не только функциональное состояние живых (в том числе социально-политических) систем, но также процесс их становления и эволюции. И еще один важный момент, который нередко упускается исследователями из вида, а именно неоднородность пространства международных отношений. Отсюда и логика, которой придерживается большинство исследователей: коль скоро отсутствует привычный, знакомый по минувшим временам, «целостный» порядок, то значит отсутствует порядок как таковой¹⁰⁰. Логика, не желающая признать, что *ситуация отсутствия порядка в мире в целом или в частных его сферах в принципе исключена*: может отсутствовать некий определенный порядок – желаемый, полностью сложившийся, стабильный, социалистический и т.п., но какой-то порядок (порой наша ориентированная на прошлое перцептивная оптика просто не позволяет его разглядеть) существует в международном мире в целом и в отдельных его частях всегда, свидетельством чего является сам факт бытия этого мира как функционирующей системы. Другое дело, что в мире может одновременно существовать (сосуществовать) несколько порядков, но это не говорит об отсутствии порядка как такового.

Отсюда и потребность в исследовании *пространства международных отношений*, или *международного пространства и мирового пространства*. А это, как выясняется, не такая простая задача, поскольку базовое понятие социального пространства зачастую редуцируется до политического пространства, а последнее сплошь и рядом отождествляется с географической территорией. «Пространство политическое, – говорят нам, – [это] реальная протяженность территории (?!), на которую распространяется исторически обусловленная политическая жизнь или политическое влияние»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Ярким образчиком такого подхода может служить высказывание известного американского историка Пола Кеннеди: «Ясно одно: по мере исчезновения “холодной войны” мы имеем дело не с «новым мировым порядком», а с беспокойной, изломанной планетой, проблемы которой заслуживают самого серьезного внимания политиков и общественности». См.: *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 407.

¹⁰¹ Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 296. Точнее другое определение: «Политическое пространство – [это] сфера действия политики, власти, политических организаций, идей, теорий, лозунгов, обращений, процессов» (Политология. Энциклопедический словарь. С. 301).

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Пространство, конечно же, не может быть отождествлено с «территорией». Территория может быть одним из измерений некоторых пространств, но никакое пространство, включая политическое, не может отождествляться с территорией, сколь бы важна последняя ни была для него. Не может политическое пространство и рассматриваться отдельно от событий, которые, как утверждается, «распространяются» на определенную территорию. На наш взгляд, *политическое пространство* может быть определено как *образуемая политическими явлениями и процессами сфера, наделенная определенными топологическими характеристиками*. Но, возможно, еще точнее было бы охарактеризовать его как *определенным образом локализованную рядоположность политических феноменов*. Политическое пространство имеет место только там, где имеют место политические явления. Нет политических явлений – нет и политического пространства, даже при наличии территории.

Аналогичным образом может быть интерпретировано и социальное пространство, разновидностями которого – наряду с политическим – являются экономическое, культурное, правовое, информационное и другие формы пространства. Это *рядоположность соответствующих (экономических, культурных и пр.) феноменов, наделенных определенными топологическими характеристиками*. Социальное пространство неоднородно: его «плотность» (изменяемая насыщенностью событий) меняется от одной «зоны» к другой, как меняется и степень значимости событий, происходящих в этих «зонах». А это значит, что официальный (административный) центр совсем не обязательно совпадает с реальным пространственным центром. Но и реальный центр совсем не обязательно остается постоянным и единственным. Социальное пространство может быть полицентричным, а центр и периферия могут меняться местами.

Из сказанного, конечно, вовсе не следует, что территория, с которой сопряжены социальные события, нейтральна по отношению к ним. Ее константы оказывают определенное – порой весьма существенное – влияние на характер этих событий. На этом, собственно, и построена геополитика, интерес к которой – в мире в целом и в России в частности – существенно возрос в последние годы. В то же время необходимо иметь в виду, что территориальная идентификация политического пространства совсем не обязательно совпадает с идентификацией географической, что особенно отчетливо прослеживается при анализе международного и мирового пространств.

Отталкиваясь от предложенных выше базовых дефиниций, мы можем определить *международное пространство* как *рядоположность политических, экономических, правовых и прочих феноменов, имеющих международную локализацию*. То же самое может быть ска-

Об онтологических основаниях международных отношений

зано и о *мировом пространстве* – с той лишь разницей, что в этом случае речь должна идти о *мировой (хотя и не обязательно всемирной) локализации* явлений. Очевидно, что и все основные характеристики социального пространства, о которых шла речь выше, могут быть распространены на пространство международное и мировое. Особо при этом следует подчеркнуть отчетливо обнаружившуюся в последние годы нерелевантность привязки этих разновидностей пространства к географическим координатам. То, что в международной практике нередко называют «Западом» – совсем не обязательно ограничивается Европой и Америкой. Все давно уже привыкли к тому, что органической частью «Запада» является восточная страна Япония. Да и не она одна. Точно так же, когда в годы «холодной войны» говорили о противоборстве Запада и Востока, к последнему относили не только восточные страны, но и страны западного полушария – например, Кубу. Налицо смещение границ и смешение границ – географических и политических, идейно-ценностных и цивилизационных и т.д.

Несомненный интерес (причем не только теоретический, но и практический) представляет проблема *временного измерения международных отношений*. Понятия «политическое время», «хронополитика» давно уже прижились в науке. Тем не менее рассмотрение международных отношений во временном аспекте остается большой редкостью. Так что перед философией встает задача восполнения этого пробела – прежде всего в плане исследования *дискретности международного времени и специфики (неравномерности) его протекания в различных частях системы международных отношений*.

Существуют десятки (а, возможно, и сотни) интерпретаций и вытекающих из них дефиниций «времени». И поиск какого-то «единственно верного» его определения – вещь столь же бесперспективная, как и поиск «единственно верного» определения пространства – хотя бы уже потому, что физик, биолог и политик будут, по всей вероятности, смотреть на них разными глазами. Тем не менее, испытывая потребность в операциональной идентификации «времени» и памятуя о реальности пространственно-временного *континуума*, мы можем определить *время как последовательность политических, экономических, правовых и прочих феноменов, наделенных определенными топологическими характеристиками*. Как видим, отличие времени от пространства заключается прежде всего в том, что *явления рассматриваются не в плане их рядоположности, а в плане их последовательности*. При этом последовательность соотносимых феноменов совсем не обязательно повторяет их рядоположность. В соответствии со сказанным *международное и мировое социальное время рассматриваются как последовательности феноменов, имеющих соответственно международную и мировую локализацию*.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Нелишне заметить, что предлагаемые здесь толкования и дефиниции совсем не так абстрактны, как может показаться на первый взгляд. Это наглядно продемонстрировал тот же Генри Киссинджер в упомянутой книге. Он не только подразделил существующие международные отношения на четыре системы, но и соотнес их с разными эпохами, пройденными Европой. Так, отношения между Соединенными Штатами и Западной Европой, а также между странами Западного полушария он представил как современные Отношения, складывающиеся в Азии – как примерно соответствующие тому, что имело место в Европе XIX века. Конфликты, разрывающие ближневосточный регион, «напоминают конфликты в Европе XVII века»¹⁰². Африка оказалась вообще вне времени в том смысле, что для нее оказалось «невозможно подобрать европейских примеров»¹⁰³.

Схема Киссинджера не может претендовать на научность уже по той причине, что берет за точку отсчета европейско-американское время, то есть построена на западоцентристском основании. Но она иллюстрирует тот, в общем-то, признаваемый современной наукой факт, что в разных частях мира (а значит, и в разных секторах международных отношений) социальное, в том числе политическое время, измеряемое соотносительностью социальных (политических) событий, протекает по-разному: с разной скоростью, в разном темпе и ритме и в разных направлениях. Это, кстати сказать, находит отражение в языке: мы говорим о каких-то явлениях как об «анахронизме», утверждаем, что где-то кто-то «опередил время», а кто-то «отстал от него» и т.д.

Резонно ожидать, что с появлением такой дисциплины, как философия международных отношений, «международное пространство» и «международное время» стали бы, наконец, предметом серьезного и целенаправленного научного исследования, которое, возможно, прояснило бы – помимо прочего – наличие или отсутствие оснований для появления такой отрасли знания (разговоры о ней ведутся давно), как *хронополитика* и ее соотношение с геополитикой.

Очевидно, что уже само наличие вопроса о бытии международных отношений предполагает постановку и рассмотрение – пусть в чисто гипотетическом плане – вопроса о возможности их не-бытия, то есть (в данном случае) превращения *во что-то другое*, что не являлось бы международными отношениями в современном понимании.

Подобная возможность как таковая в принципе предусматривалась всеми учениями, которые исходили из реальности перспективы

¹⁰² Киссинджер Г. Указ. соч. С. 11.

¹⁰³ Там же.

Об онтологических основаниях международных отношений

отмирания государства и (братского) единения всех народов Земли – в частности, марксизмом и анархизмом (который, например, в лице Бакунина, Кропоткина и их последователей, творивших уже в советское время, предлагал весьма любопытные решения на сей счет). Согласно некоторым из их гипотез, международные отношения, ядро которых составляли на протяжении большей части истории их существования отношения межгосударственные, превращались в безгосударственные отношения и тем самым фактически обретали новое качество, переставая существовать в своем традиционном виде. А вдали высвечивалась и еще более радикальная перспектива рождения единого общечеловеческого сообщества космического масштаба.

Сегодня эта перспектива никем (за исключением, разумеется, немногочисленных последователей названных учений) не рассматривается как реальная. Однако по-прежнему живы (и с развитием глобалистских тенденций обрели второе дыхание) идеи создания мирового государства и мирового правительства, появление которых принципиальным образом изменило бы характер отношений между акторами мировой сцены. Есть и другие решения, включая теряющую экстравагантность идею создания (под эгидой Соединенных Штатов) новой постклассической (либеральной) империи. Но, пожалуй, активнее других обсуждается возможность создания так называемого мирового сообщества.

«Мировое сообщество», свидетельством существования которого «станет развитие не только глобальных общих интересов, но и общемировое осознание единой идентичности»¹⁰⁴, не предполагает отмирания государства, тем не менее, оно, по замыслу его сторонников, должно было бы носить явно анти-государство-центристский характер и уже в силу этого обстоятельства существенным образом изменить характер современных международных отношений.

Как показал в своем аналитическом обзоре К. Браун, в последние годы среди международников идет борьба между двумя позициями. Одни полагают, что «мир в целом движется в направлении сообщества, но с пробуксовкой в силу противоречия между общими интересами и общей идентичностью, с одной стороны, и старым частным порядком – с другой»¹⁰⁵. Их оппоненты убеждены, что «нет достаточной причины верить в то, что мир сообществ будет или хотя бы мог быть превзойден мировым сообществом»¹⁰⁶. И побеждают пока те, кто по-

¹⁰⁴ Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. С. 102.

¹⁰⁵ Там же. С. 104.

¹⁰⁶ Там же. С. 116.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

лагают, что «идеал плюрализма моральной автономии, сводящейся к мирному и законному взаимодействию сообществ, представляется более подходящим к сегодняшнему миру, чем его альтернатива»¹⁰⁷.

Споры эти, похоже, будут иметь продолжение. И есть основания полагать, что в перспективе они могут обостриться: глобализация и противостоящие ей альтер-глобалистские и анти-глобалистские процессы развиваются в целом по нарастающей; усиливается не признающее национальных границ энвайронменталистское движение, одной из новых целей которого может уже в самое ближайшее время стать деятельность по предотвращению глобальных катастроф; национальные границы становятся все более проницаемыми и зыбкими; массовая культура (включая массовую информацию) и стандарты повседневного образа жизни приобретают все более интернациональный характер. Все названные и ряд других обстоятельств ведут к тому, что характер бытия международных отношений будет претерпевать перманентные и притом существенные изменения. Какие именно? Не движемся ли мы все-таки к какому-то глобальному объединению, в котором общее будет преобладать над партикулярным, интернациональное – над национальным, а ценности (по крайней мере, некоторые) – над интересами (по крайней мере, некоторыми)? Поиски возможных теоретико-методологических оснований ответов на эти и стоящие в одном ряду с ними вопросы также могли бы войти в круг забот философии международных отношений.

Понятно, что, рассматривая проблему бытия-небытия применительно к сфере международных отношений, невозможно оставить без внимания один из фундаментальных вопросов, по которому высказывалось, подчас горячо споря друг с другом, большинство крупных философов разных времен и народов. Это проблема *войны и мира*, понимаемая, однако, не просто как столкновение вооруженных групп людей, а как две формы коллективного взаимодействия (мир предполагает не менее активное взаимодействие, чем война) людей, *два состояния международных отношений, две формы бытия человечества*, исходом взаимодействия (борьбы) которых может стать небытие либо той или иной его части, либо (в современных условиях) человечества в целом.

Как пишет Кант в своем трактате «К вечному миру», «так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы, которые воля каждого государства на основе самого международного права охотно подчинила бы своей власти хитростью или силой, так, с другой стороны, она соединяет силой взаимного корыстолюбивого интереса те на-

¹⁰⁷ Там же. С. 117.

Об онтологических основаниях международных отношений

роды, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны. *Дух торговли*, который рано или поздно овладевает каждым народом, – вот что не может существовать рядом с войной... Таким образом, природа самим устройством человеческих склонностей гарантирует вечный мир, конечно, с достоверностью, которая недостаточна, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но которая, однако практически достижима и обязывает нас добиваться этой (не столь уже призрачной) цели»¹⁰⁸.

В этом маленьком отрывке заключена целая концепция бытия взаимодействующих народов мира и прочитывается она так: характер отношений между народами определяется противоборством воли государств, навязывающих войну, и человеческой природы, побуждающей людей, действуя против этой воли, стремиться к установлению мира. Но этот мир, будучи возможным, не установится сам собой, его нужно добиваться. Все события мировой политики – войны, мир, торговля, союзы, конфликты – все выводится из этого вечного противоборства. Таков философский подход.

Философский подход, но иного плана, находим мы и у Гегеля. В работе «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» он пишет: «...Связь индивидуальностей друг с другом есть отношение и поэтому имеет две стороны; одна из них – положительная, спокойное равное существование обеих сторон в мире, другая – отрицательная, исключение одной стороны посредством другой; и оба эти отношения абсолютно необходимы... Этой второй стороной отношения ...положена необходимость войны; поскольку в войне содержится свободная необходимость того, что будут уничтожены не только единичные определенности, но и их полнота в виде жизни, уничтожены во имя самого абсолютного или народа, война сохраняет здоровую нравственность народов в их дифференциации по отношению к определенностям, к их привычности и укоренению подобно тому, как движение ветра предохраняет озеро от гниения, которое грозит им при длительном затишье, так же как народам – длительный или тем более вечный мир»¹⁰⁹.

По существу и здесь вся международная жизнь, вся система международных отношений выводится, говоря словами Гегеля, из связей «индивидуальностей друг с другом» – связей, получающих последнее (крайнее) воплощение в войне и мире. Но немецкий мыслитель, как диалектик, подчеркивая значимость противоречия, которое было бы, с его точки зрения, разрушено, если бы вдруг ус-

¹⁰⁸ Кант И. К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. С. 35.

¹⁰⁹ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 229.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

становился мир, беспокоится о сохранении фундаментальных оснований бытия человечества, которые, как он полагает, обеспечиваются путем возникновения и разрешения противоречий.

Война и мир, как форма отношений народов, определяют в конечном счете их бытие и небытие и у Ницше. Эта линия просматривается, в сущности, во всех его основных произведениях, включая книгу «Человеческое, слишком человеческое», предназначенную, по его словам, «для свободных умов». «Только мечтательность и прекраснотушие, – утверждает Ницше, – могут ожидать от человечества еще многого (или даже особенно многого), когда оно разучится вести войны»¹¹⁰.

Немецкий мыслитель не видит иного средства вливания жизненной энергии в человечество, а следовательно, обеспечения его бытия, кроме войны. «Придется, вероятно, – заключает он, – изобрести еще немало суррогатов войны, но именно из них будет все более уясняться, что такое высокоразвитое и потому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне – то есть во временном возврате к варварству, – чтобы не потерять из-за средств к культуре самой своей культуры и жизни»¹¹¹.

Ницше, разумеется, никакой не милитарист, коим его иногда пытаются представить. Просто он, как и Кант, как и Гегель, как и многие другие мыслители, пытается отыскать силы, которые лежат в фундаменте отношений между народами. И одну из таких сил, одну из основ международных отношений он видит именно в войне. Ницше, разумеется, отдает себе отчет в том, что война – это разрушение, варварство, смерть, небытие. Но только путем отрицания собственного бытия народы мира в конечном счете и способны, полагает мыслитель, обеспечить это бытие.

Традиция подобной интерпретации онтологических оснований международных отношений сохранилась и в XX веке. Больше того, печальный опыт минувшего столетия, когда впервые в истории человечества открылась inferнальная перспектива возникновения войн, способных привести к гибели человеческого рода, и когда важнейшей задачей международных отношений стало обеспечение гарантий его существования, явственно высветил прямую связь между феноменами войны и мира, с одной стороны, и бытия-небытия человечества (и, разумеется, всей системы международных отношений – этих кровеносных сосудов, пронизывающих тело человечества) – с другой.

¹¹⁰ Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1990. С. 449.

¹¹¹ Там же. С. 450.

О когнитивном измерении международных отношений

Исследование возможностей и границ познания окружающего мира, равно как и разработка методологии познания всегда составляли одну из основных задач философии. Встает эта задача – применительно к рассматриваемой сфере исследования – и перед философией международных отношений. Ее решение несколько облегчается тем обстоятельством, что некоторые аспекты когнитивного измерения этих отношений затрагиваются в работах К. Уолтца, М. Каплана, Р. Кохейна и других международников-теоретиков. Однако с течением времени все острее ощущается потребность в комплексном и систематическом исследовании возможностей и границ познания международных отношений, а также принципов этого познания. И эта задача может быть успешно решена только в рамках философии международных отношений.

Эта задача становится ныне тем более актуальной, что ситуация, складывавшаяся в мире на протяжении последних нескольких десятилетий минувшего столетия, породила немало сомнений в познавательных возможностях науки о международных отношениях.

Последняя оказалась неспособной предсказать распад – по историческим меркам обвальная – мирового политического порядка, сложившегося в принципиальных чертах во второй половине 40-х годов XX века и казавшегося достаточно прочным, чтобы просуществовать еще несколько десятилетий¹¹².

Больше того, оказавшись не способной предсказать этот распад, наука о международных отношениях не сумела даже предвидеть его, то есть выявить конкретные тенденции, ведущие в пределах исторически обозримой перспективы к такому исходу. В этом отчетливо проявилась не только слабость ее прогностической функ-

¹¹² Очевидно, что крах этого порядка был вызван не только политикой, проводившейся на международной арене тандемом Горбачева-Шеварднадзе и подрывной деятельностью «мирового империализма во главе с США», хотя оба эти фактора сыграли свою роль в происшедшем распаде. Основные причины случившегося лежали глубже, а именно в самой природе Ялтинско-Потсдамского порядка, в ограниченности его «жизненного потенциала» (определявшейся в конечном итоге дисбалансом интегральных стратегических потенциалов «реального социализма» и «позднего капитализма»). И кое-кто надеялся на то, что серьезная наука, на роль которой претендовала наука о международных отношениях, сможет выявить реальный жизненный потенциал существующего миропорядка. Однако этого не произошло.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ции, но прежде всего (что гораздо хуже для науки) ограниченность ее аналитических возможностей.

Второе свое публичное фиаско наука о международных отношениях потерпела, оказавшись не способной предвидеть, как будет происходить переход от одного мирового порядка к другому и каким окажется – в принципиальных своих чертах – новый миропорядок. (Особенно много споров было о том, будет ли он «однополюсным» или «многополюсным» и сколько в этом случае будет у него «полюсов»). Обнаружила к концу 90-х годов свою несостоятельность и широко разрекламированная «теория демократического транзита»¹¹³, что наглядно продемонстрировали на собственном примере десятки стран, включая Россию.

В этой связи возникают, по меньшей мере, три группы вопросов, требующих научного ответа. Во-первых, как можно объяснить названные провалы? Во-вторых, исследование каких проблем когнитивного плана следовало бы в первую очередь заняться философии международных отношений, учитывая ее реальные возможности? В-третьих, на какой теоретико-методологической основе могли бы строиться эти поиски?

Надо сразу сказать, что, вопреки довольно широко распространенному мнению, международные отношения как объект познания отличаются высокой степенью сложности. Его исследование и основанное на полученной информации теоретическое моделирование затруднены рядом обстоятельств – как объективных, связанных с природой познания и природой рассматриваемого объекта познания, так и субъективных, порождаемых характером действий самих политических акторов. Одни из существующих препятствий могут быть если и не преодолены (при определенных обстоятельствах), то, по крайней мере, ослаблены, тогда как другие, видимо, и в дальнейшем будут сохранять свою силу.

Из субъективных факторов назовем прежде всего сознательное сокрытие политиками истинных мотивов и целей своих внешнеполитических акций, а также целенаправленную дезинформацию и дезориентацию не только врагов, но в некоторых случаях друзей и союзников. В этом же ряду следует упомянуть и о тайной политике, которая, как и политика закулисная, оказывается вне поля зрения аналитика. В итоге последний лишается информации, отражающей истинное положение вещей, и получает искаженную информацию или целенаправленную дезинформацию. И рассчитывать тут на какие-то радикальные подвижки – бессмысленно. (Те, кто

¹¹³ См.: *Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol.13. № 1.*

О когнитивном измерении международных отношений

кричит «Долой тайную дипломатию!», оказавшись у власти, сами превращаются в махровых конспираторов, о чем убедительно свидетельствует внешняя политика большевиков.) Международные отношения всегда были и, по-видимому, останутся впредь не только формой сотрудничества с Другими, но и формой борьбы с ними и утверждения своих позиций за счет позиций Других со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще весомее объективные, не зависящие от воли политика, препятствия, которые встают на пути аналитика-международника. Первое из них, можно сказать, лежит на поверхности. Это *множественность акторов*, значительная часть которых обладает *суверенитетом*; которые действуют во многом *автономно*, на *разных уровнях* и *численность* которых *постоянно возрастает*. Их возможности, степень влияния, источники власти, методы и мотивировка действий, не говоря уже о стратегии и тактике, далеко не всегда и не во всем совпадают.

В своих последних исследованиях известный американский аналитик Дж. Най-младший сравнивал систему международных отношений с «трехмерными шахматами» (*three-dimensional chess*), где действие разворачивается одновременно на трех уровнях¹¹⁴. Метафора, возможно, не совсем корректная в научном отношении, однако точно фиксирующая *многомерность и многоуровневость* международных отношений как «игры» со множеством переменных и «уравнения» со множеством неизвестных. Причем, как показывает сравнение ситуаций, складывавшихся на мировой арене, скажем, двадцать, тридцать и пятьдесят лет назад, структура и алгоритмы функционирования международных отношений как глобальной системы продолжают усложняться. А это существенно затрудняет их познание.

Еще одна трудность – *разрыв (он возрастает) между темпами изменений, происходящих в сфере международных, да и не только международных, отношений, с одной стороны, и темпами сбора, отбора, обработки, осмысления и практического использования информации об этих изменениях – с другой*. О генералах иногда иронически говорят, что, планируя будущие военные операции, они «готовятся к вчерашней войне». О политиках-международниках можно сказать, что они «готовятся к вчерашнему миру». Глубинные причины, механизмы и пути протекания фундаментальных изменений, происшедших на международной арене за последние пятнадцать-двадцать лет, все еще не осмыслены до конца,

¹¹⁴ См., в частности: *Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.*

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

а мир движется дальше. Сознание многих людей продолжает оставаться во власти мифологии «холодной войны», что крайне затрудняет адекватную реакцию на вызовы современности.

Еще одно препятствие на пути познания закономерностей международных отношений – *высокая степень свободы (перерастающей в произвол) акторов, затрудняющая возможность предвидения линии и форм их поведения*. Эти линии и формы лишь в небольшой степени регламентированы правилами, определяющими закономерность «ходов» игроков и основные пути, ведущие к успеху. Международное право – необходимый, но, увы, слабый и ненадежный регулятор: *норма права почти всегда пасует перед силой, если сила перерастает рамки некогда установленной нормы*. А над регулятивными сводами типа кодекса чести в наши дни не смеются (втихомолку, разумеется) разве что японские самураи. Существует, конечно, фактор системной детерминированности поведения акторов, действующих на международной арене. Однако мир постоянно сталкивается с попытками силового преодоления обусловленных ею ограничений. При этом обнаруживается прямая зависимость между уровнем комплексной силы державы и ее склонностью к нарушению норм международного права и «общепринятых» норм морали. Если, как говорил великий мыслитель, «Бог умер», то «дозволено все», и чем я сильнее, тем больше мне «дозволено»: «судей» нет, а «суд», если и будет, то нескоро¹¹⁵, и чем закончится – неизвестно.

Затрудняет исследование международных отношений и *высокая степень иррациональности многих из решений, принимаемых их субъектами*. Она связана с несколькими факторами, среди которых выделим следующие: несоответствие объема информации (как ее недостаток, так и избыток) требованиям ситуации; особенности психологии принятия решений и, конечно, дефицит времени. В связи с последним высказывается даже соображение, что «*мера рациональности политического решения обратно пропорциональна степени его неотложности*»¹¹⁶ (курсив наш. – Э.Б.) Это, на наш взгляд, слишком прямолинейное решение, но какая-то зависимость между названными переменными, несомненно, существует. Какая именно – вопрос открытый.

¹¹⁵ В своей книге «План нападения», рассказывающей о подготовке нападения США на Ирак, известный американский журналист Боб Вудворд, приводит ответ президента Дж. У. Буша на вопрос о том, как его действия будут оценены историей: «Мы этого никогда не узнаем. Никого из нас уже не будет в живых» (*Woodward B. Plan of Attack. New York – London, 2004. P. 443*).

¹¹⁶ *Панарин А.С. Указ. соч. С. 397.*

О когнитивном измерении международных отношений

Фиаско, которое потерпела наука о международных отношениях, равно как и новые проблемы, вызванные к жизни реалиями после-холодно-военного мира, ставят перед философией международных отношений множество вопросов, связанных с когнитивным освоением объекта. *Возможно ли* в принципе научное познание международных отношений? Каковы *пределы познаваемости* явлений, охватываемых сферой международных отношений? Каковы *когнитивные функции* познающего сознания: в состоянии ли современная наука только (более или менее адекватно) описывать наблюдаемые на мировой арене явления, или же она способна объяснять их причины, возможные следствия и т.д.? Обладает ли наука о международных отношениях *прогностическими способностями*?

Об актуальности этих вопросов можно судить хотя бы уже по тому факту, что они затрагиваются в той или иной степени авторами (К. Гоулдманн, Д. Сандерс, Дж. Э. Тикнер, Р. Кохейн) практически всех статей, помещенных в международном блоке известного сборника «Политическая наука: новые направления». И вот что мы узнаем из этих публикаций.

Во-первых, что науке о международных отношениях следовало бы, памятуя о недавних своих провалах, поумерить собственные познавательные притязания. «...сам факт отсутствия теорий, позволяющих понять последствия окончания “холодной войны” для мировой политики, определенно должен привести нас к смирению... Мы не владем секретом успеха во внешней политике»¹¹⁷.

Во-вторых, что науке о международных отношениях не следует претендовать на (более или менее полное) *объяснение* рассматриваемых явлений, ибо ее главная цель – их *описание и понимание*. По словам того же Р. Кохейна, наука о международных отношениях должна «извлечь смысл из исторически уникальных событий, являющихся результатом других сложных явлений и выбора людей: нельзя полностью их объяснить, но можно описать причинные механизмы, вызвавшие эти события»¹¹⁸. Он, правда, тут же добавляет, что следовало бы также «изучить их следствия, выходя за пределы простого описания на уровень объяснения, изучать и следствия главных причинных факторов этих событий в свете нашего понимания ограничений, присущих международной политике»¹¹⁹.

И все же доминирующим оказывается «желание при изучении международных отношений заменить “объяснение” “понимани-

¹¹⁷ Кохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. С. 439.

¹¹⁸ Там же. С. 440.

¹¹⁹ Там же.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ем»¹²⁰. Заметим, что, рассуждая об этих, как называл их известный философ Поль Рикер, «взаимосвязанных процедурах герменевтики», наши международники обращаются к непростой теоретической проблеме, начало обсуждения которой восходит к Вильгельму Дильтею и Максу Веберу с его «понимающей социологией». Впрочем, и «объяснение», и «понимание» получают, если можно так сказать, облегченное толкование. По словам Кьюелла Гоулдмана, «"объяснение" обычно предполагает обращение к причинам, а причины обычно предполагаются в качестве "внешних" по отношению к актору, чье поведение надо объяснить. Что касается "понимания", то считается, что оно имеет дело со смыслом, а смысл можно понять лишь "изнутри"»¹²¹.

Понятно, что в этом контексте любые притязания науки о международных отношениях на прогнозирование явлений международной жизни выглядят по меньшей мере беспочвенными. Правда, порой высказывается прямо противоположная точка зрения¹²², но она отнюдь не является доминирующей. «Проявившаяся неспособность предсказать сложные по характеру события как малого, так и грандиозного масштаба должна научить нас тому, что, хотя важно стремиться развивать и проверять условные обобщения, их накопление вряд ли ведет к успешному предсказанию событий, являющихся результатом пересечения множества причин. Все наши обобщения будут условными и вероятностными по характеру, они будут сопровождаться большей или меньшей неопределенность... Модель науки как теории, предсказывающей все более и более точно и основанной на возрастающем числе подтвержденных выводов, не подходит к сфере международных отношений»¹²³. Правда, тот же Кохейн, отражая, впрочем, не только собственную точку зрения, уверенно заявляет, что «есть идеал объективного знания, к которому можно стремиться» – знания, которое хотя и не дает нам «точного предсказания сложных явлений», однако «расширяет возможности предвидеть ход событий»¹²⁴.

¹²⁰ Гоулдманн К. Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 399.

¹²¹ Там же.

¹²² Ее придерживался, например, отечественный философ А.С. Панарин. По его словам, «вопрос о политическом познании – о возможности политической науки (охватывающей и проблематику международных отношений. – Э.Б.) адекватно описывать политические процессы и, самое главное, прогнозировать их сегодня стоит необычайно остро» (курсив наш. – Э.Б.). См.: Панарин А.С. Философия политики. С. 395.

¹²³ Кохейн Р. Указ. соч. С. 439-440.

¹²⁴ Там же. С. 440.

О когнитивном измерении международных отношений

Эти колебания между пессимизмом и умеренным оптимизмом, эта растерянность, проскальзывающая в предлагаемых решениях, связаны во многом, на наш взгляд, с тем, что сложные вопросы гносеологического характера обсуждаются мимоходом, поспешно, в контексте сугубо практических политических проблем, ждущих неотложного решения. А нужен специализированный философский анализ политически неангажированных (в той степени, в какой это возможно) профессионалов.

Впрочем мы назвали далеко не все вопросы, которыми могла бы озаботиться философия международных отношений. Разве не важно знать, как формируется внешнеполитическое сознание, в чем его специфика, каковы его типы и как они сменяют (вытесняют) друг друга? А есть ли основания говорить о внешнеполитической идеологии как специфическом феномене? Особо следует выделить вопрос о путях (механизмах) становления и трансформации национальных Я-концепций (то есть национальной идентификации и ре-идентификации) и образов Другого в процессе международного общения, когда сталкиваются субъекты, имеющие в чем-то совпадающие, а в чем-то и расходящиеся интересы и представляющие порой не только разные общества и политические системы, но и разные цивилизации – причем в условиях ускоряющегося изменения среды международного взаимодействия¹²⁵.

Справедливости ради надо сказать, что в современной научной литературе, в первую очередь американской, исследование проблемы перцепций в международных отношениях и формирования имиджей народов и государств, как международных акторов, началось (усилиями К. Боулдинга, Р. Джервиса, Ч. Осгуда, Р. Уайта и др.) еще несколько десятилетий назад. Особое внимание было уделено (Ю. Бронфенбреннер, Ч. Осгуд и др.) исследованию природы и функций «образа врага» и возможностей трансформации «врага» в «партнера». В 80-х годах эта проблематика начала разрабатываться и в отечественной научной литературе¹²⁶, чему немало способствовало усиливавшееся по ходу перестройки смягчение отношений между противоборствующими сторонами – в первую очередь между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. К сожа-

¹²⁵ В качестве примера подобного рода исследования можно назвать недавно опубликованную книгу С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004), где он среди прочих рассматривает и вопрос о национальной идентичности (прежде всего, разумеется, американской) как одном из факторов международных отношений.

¹²⁶ См., например: Политический процесс и политическое сознание. Анализ взаимоотношения политики, власти и идеологии. М., 1986.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

лению, дальнейшего развития на философском уровне проблема перцепций в международных отношениях не получила, а между тем ее актуальность не только не уменьшилась, но даже возросла, если принять во внимание возрастание роли виртуального фактора в социальных коммуникациях, в том числе и международных.

А какова роль в этом процессе национальных культур и субкультур, на ценностях которых социализированы субъекты международных отношений? (Отдельно, наверное, следовало бы поставить вопрос о политических культурах – национальных и групповых). И какова в формировании образа Другого роль опыта – исторического¹²⁷ и современного – общения государств, народов и отдельных социальных групп (в первую очередь национальных элит)¹²⁸? В какой степени Я-концепции и образы Другого влияют на практическое взаимодействие международных акторов, а также на теоретический анализ этих отношений, осуществляемый политическими аналитиками разных стран? Ну и, конечно, стоило бы обратить внимание на такой любопытнейший феномен, как международная политическая мифология, образы которой формируются в процессе взаимного общения национальных акторов и активно используются для идеологической идентификации партнеров¹²⁹.

Еще одна группа вопросов касается *принципов и методов познания явлений международной жизни*. Что это за принципы и ме-

¹²⁷ Интересно было бы проследить, как на формирование массовых имиджей тех или иных стран влияет факт наличия (скажем, Россия – Германия) или отсутствия (прежде всего Россия – Америка) в прошлом военных столкновений с ними.

¹²⁸ Образ Франции, сформировавшийся в России XVIII–XIX веков и во многих своих чертах сохраняющийся в нашем общественном сознании до сих пор – это в основном творение российского дворянства, представители которого были не только франкофонами, но и франкоманами. А образ Америки, начавший складываться в общественном сознании России примерно со второй половины позапрошлого столетия, создавался уже во многом нарождавшейся буржуазией и нес на себе печать иного группового сознания. Что касается лепки образов Другого на массовом уровне, то это явление второй половины XX века. Да и тут не обходится без посредничества «корпоративной оптики», с той лишь разницей, что роль такой корпорации нередко берут на себя СМИ. Впрочем, если развитие Интернета выйдет на новый уровень, ситуация может существенно измениться.

¹²⁹ Яркий пример – образ ковбоя, с которым идентифицируются Соединенные Штаты, причем и в самой Америке и далеко за ее пределами. Но если для самих американцев ковбой – воплощение не только смелости, храбрости и мужества, но и благородства, то за пределами континента ковбой воспринимается как наглый, нахрапистый, агрессивный малый, от которого не следует ждать ничего хорошего и с которым надо держать ухо востро. По-разному воспринимается в России и за ее пределами и образ медведя, с которым она ассоциируется.

О когнитивном измерении международных отношений

тоды? Отличаются ли они, и если да, то чем именно и в силу каких причин от принципов и методов познания других социально-политических явлений? Возможно, продвинувшись в решении этих и других вопросов того же ряда, которые хотя и обсуждаются на протяжении многих лет, однако остаются дискуссионными, мы сможем понять, почему имеем (с этим согласны многие исследователи) лишь довольно приблизительное представление о закономерностях, регулирующих отношения между субъектами международной жизни.

Характеризуя ситуацию в самых общих чертах, заметим, что на протяжении минувшего столетия международные отношения исследовались политической наукой в основном с помощью тех же методов (не смешивать с методиками) и в соответствии с теми же общими принципами, что и весь спектр явлений политической жизни¹³⁰. Принято выделять четыре периода, которые прошла в своем развитии западная политическая наука XX века¹³¹. Это формальный (легалистский), традиционалистский, бихевиоралистский¹³² и постбихевиоралистский периоды. Первые два из них связаны с господством соответственно формально-правового и исторического подходов к исследованию политических явлений, включая сферу международных отношений. Начиная примерно со второй половины 30-х годов на передний план выдвигается бихевиорализм, ориентированный на исследование поведения политических (в том числе, естественно, международных) акторов с помо-

¹³⁰ Подобное положение дел существовало не только в западной политической науке. В социалистических странах исследование международных отношений осуществлялось фактически на основе тех же методологических принципов, что и внутренняя политика. Формально это были марксистские (марксистско-ленинские) принципы. Но фактически, начиная с 60-х годов, в советском обществоведении господствовал скрытый, а точнее сказать, прикрытый цитатами из «первоисточников» методологический эклектизм.

¹³¹ Эту периодизацию предложили американцы — в частности, один из крупнейших заокеанских исследователей Дэвид Истон (см.: *Easton D. Political Science in the U.S. Past and Present // Divided Knowledge / D. Easton, C. Schelling (eds.). London — New Delhi, 1991*), и предложили ее применительно к США. Но ее правомерно рассматривать как характерную для всей западной политической науки, особенно во второй половине XX века, когда влияние американцев в этой области, в том числе в методологическом плане, было доминирующим

¹³² Не следует смешивать — это, к сожалению, сплошь и рядом происходит в отечественном обществоведении — бихевиоризм как течение в психологии и бихевиорализм как направление в политической науке, которое не имеет ничего общего с принципами бихевиоризма и называется так потому, что объектом ее исследования является человеческое поведение (по-английски — *behavior*) в сфере политики.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

щью методов, заимствованных частично из естественных наук. Особое внимание при этом уделялось *системному подходу и системному методу*, которые и по сей день, несмотря на критику со стороны постмодернистов, сохраняют довольно сильные позиции в политической науке. Именно в рамках бихевиорализма были предприняты попытки разработать методы исследования международных отношений, открывающие пути к объяснению происходящих в этой сфере явлений. В частности – это получивший распространение среди международников-теоретиков так называемый *уровневый анализ* в международных отношениях, в разработку которого внесли существенный вклад такие фигуры, как К. Уолтц, М. Каплан и Дж. Сингер¹³³.

Политические события последних двух-трех десятилетий вкупе с изменениями, происходившими в постбихевиоралистский период (примерно со второй половины 70-х гг.) в философии и политической науке, выдвигают перед исследователями международных отношений новые проблемы теоретико-методологического характера и прежде всего вопрос о релевантности анализа явлений международной жизни с позиции множественных методологий как научно равноценных.

В самом деле, должна ли делаться ставка на полную переориентацию исследований на постклассические, в первую очередь постмодернистскую, парадигму с ее отрицанием «центра структуры» как постулируемой наблюдателем фикции, призванной навязать Другому свое видение предмета; рассмотрением власти как активной вне-личной и над-личной силы, которой присущи дисперсность и дискретность и т.п., или же наряду с постклассическими могут быть использованы традиционные парадигмы, на которые ориентировались исследователи второй половины XX века? Не должен ли подход к явлениям международной жизни быть вариантным и определяться не догматической приверженностью господствующей или модной парадигме (любая парадигма ориентирована на осуществление жесткой, хотя и скрытой, идеологи-

¹³³ Суть уровневого анализа состоит в том, чтобы, ориентируясь на редукционистский или системный подходы (используемые при исследовании международных отношений) «определять и исследовать различные сферы, в которых могут быть обнаружены источники объяснения рассматриваемых явлений (в области международных отношений. – Э.Б.)». См.: Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях // Теория международных отношений на рубеже столетий. С. 209. К примеру, «если Уолтц рассматривал системный уровень как главный источник объяснения, то Каплан придавал большое значение уровню государства, и это стало началом спора, который продолжается и сегодня» (Там же. С. 211).

О когнитивном измерении международных отношений

ческой диктатуры), а характером исследуемой реальности¹³⁴ в сочетании с познавательными задачами, которые ставит перед собой исследователь?

Нельзя, разумеется, игнорировать методологические предположения, отражающие специфику переживаемой эпохи и требования, предъявляемые ею к науке. Они ориентируют на перманентность исследования международных отношений (темпы изменения которых, как уже отмечалось, продолжают возрастать) и рассмотрение их как динамичной, неравномерно развивающейся системы, границы которой с окружающей средой лишены жесткости и стабильности, что приводит к периодическим нарушениям ее равновесия.

Они ориентируют на подход к этой системе как характеризующейся отсутствием жесткой, исходящей из одного источника детерминированности внутренних связей и на отказ от противопоставления «порядка» «хаосу» в международных отношениях. Естественные науки пришли к этим принципам еще несколько десятилетий назад¹³⁵. Ныне сам ход мировой политической истории и прежде всего озадачивающий многих исследователей процесс перехода от Ялтинско-Потсдамского порядка к новому мировому порядку подталкивает международников как к пересмотру традиционного представления о соотношении «порядка» и «беспорядка» в общественно-политической жизни, так и к отказу от жесткой аксиологической идентификации как самих субъектов международных отношений, так и элементов среды, в которой им приходится действовать.

¹³⁴ Государства как субъекты международных отношений, будучи формально равноправными, фактически не являются равными и не воспринимаются международным сообществом как равные. У них разный «вес», разные возможности, разные запросы, разные интересы, разные роли и разные перспективы. Все мировые акторы прекрасно это понимают и строят на этом свою политику, хотя, как правило, и умалчивают об этом. Налицо противоречие между формальным равноправием и реальным неравенством государств как пока еще главных творцов мировой политики и главных субъектов международных отношений. Это фундаментальное противоречие международных отношений, которое во многом предопределяет и характер познавательного подхода к ним.

¹³⁵ См.: Прижогин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994.

Об этическом измерении международных отношений

В отличие от большинства других философских проблем международных отношений проблема их **этического измерения** довольно живо обсуждается в современной науке, хотя приходится тут же оговариваться, что сделаны на этом направлении лишь первые шаги, особенно в отечественном общественном образовании¹³⁶. И на фоне довольно-таки объемистой литературы, посвященной этическому измерению политики (в целом)¹³⁷, работы, касающиеся ее международного аспекта, выглядят весьма скромно.

А между тем вопрос о «должном», «справедливом», «моральном» и т.п. в отношениях между государствами и народами и в поведении их правителей по отношению друг к другу интересовал людей за много столетий до появления и науки о международных отношениях и политической науки. Этими людьми были философски мыслящие политики и политически мыслящие философы, среди которых мы видим таких разных персон, как Конфу-

¹³⁶ См.: *Дмитриева Г.К.* Мораль и международное право. М., 1991; *Поздняков Э.А.* Философия политики. Т. 1-2. М., 1994; *Баталов Э.Я.* Политическое — «слишком человеческое». М., 2000; Индивиды в международной политике / Под ред. М. Жира. М., 1996; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2002; *Carr E.H.* The Twenty Year's Crisis (1939) // Contemporary Theory in International Relations / S. Hoffmann (ed.). New Jersey, 1960; *Morgenthau H.* In Defence of National Interest. New York, 1951; *Osgood R.E.* Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953; Ethics and World Politics: Four Perspectives / E.W. Lefever (ed.). Baltimore — London, 1972; *Hoffmann S.* Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics. New York, 1981; *Holmes R.L.* On War and Morality. Princeton, 1989; *Finnemore M.* National Interests in International Society. Ithaca — New York, 1996.

¹³⁷ См., в частности: *Бурдые П.* За политику морали в политике // *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993; *Рикер П.* Мораль, этика и политика // Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М., 1995; *Капустин Б.Г.* Критика политического морализма // Вопросы философии. 2001, № 2; *Он же.* Различия и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. 2001. № 9; *Бикбов А.Т.* Мораль в политике: насилие над господствующими // Полис. 2002. № 4; *Ерохов И.А.* Возможности политической морали // Полис. 2002. № 4; Мораль в политике. Хрестоматия / Отв. ред. Б.Г. Капустин. М., 2004. Примечательно, что в последней из названных, довольно обширной по объему книге, представляющей подборку текстов Сартра, Фанона, Че Гевары, Ганди, Нибура и др. известных политиков и теоретиков, не нашлось места для работ, посвященных внешнеполитической проекции морального.

Об этическом измерении международных отношений

ций, Каутилья, римские стоики, Макиавелли, Монтескье, Кант, Гегель, Маркс с Энгельсом, Ницше, Ленин, Троцкий, Рассел и многие другие. Не настало ли время, когда этическое измерение международных отношений стало бы предметом непосредственного интереса философии, или, говоря конкретнее, философии международных отношений?

Это вовсе не означает, что за ее пределами не осталось бы места для исследования этического в этих отношениях. У названного измерения имеются и нефилософские аспекты (достойные внимания исследователя), о чем свидетельствует существующая научная литература. П.А. Цыганков, посвятивший отдельную (между прочим, тринадцатую по счету) главу своей «Теории международных отношений» их «этическому измерению», выносит на обсуждение такие вопросы, как «взаимодействие права и морали в сфере международных отношений, общее и особенное в их содержании и проявлении; ...специфика трактовок международной морали представителями различных теоретических школ и направлений в истории и в настоящее время; ...императивы международной морали в свете процессов глобализации, свойственных современному этапу мирового развития»¹³⁸. И это, конечно же, далеко не весь круг проблем «международной морали», которыми могли бы заняться наряду с философами истории, социологи, правоведы.

Автор этой работы видит свою задачу в том, чтобы выделить и предложить для исследования несколько групп вопросов или аспектов вопросов, касающихся этического измерения международных отношений и имеющих, как представляется, *более или менее отчетливо выраженный философский характер*. Это по большей части не новые вопросы: некоторые из них не единожды ставились и обсуждались в рамках общей проблемы «политика и мораль». Было бы, однако, полезным, во-первых, исследовать их применительно к сфере международных отношений (это если и делалось, то редко, бессистемно и порой походя) и выявить возможную специфику их проявления в пределах данной сферы, и, во-вторых, рассмотреть проблему философии морали как таковую на базе опыта, накопленного народами и государствами мира за долгие годы их общения друг с другом. И при этом по возможности избегать присутствующего в работах ряда авторов нормативистского подхода, когда вместо анализа реального, нередко противоречивого поведения политических акторов и порождаемых им проблем предлагается описание должного (по разумению автора) поведения, соответствующего моральным критериям («цели международных ак-

¹³⁸ Цыганков П.А. Указ. соч. С. 378.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

торов должны быть нравственными...»; «акторы должны руководствоваться моралью умеренности...»; «необходимо сочетание общечеловеческих нравственных норм и национальных интересов...» и т.д. и т.п.).

По-видимому, самый первый вопрос, который следовало бы поставить при философском анализе этического измерения международных отношений, – это вопрос о *сущности* и *генезисе* этого измерения. Понятно, что такая постановка вопроса исходит из презумпции существования рассматриваемого феномена, что признается, как будет показано далее, далеко не всеми. Однако подавляющее большинство исследователей, высказывая не совпадающие суждения о рассматриваемом предмете, не отрицает сам факт наличия в международных отношениях морального аспекта. Более того, появилось и получило распространение в научной и учебной литературе такое понятие, как «*международная мораль*»¹³⁹, в содержании и смысле которого следовало бы разобраться с самого начала.

Что скрывается за этим понятием: этический аналог (и дополнение) международного права, которое *едино и обязательно* – по *крайней мере, по идее* – для всех акторов, действующих на международной арене? Система «общечеловеческих ценностей», спроецированная на международные отношения? Или, быть может, что-то еще? Вопрос тем более закономерный, что единого толкования понятия «международная мораль», насколько можно судить по литературе, пока не выработано¹⁴⁰, и это крайне затрудняет понимание смысла высказываний, в которых оно используется.

Теоретически возможны несколько вариантов его толкования. Вариант первый: «международная мораль» – это просто *фигура речи*, более лаконичный синоним выражений типа «моральное (нравственное) измерение международных отношений», «проявление морали в международных отношениях» и т.п.

¹³⁹ См., например: *Дмитриева Г.К.* Указ. соч.; *Цыганков П.А.* Указ. соч.

¹⁴⁰ Единственное справочное издание, в котором автору этих строк удалось отыскать понятие «международная мораль» – «Словарь мировой политики» под редакцией Г. Эванса и Дж. Ньюема – предлагает куцую и расплывчатую его трактовку: «традиционный (?) термин... который подразумевает, что международные отношения осуществляются или должны (!) осуществляться на основе некоторых распространенных (*shared*) этических ценностей, допущений или норм, которые не обязательно находят воплощение в международном праве» (Dictionary of World Politics. A Reference Guide to Concepts, Ideas and Institutions / G. Evans and J. Newnham (eds.). New York, 1990. P. 189). Составители словаря, впрочем, оговариваются, что идею «международной морали» разделяют далеко не все политики и философы. Среди ее приверженцев называют Иммануила Канта, Вудро Вильсона и сторонников политического идеализма.

Об этическом измерении международных отношений

Вариант второй: «международная мораль» – это *совокупность нравственных категорий* («добро», «зло», «справедливость», «долг» и т.п.), допускающих разное толкование, но одинаково приемлемых и принимаемых (в качестве пустых форм) всеми или почти всеми субъектами международных отношений.

Вариант третий: «международная мораль» – *это совокупность одинаково истолковываемых и принимаемых всеми, почти всеми или только некоторыми членами международного сообщества (а значит, и действующих в разных пределах) нравственных норм, своего рода международный моральный кодекс, сближающийся по статусу с кодексом норм международного права.*

Вариант четвертый: «международная мораль» – это своего рода *международный моральный императив* (что-то вроде кантовского категорического императива), т.е. свод норм, не обязательно принимаемых членами международного сообщества, но обозначающий ту нравственную планку, до которой они должны были бы «дотянуться».

Вариант пятый: «международная мораль» – это *реальное состояние нравственных отношений и нравственного сознания (в их нормативном и ненормативном аспектах)*, сложившихся между субъектами международных отношений.

Некоторые исследователи выделяют в рамках «международной морали» (в качестве ее разновидности) «межгосударственную мораль», которая создается и реализуется в процессе межгосударственного общения¹⁴¹. Однако и в этом частном случае остаются не проясненными или не вполне проясненными вопросы о содержании, генезисе, масштабах распространения, действительности и других характеристиках «международной морали».

Многозначность этого понятия настраивает на крайне осторожное обращение с ним, тем более, что оно рождает иллюзию реального существования того, чего человечество на самом деле пока еще не выработало и, возможно, не выработает никогда – масштабного и действенного нравственного аналога и дополнения международного права. Но очевидно, конечно, и то, что обоснованная сдержанность в оперировании рассматриваемым понятием не избавляет от необходимости поиска ответа на вопрос о содержании, масштабах, статусе тех форм вне-национальной и над-национальной морали, которые уже существуют сегодня и которые могут быть выработаны завтра. В этом поиске философия международных отношений могла бы сыграть ведущую роль.

В предлагаемом очерке мы будем пользоваться понятием «международная мораль», во-первых, как более экономным синони-

¹⁴¹ См., например: *Дмитриева Г.К.* Указ. соч. С. 57 и др.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

мом понятия «моральное, нравственное измерение международных отношений» (в этом случае оно берется в кавычки) и, во-вторых, имея в виду совокупность нравственных норм (правил поведения), которые к настоящему времени получили распространение в международном сообществе в качестве общепризнанных.

«Международная мораль» – разновидность более общего, родового понятия морали¹⁴², которое и поныне остается предметом философских дискуссий¹⁴³. Его различные толкования – это зачастую следствие различия философских течений (направлений), в рамках которых формировались соответствующие понятия и концепции морали. В предлагаемой работе мы ограничимся операциональным определением морали (в духе Дж. Ст. Милля и Э. Дюркгейма) как исторически сложившейся и действующей в рамках данного социума совокупности «правил поведения» – нормативных и ненормативных, регулирующих отношения между его членами.

В соответствии с таким пониманием «международной морали» мы будем исходить из представления о существовании нормативных и ненормативных «правил поведения», регулирующих отношения между субъектами международных отношений. Как сложились и как действуют эти «правила», каковы их состав и содержание, как влияют они на международные отношения, как изменяются с течением времени – эти и другие вопросы из того же ряда и могли бы, как представляется, стать в первую очередь предметом рассмотрения философии международных отношений. Само собой разумеется, что в этом ряду стоит и вопрос о содержании понятия «этическое измерение международных отношений».

Начнем с вопроса о генезисе международной морали. «Специфика развития международного права состоит в том, что его нормы создаются *путем согласования позиций различных государств мира*. Ни одно государство, независимо от его влияния в мире, не может самостоятельно создать нормы международного права или на-

¹⁴² Автор оставляет в стороне (как не имеющую прямого отношения к рассматриваемой теме) проблему соотношения «морали», «нравственности» и «этики». А это именно проблема, ибо единого мнения на сей счет в истории философии не существовало никогда. Правда, большинство философов рассматривает «мораль» («моральность», «моральное») как синоним «нравственности» («нравственного»), а под «этикой» понимает науку о «морали» («нравственности»). Из такого понимания исходит и автор предлагаемой работы.

¹⁴³ Из множества работ, посвященных исследованию феномена морали выделим не утратившую научной ценности книгу О.Г. Дробницкого «Понятие морали: историко-критический очерк» (М., 1974).

Об этическом измерении международных отношений

вязать свое законодательство международному сообществу»¹⁴⁴ (курсив наш. – Э.Б.). А как складываются нормы международной морали? Ясно, что ни о каком «согласовании позиций различных государств» тут не может быть речи. Международную мораль можно уподобить многослойному пирогу: его архаичные слои насчитывают не одно тысячелетие, причем со времени возникновения они не раз подвергались модификации и на них накладывались все новые и новые слои, так что теперь уже совершенно невозможно найти их авторские истоки. И все же: как рождаются нравственные нормы международного общения – прежде всего те из них, которые провозглашаются в качестве общепризнанных? Действует ли тут только стихия или же она дополняется и корректируется какими-то целенаправленными «согласованиями»? Как осуществляется (если осуществляется) такое согласование и кем? Кто освящает международную мораль своим авторитетом, без коего ни о какой морали не может быть и речи? Вопросов, которыми могла бы заняться философия международных отношений – множество.

Какие-то, и при том достаточно обоснованные, суждения на сей счет можно предложить уже сегодня. Мы можем сказать, что международная мораль – это не проекция какой-то одной национальной системы нравственных норм на международное сообщество, а *производное* от целого ряда таких систем. Говоря иначе, это *продукт взаимодействия, рожденный в опыте* – сложном, противоречивом опыте – *их общения*. Вместе с тем совершенно очевидно, что генетически современная международная мораль восходит к *западной цивилизации и культуре*. Это не значит, что она противоречит культуре стран Востока или вовсе не имеет восточных корней, однако принципы ее имеют западное происхождение, а значит, несут на себе печать либерально-буржуазной и буржуазно-демократической идеологии, что можно сказать и об основных нормах международного права.

Мы можем также констатировать, что вторая половина XX века отмечена ростом воздействия американской культуры (а значит, и американского нравственного сознания) на формирование международной морали. Именно американский опыт и американские национальные интересы сыграли, как представляется, решающую роль в придании «демократии» и «правам человека» статуса «общепризнанных моральных ценностей», который они обрели сегодня. Это лишний раз подтверждает, что страна, выступающая в качестве политического и военного доминатора на том или ином этапе мирового исторического развития, оказывает определяющее воздействие на развитие и коррекцию действующей международной морали.

¹⁴⁴ Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996. С. 417.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

Было бы интересно проследить в исторической ретроспективе внутреннюю логику изменения состава и содержания норм этой морали. Например, за счет *взаимодействий между нормами морали и нормами права*, которые не только обогащали друг друга, но в ряде случаев переходили друг в друга. («Права человека» стали элементом морального измерения международных отношений, уже обладая статусом нормы международного права.) Возможно, это помогло бы составить более или менее корректное представление о направлениях и путях дальнейшей эволюции международной морали, как и о путях повышения авторитета и усиления роли (через взаимодействие с моралью) международного права в политической жизни мира.

Другая группа вопросов, которую не может обойти вниманием исследователь философии международных отношений, касается (тут мы возвращаемся к проблеме, заявленной в самом начале очерка) *соотношения и принципиальной совместимости международных отношений (мировой политики) и нравственности*. Поскольку в современном – в основе своей все еще анархичном, как скажет представитель реалистского направления в политической науке – мире национальная внешняя политика, то есть политика, проводимая на международной арене нациями-государствами, строится на основе *приоритета национальных интересов*¹⁴⁵, то поставленный выше вопрос следовало бы перевести в плоскость *соотношения и принципиальной совместимости национальных интересов и нравственных принципов*. Иначе говоря, могут ли государства, отстаивая свои национальные интересы, руководствоваться при этом нравственными императивами, или же все рассуждения иных политиков о приверженности морали в международных отношениях – не более, чем дымовая завеса?

Ответы современных политиков и теоретиков на поставленный вопрос укладываются в три основные формулы. Согласно одной из них, *внешняя политика государства может быть нравственно ориентированной*. (Радикальный вариант этой формулы предполагает, что она не только может, но и должна иметь нравственную ориентацию). А поскольку ни одно государство не отрицает своей функции защиты национального интереса, то формулу эту следовало бы читать следующим образом: *защита национального интереса может (и должна) согласовываться с ориентацией на нравственные*

¹⁴⁵ В литературе по международным отношениям часто цитируют приписываемое разным политикам (особенно британским) высказывание, смысл которого примерно таков: у страны не бывает постоянных друзей и врагов – у нее могут быть только постоянные национальные интересы.

Об этическом измерении международных отношений

ценности. В этом духе высказывается абсолютное большинство государственных деятелей¹⁴⁶. В этом духе выдержаны и все основные международные политические документы современности¹⁴⁷.

Формула вторая: *внешняя политика государства должна быть вне-морально ориентированной*. То есть субъект международных отношений не отрицает моральных норм как таковых, но строит – совершенно осознанно – свою внешнюю (а в большинстве случаев и внутреннюю) политику без их учета. Он не пытается ни подчинить свой национальный интерес моральной догме, ни противопоставить его морали. Едва ли не классическое выражение этой позиции мы находим у Маркса и Энгельса. «Коммунисты, – объясняли они в “Немецкой идеологии”, – не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают

¹⁴⁶ В философии нового времени наиболее глубокое и полное обоснование возможности осуществления морально ориентированной политики мы находим у Канта.

¹⁴⁷ Яркое тому подтверждение – преамбула и некоторые статьи Устава ООН. «МЫ НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и

содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе,

и в этих целях

проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и

использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов,

решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

Или вот статья 1, обязывающая страны – члены ООН действовать «в согласии с принципами справедливости и международного права», развивать между ними «дружественные отношения». Статья 55 декларирует содействие ООН созданию «условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между народами...». Статья 73 говорит, что члены ООН «как священный долг принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих (несамоуправляющихся. – Э.Б.) территорий...».

А в Статуте международного суда говорится (статья 2) о том, что «суд состоит из коллегии независимых судей, избранных, вне зависимости от их гражданства, из числа лиц высоких моральных качеств...».

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезнет сама собой. Коммунисты вообще не проповедуют никакой *морали*... Они не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т.д.; они, наоборот, отлично знают, что как эгоизм, так и самоотверженность *есть* при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»¹⁴⁸.

Формула третья: *внешняя политика государства не может быть морально ориентированной, поскольку политика и нравственность в принципе несовместимы*. И последовательная защита национального интереса неизменно приходит в противоречие с общепринятыми (или считающимися таковыми) нормами нравственности. В более радикальном (например, ницшеанском) варианте эта формула допускает отрицание морали как таковой, как института культуры. На первый взгляд может показаться, что это повторение второй формулы, однако при более внимательном ее прочтении различие становится очевидным: непризнание морали и отрицание морали – вещи разные. И если второй формулы придерживается меньшинство политиков, то о своей приверженности третьей формуле говорят вообще единицы, хотя есть основания полагать, что думают так многие.

Политики и политологи бьются и, конечно, будут и дальше биться над доказательством истинности (а значит – что для них главное – практической значимости) той или иной из названных формул. (А возможны еще и симбиотические построения, связанные, в частности, с более конкретной «привязкой» тех или иных решений к политическому пространству-времени.) Однако и сам факт длительного, хотя и немирного, сосуществования названных формул, и их структура, и характер доказательной базы свидетельствуют о том, что мы имеем дело с суждениями *антиномического порядка*. Это и предопределяет возможные стратегии отношения ним со стороны исследователя, представляющего такую дисциплину, как философия международных отношений.

Третья группа вопросов, которую не может обойти вниманием философия, касается *критериев нравственного и безнравственного в международных отношениях*. Этот аспект этического всегда вызывал горячие споры по причине своей противоречивости и неопределенности. Тем более сложным оказывается его решение применительно к рассматриваемой сфере, где количество и неопределенность переменных возрастают.

¹⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 236.

Об этическом измерении международных отношений

Некоторые из категорий этики заключают моральную оценку в самих себе: «добро» – нравственно, «зло» – безнравственно; «справедливость» – нравственна, «несправедливость» – безнравственна и т.п. Однако этот категориальный абсолютизм носит ограниченный, а главное – формальный характер. Что именно считать «нравственным» и что – «безнравственным»? Ответы на эти вопросы носят относительный характер: то, что для одного – «добро» и «справедливость», для другого – «зло» и «несправедливость», и наоборот. Этот нравственный релятивизм, связанный с различием культур, социальных статусов, собственного опыта, а в конечном счете – частных потребностей и интересов, явственно обнаруживается внутри отдельных обществ.

Еще более отчетливо проявляется он в сфере международного общения, где нравственные различия зачастую оказываются более радикальными и нередко способствуют возникновению международных противоречий и конфликтов¹⁴⁹. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, с более радикальным различием культур (и порождающих их цивилизаций), присущих разным народам. Во-вторых, с зачастую более существенным разрывом в характере и содержании потребностей и интересов разных народов и государств, которые в условиях глобальной анархии не могут быть нивелированы (как это обычно происходит внутри отдельных государств) единой властью. В-третьих, с возможностью силового обеспечения своей нравственной позиции и стоящего за ними национального интереса.

В связи с этим встают два вопроса, требующие философско-теоретического осмысления: о природе критериев нравственного и безнравственного в международных отношениях и о составе круга общих (общепризнанных) нравственных ценностей.

¹⁴⁹ Часто можно слышать о так называемых двойных (моральных) стандартах в политике, особенно в международных отношениях. Природа этой двойственности не так проста, как кажется на первый взгляд. Отчасти раздвоение порождается сознательным стремлением обелить Своих и очернить Чужих, что может являться прямым следствием политического заказа, направленного на защиту корпоративного интереса. Но существование двойных стандартов связано и с относительностью моральных критериев, порождаемой различием культурных и социальных сред и преследуемых целей, равно как и со спецификой оценивающего сознания. С точки зрения либерально-демократического (то есть буржуазного по сути) сознания, все, что способствует утверждению демократических и либеральных ценностей – благо, все, что, по его представлению, препятствует ему – зло. Естественно, что иным типам сознания присуща иная ценностная ориентация. Любопытно, что «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова толкует понятие «честный» не только как «правдивый», «прямой», но и как «не преступающий *принятых* правил морали» (Т. IV. М., 1940. С. 1267) (курсив наш. – Э.Б.).

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

В самом деле, что считать нравственным и что – безнравственным в международных отношениях? Если эти понятия релятивны, то есть проявляются через отношения между взаимодействующими субъектами, то не означает ли это, что таковыми должны быть и их критерии: нравственно то, что соответствует общим целям и потребностям вступающих во взаимодействие субъектов? Если они образуют систему, то следует ли отсюда, что и критерии нравственного приобретают системный характер: нравственно то, что соответствует целям и потребностям системы как целого? (Вопрос тем более не простой, что, как легко заметить, при этом открывается пространство для возникновения диссонансов (противоречий) между интересами и потребностями целого и образующих его элементов.)

Что касается состава общих нравственных ценностей и расширения их круга, то и тут не все просто. Расширение этого круга налицо, но происходит оно при сохранении противоречий, пути решения которых выглядят проблематичными в современных условиях. В качестве примера можно сослаться на такие ценности, как «мир между народами» и «права человека», которые обрели в XX веке статус универсальных. В этой связи следует напомнить, что хотя многие крупные мыслители прошлого (как мы видели) рассматривали состояние мира в качестве одной из высших политических и нравственных ценностей, у них были не менее сильные противники, считавшие таковой войну. Сегодня практически общепризнано, что война – зло и что она безнравственна, а мир между народами – благо, имеющее высоконравственную природу. Сравнительно недавно появились в числе общепризнанных моральных ценностей и «права человека». А в числе самых последних приобретений – «защита (сохранение) окружающей среды», «нераспространение оружия массового уничтожения» и другие социально-политические ценности с отчетливо выраженной нравственной окраской.

Но есть ли основания утверждать, что эти и другие ценности, провозглашенные в качестве общепризнанных, приобрели характер нравственного императива; что они приняты политиками в качестве руководства к действию; что они отражают состояние общественного сознания всех или большинства народов мира?

Четвертая группа вопросов касается *функций и роли нравственности в международных отношениях*. Что это за функции? Отличаются ли они от функций, выполняемых моралью внутри отдельных обществ, и если да, то в чем эти отличия? Продолжением этих вопросов является вопрос о роли нравственности в международных отношениях: ее масштабах, ее детерминированности и возможности изменения с изменением международной ситуации. Вопросы эти тем более заслуживают внимания, что применительно к

Об этическом измерении международных отношений

международной сфере они ставятся редко. А будучи поставлены, порождают разные ответы – вплоть до взаимоисключающих.

Очевидно, что подобно тому, как внутри отдельных обществ мораль выполняет функцию регулятора отношений между их членами, так и на международной арене она выступает в качестве *одного из элементов системы регуляции отношений между акторами, действующими на международной арене*. Мы говорим «одного из элементов», имея в виду, что наряду с моралью функцию регуляции выполняют *международное право* и не регламентированная правом *сила*, принимающая разные и порой весьма изощренные формы (агрессия, санкции, блокада и т.п.) и представляющая собой проявление анархии в международных отношениях.

Следует тут же добавить к сказанному, что и право, и мораль оказываются действенными лишь при условии опоры на силу в том или ином ее проявлении. Международное право опирается на силу государств и международных организаций, прибегающих в случае необходимости к международным санкциям. Мораль опирается на силу авторитета в лице международного общественного мнения, носителями которого могут выступать общественные и государственные организации, институты (например, пресса, церковь) и даже пользующиеся международным признанием частные лица.

Вопрос о конкретных функциях морали в международных отношениях вызывает немало споров, касающихся прежде всего соотношения позитивных предписаний и запретов, свободы и ответственности их субъектов и т.д., а в конечном счете и идентификации самих функций. На наш взгляд, главной и определяющей в международных отношениях является нормативная функция, которая, как показывает ее название, заключается прежде всего в предписывании акторам мировой сцены норм их взаимоотношений. Каких именно норм – вопрос по самой своей природе открытый, ибо вечной и универсальной морали (если не считать простых норм нравственности, которые имеют рамочный характер) не существует: конкретные потребности государств, определяющие в итоге содержание этих норм, меняются от эпохи к эпохе, а вместе с ними меняется и представление о конкретном содержании моральных ценностей.

Отечественный исследователь Э.А. Поздняков, иронизируя по поводу морализаторов-«заклинателей», настаивающих на том, «что политика должна быть нравственной», утверждает: «Можно побиться об заклад, что если спросить любого такого заклинателя и горячего сторонника моральности политики, что означает словосочетание “нравственная политика” и каковы те принципы, коих должна держаться политика, чтобы быть моральной, вряд ли мы получим вразумительный ответ. Сошлутся непременно на общече-

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ловеческие моральные ценности, не без труда припомнят две-три из десяти заповедей, вроде: “не убий”, “не укради”, “не прелюбодействуй”, к политике в общем-то не имеющих прямого отношения, и это, наверно, все»¹⁵⁰.

Возможно, в большинстве случаев было бы именно так: припомнили бы кое-что из библейских заповедей, а наиболее «продвинутые» сослались бы даже на категорический императив Канта. Но думается, что в нынешних условиях, говоря об «общечеловеческих» ценностях, сослались бы еще на конвенциональные ценности, представленные в первую очередь ценностями социально-политическими – как «вечными», так и главным образом теми, что стали актуальными во второй половине XX века. Это все тот же «мир между народами». Это «ненасилие». Это «толерантность» («терпимость»). Это, разумеется, «свобода» и «справедливость»¹⁵¹. Возможно, упомянули бы о «нераспространении ядерного оружия», «защите окружающей среды», а то и о «плюрализме». Но в центр поставили бы, конечно же, «демократию» и «права человека». И все это – в качестве ценностей, составляющих «международную мораль».

Мы оказываемся, таким образом, свидетелями любопытной метаморфозы: политические ценности (часть из которых, как, например, «права человека», были до поры до времени объектом защиты внутригосударственного права стран, следовавших по пути либеральной демократии, становятся объектом защиты еще и со стороны международного права) обретают статус международных моральных ценностей со всеми вытекающими отсюда последствиями – не только моральными, но и политическими. Например, «гуманитарная интервенция» против той или иной страны, осуществляемая под предлогом защиты прав человека, нарушаемых в этой стране, получает теперь не только международно-правовое обоснование, но и моральное оправдание. Нечто подобное происходит ныне и с таким понятием, как «демократия».

¹⁵⁰ Поздняков Э.А. Указ. соч. С. 149.

¹⁵¹ Вопрос о справедливости в международных отношениях представляет тем больший интерес, что Джон Ролз, автор нашумевшей теории справедливости (изложенной им в одноименной книге), как отмечалось выше, оставил этот аспект исследованной им проблемы без должного внимания. Судя по некоторым отрывочным его высказываниям, он полагал, что в отношениях между государствами и другими акторами мировой сцены «справедливое» и «несправедливое» будут проявляться в принципе так же, как и в отношениях между членами отдельных обществ. Но это надо еще доказать (или опровергнуть). А пока вопрос остается открытым. В этом убеждает, в частности, депонированная в ИНИОН РАН рукопись небольшой статьи Е.Б. Сваровской «Справедливость в международных отношениях в свете “теории справедливости” Джона Ролза» (Новосибирск, 2000).

Об этическом измерении международных отношений

Все это может служить лишним подтверждением высказанного ранее суждения о том, что так называемые общечеловеческие моральные ценности, оказывающиеся на поверку зачастую трансформированными политическими ценностями, являются (по крайней мере, в значительной своей части) продуктом творчества лишь части человечества – а именно той его части, которая на данном этапе исторического развития обладает превосходящей силой. Следует ли отсюда, что эти ценности отражают лишь частные национальные интересы и потребности, выдаваемые за общие, – вопрос дискуссионный, не имеющий, как представляется, однозначного и неизменного ответа. И над ним тоже стоило бы поразмышлять тем, кто рискнул бы посвятить себя философии международных отношений.

Предписание определенных норм поведения есть одновременно и обозначение (пусть косвенное) границ применения насилия одними субъектами международных отношений против других. Международная мораль, таким образом, выполняет функцию *ограничения произвола* в этих отношениях. Формируя поле консенсуса, регулируя их, нравственные нормы если и не примиряют национальные интересы, то до какой-то степени *смягчают противоречия*, существующие между пусть и не всеми, но многими членами мирового сообщества.

И еще один момент. Дюркгейм видел «характерную черту моральных правил» в том, что «они выражают основные условия социальной солидарности»¹⁵². Нравственность, по его словам, «имеет существенной функцией сделать из него (индивида. – Э.Б.) неотъемлемую часть целого и, следовательно, отнять у него кое-что из свободы его действий»¹⁵³. Вывод Дюркгейма справедлив и применительно к международным отношениям: мораль и в этой сфере выполняет *интеграционную функцию*, способствуя включению членов международного сообщества в мировую политическую систему. Что же касается ограничения их свободы (вокруг чего ведется столько споров), то оно носит двойственный характер, являясь одновременно и ограничением их произволения.

А как обстоит дело с *ролью морали в международных отношениях*, то есть со степенью и характером ее реального воздействия на последние? В литературе – как отечественной, так и зарубежной – высказываются разные суждения на сей счет, экстремы которых, как и следовало ожидать, представлены пессимистами и

¹⁵² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 369.

¹⁵³ Там же.

Э.А. Баталов. О философии международных отношений

оптимистами¹⁵⁴. При этом и те, и другие находят достаточно весомые аргументы в подтверждение своих позиций. И уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что обозначенная проблема не имеет однозначного и простого решения. А значит и тут перед философией международных отношений открывается широкое поле для исследования.

На наш взгляд, *роль морали в международных отношениях не имеет (в целом) фиксированной динамики и меняется в зависимости от изменения ее роли в системе регуляции последних* – системе, элементами которой являются, как отмечалось выше, сила (и «мягкая» и «жесткая») и международное право. Когда «молчит» (вынуждена «молчать») сила, громче звучат голоса международного права и морали. Когда сила выходит на передний план, то мораль и право нередко превращаются в жалкое прикрытие силовых акций. Но сила чаще всего «молчит» тогда, когда ей противостоит более или менее равная сила, то есть в условиях баланса сил. И, напротив, нарушение этого баланса ведет в итоге к ослаблению моральных и правовых «сил сдерживания».

Обобщая сказанное, мы можем, очевидно, констатировать, что *степень влияния нравственных норм в международных отношениях прямо пропорциональна балансу сил между ведущими державами и их союзниками*. Чем ближе этот баланс к идеальному и чем меньше возможностей применить силу, не оставаясь при этом безнаказанным, тем больше государства вынуждены считаться с нормами морали и международного права. И, напротив, если государство, защищая свой национальный интерес, не сталкивается со сдерживающей силой другого государства (других государств), оно мало прислушивается, если прислушивается вообще, к повелениям нравственных норм, отделяваясь в оправдание ничего не

¹⁵⁴ «Итак, краткое резюме из сказанного выше, – заключает свою главу “Политика и нравственность” Э.А. Поздняков, – можно свести к следующему: в межгосударственном общении нормы индивидуальной морали не действуют, поскольку они строятся на иных принципах отношений. За всеми декларациями о необходимости следовать универсальным, «общечеловеческим» нормам морали обычно скрывается либо наивный политический дилетантизм, либо претензии на гегемонию какой-либо одной, особенной системы нравственных ценностей, а также мессианский интервенционизм» (*Поздняков Э.А. Указ. соч. С. 209*). А вот совершенно иной взгляд и тоже – итоговый. «Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что проблема моральных ценностей и норм в международных отношениях является одной из наиболее сложных и противоречивых. Однако при всей относительности роли моральных ценностей в регулировании взаимодействия акторов на мировой арене, в социализации международных отношений, в преодолении присущей им некоторой анонимии их роль, несомненно, возрастает» (*Цыганков П.А. Указ. соч. С. 404*).

Об этическом измерении международных отношений

значащими, лицемерными фразами. Лучше других об этом сказал Кант: «государство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно отстаивает по отношению к ним свои права...»¹⁵⁵.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о *перспективах эволюции роли морали в международных отношениях* в контексте тех социальных, политических, экономических и культурных процессов, которые охватили мир в последние десятилетия и продолжают нарастать сегодня. Это глобализация, которая одновременно и объединяет мир, и разрывает его на части, разрешая одни противоречия между народами и порождая другие (что, собственно и находит отражение в таких контрпроцессах, как антиглобализм и альтерглобализм). Это, как ее называют иногда, глобальная релятивизация суверенитета, связанная с изменением функций, роли и места государств в международном сообществе и порожденным им изменением представлений об их моральном долге, обязанностях и ответственности. Это формирование нового политического порядка, который пришел на смену Ялтинско-Потсдамскому порядку, но оказался на поверку не менее, а в некоторых отношениях более проблемным и конфликтным, чем прежний.

Встает вопрос: а возможно ли в этих условиях повышение эффективности международной морали хотя бы до такого уровня, какой характерен для морали внутриобщественной, и если да, то как этого добиться?¹⁵⁶. Могут ли в новых условиях быть найдены пути к смягчению (не говорим разрешению) противоречий между моралью и политикой в сфере международных отношений? Вопросы тем более актуальные, что есть, как представляется, все основания говорить о *моральном кризисе в современных международных отношениях*, проявляющемся в том, что на фоне усилившейся моральной риторики и под предлогом защиты прав человека, предотвращения гуманитарных катастроф, освобождения человечества от тиранических режимов, недопущения накопления и распространения оружия массового уничтожения и т.п. предпринимаются широкомасштабные акции, принципиально противоречащие тем самым нормам международной морали, именем которых оправдываются эти операции. (В подтверждение сказанного можно сослаться

¹⁵⁵ Кант И. К вечному миру. С. 39.

¹⁵⁶ Его органически дополняет другой вопрос, не имеющий прямого отношения к теме нашего разговора, но внутренне связанный с ней: а возможно ли (и если возможно, то как к этому прийти) повышение роли и действенности международного права до уровня, характерного для национальных систем права?

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

на «операцию» НАТО в Югославии, военное вторжение США и их союзников в Ирак и ряд других акций.)

При всем многообразии обсуждаемых путей решения проблемы (повышение международной ответственности всех государств и в первую очередь членов «восьмерки»; усиление роли глобальных и региональных институтов и т.п.) дело сводится в сущности к одному: *как разрешить противоречия между национальными интересами (а применительно к мировой системе – противоречия между интересами отдельных государств как элементов этой системы и системой в целом)?* Как умерить национальный эгоизм? Как повысить степень доверия государств друг к другу?

В последние годы теории международных отношений и даже политики все чаще обращают свои взоры к Канту, предложившему в свое время путь к «согласию политики с моралью»¹⁵⁷. Согласно, непосредственной целью которого было бы обеспечение «вечного мира», но которое открывало бы более широкую перспективу разрешения фундаментального конфликта между эгоистическими интересами отдельных государств без использования насилия. Этот путь Кант видел в создании «союза народов» в рамках «федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру»¹⁵⁸: «...согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе... и вся дипломатия государств имеет в качестве правовой основы установление такого союза в возможно большем размере»¹⁵⁹.

Можно, наверное, и не спорить с традиционной оценкой идеи федерации, предлагаемой Кантом, как утопической. Но можно ли расценить как утопическое представление философа о том, что единственный радикальный путь к разрешению противоречий между национальными интересами, а в идеале и к победе власти морали над властью силы в международном масштабе – это создание союза свободных народов, будь то в рамках федерации или в иных, качественно подобных формах? И разве не ее своеобразными модификациями (порой, впрочем, далеко от нее отходившими) были идеи «мирового государства», предлагавшиеся в XX веке?

Сегодня, когда идут процессы интеграции в Европе (Евросоюз), Северной Америке (НАФТА) и других регионах мира, когда все громче начинают говорить о необходимости создания «глобальной либеральной империи», не обретает ли кантовская идея федерации контуры реального плана, наконец-таки, открывающе-

¹⁵⁷ Кант И. К вечному миру. С. 54.

¹⁵⁸ Там же. С. 21.

¹⁵⁹ Там же. С. 54.

Об этическом измерении международных отношений

го путь к преодолению противоречий между национальными интересами и глобальными потребностями, к победе морали над силой? И не подтверждается ли все-таки истинность идеи Канта о создании международной федерации или ее аналога как единственного пути к такой победе?

Наверное, тут есть о чем поспорить. Но, думается, создание глобального союза народов à la Кант выглядит ныне столь же нереальным, как и создание «мирового государства», «мирового правительства», «всемирного парламента» и даже «глобальной либеральной империи». И сожалеть об этом в нынешних условиях не стоит. Если бы вдруг эти проекты оказались осуществимыми, то в современном мире они, вероятнее всего, имели бы следствием не разрешение, а новое обострение мировых противоречий, ибо в условиях несбалансированного в силовом отношении и культурно разнородного мира привели бы не к гармонизации интересов внутри соответствующей глобальной структуры, а к усилению насильственного навязывания интересов более сильных ее членов более слабым со всеми вытекающими отсюда драматическими, а возможно, и трагическими последствиями.

Что касается идеи Канта о союзе свободных народов как единственном радикальном пути к разрешению противоречий между силой и правом, силой и моралью в пользу права и морали, то резонно, несколько перефразируя одного известного политического деятеля, заметить: возможно, это слишком радикальная и потому далекая от осуществления идея, но ничего лучшего человечество пока не придумало. Все остальное – паллиативы. Но именно с ними, скорее всего, нам и жить в обозримом будущем. А значит, именно из них и исходить при построении политических планов и представлений о возможной роли морали в международных отношениях.

Об эстетическом измерении международных отношений

В отличие от этического измерения международных отношений, обсуждаемого и исследуемого на протяжении не одной сотни лет, их эстетическое измерение не привлекает к себе внимания ни философов, ни международныхников. Не есть ли это свидетельство того, что международные отношения лишены его вообще? И что, следовательно, попытки рассмотрения их в эстетическом плане носили бы искусственный характер? На наш взгляд, ответы на оба эти вопроса должны быть отрицательными.

Международные отношения – одна из форм социального бытия, которое, в свою очередь, является одной из форм бытия. Но эстетическое имманентно бытию во всей его полноте, а значит имманентно международным отношениям. (Есть и еще одно основание для поддержания последнего тезиса, но о нем – позднее.) Поэтому *одна из задач философии международных отношений – раскрыть как можно полнее и глубже их эстетическое измерение.*

В самом деле, руководствуется политик или иной актер, выстраивая свои отношения с другими действующими лицами международной сцены, только чисто утилитарными соображениями, или же строит свою деятельность еще и по законам эстетического? Влияет ли уровень эстетического развития субъекта международных отношений на характер и качество принимаемых им решений? Существует ли какая-либо связь между эстетической стороной внешнеполитических акций и их легитимацией и если существует, то какая? Вот лишь некоторые из вопросов, ответы на которые следовало бы поискать исследователям международных отношений (включая философов) и прояснение которых, не исключено, могло бы способствовать рационализации этих отношений. Но *главный вопрос, стоящий перед философом, – это, конечно, вопрос о сущности эстетического в международных отношениях.* Говоря проще, вопрос о том, какие качества явлений международной жизни позволяют говорить о наличии в них эстетического измерения? В чем последнее проявляется? Чем детерминируется? Но прежде следовало бы определить, что понимается под эстетическим.

Надо сразу сказать, что вокруг таких понятий, как «эстетика» и «эстетическое», давно бушуют споры, в ходе которых было предложено множество определений этих категорий, как дополнявших и развивавших, так и отрицавших друг друга. Впрочем представители разных направлений сходились в том, что, говоря об эстетиче-

Об эстетическом измерении международных отношений

ском, мы в сущности ведем речь о неутилитарном восприятии при-
сущих созерцаемому объекту форм, которые вызывают у созерцаю-
щего субъекта более или менее глубокие эмоциональные пережива-
ния, рождающие ощущение сопричастности предмету, помогаю-
щие глубже постичь его и вместе с тем способные повлиять на со-
стояние внутреннего мира созерцающего субъекта. По определе-
нию (на наш взгляд, наиболее адекватному задаче раскрытия приро-
ды феномена) А.Ф. Лосева, одного из крупнейших отечественных
философов минувшего века, предметом эстетики как философской
дисциплины является «область выразительных форм действитель-
ности (в том числе художественной), данных как самостоятельная
и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность»¹⁶⁰.

На протяжении долгого времени «эстетическое» ассоциирова-
лось, а то и отождествлялось с «красотой», с «прекрасным», так
что последнее выступало порой как синоним «эстетического». Од-
нако впоследствии родилось осознание того, что «прекрасное есть
только разновидность эстетического наряду с такими его модифи-
кациями, как возвышенное, низменное, трагическое, комическое,
безобразное, ирония, юмор, бурлеск, гротеск и т.д.»¹⁶¹.

Тут перечислены лишь некоторые категории эстетического,
которые, как и другие философские категории, представляет собой
открытые развивающиеся понятия. При этом следует иметь в виду,
что, получая воплощение в различных предметных средах, одной
из которых является сфера международного общения, эстетиче-
ское, с одной стороны, может пополняться новыми категориями
(как, например, «порядок», «упорядоченность»), а с другой – полу-
чать специфическую предметную конкретизацию (это касается, на-
пример, категории «меры», которая может трансформироваться в
категорию «баланса», столь широко используемую специалистами
в области международных отношений)¹⁶².

¹⁶⁰ Лосев А.Ф. Эстетика // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 570. При этом «эстетическое как нечто выразительное представляет собой диалектическое единство внутреннего и внешнего, выражаемого и выражающего, и притом такое единство, которое переживается как некоторая самостоятельная данность, как объект бескорыстного созерцания» (Там же). См. также: Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1963; Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М., 1960.

¹⁶¹ Лосев А.Ф. Эстетика. С. 570.

¹⁶² Тут надо оговориться, что речь идет о категориях западной эстетики. На Востоке эстетика и способы вербальной фиксации проявлений эстетического в сфере политики и международных отношений имеют свою специфику. Любопытные примеры эстетического оформления политико-стратегических алгоритмов находим мы, например, в китайской культуре. Речь идет о так называемых стратагемах, сущест-

Э.Я. Баталов. *О философии международных отношений*

Но даже в широком его понимании «эстетическое» нередко отождествляется с «художественным», а «художественное» — с искусством. В этом, видимо, одна из главных причин того, что даже исследователи философии политики, не говоря уже о далеких от философии международниках-теоретиках, обходили стороной (как вроде бы не имеющую отношения к делу) проблему эстетического.

В действительности всякое творчество включает в себе помимо чисто утилитарного (когда таковой в нем присутствует) еще и эстетический элемент. Об эстетической природе человеческого творчества говорили в разное время многие крупные мыслители, начиная, пожалуй, с Платона¹⁶³. В былые годы советские философы любили цитировать известное высказывание Маркса о том, что человека отличает от животного «свободный подход» к любому предмету согласно его «мере» и о формировании материи «и по законам красоты»¹⁶⁴.

Эстетическая природа человеческого творчества предопределяется целой цепью зависимостей, характеризующих творческую деятельность *Homo sapiens*, в каком бы секторе социальной сферы она ни протекала. Это *целесолагающая* деятельность, которая носит, если воспользоваться определением Макса Вебера, целерациональный характер, то есть использует средства, рассматриваемые действующим субъектом как адекватные. Но это всегда средства,

вующих в Срединной империи на протяжении многих столетий, но открытых для себя Западом лишь недавно. (См.: *Зенгер Харро фон*. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. М., 1988). Примечательно, что все стратагемы оперируют не понятиями, а художественными образами и выполнены в художественной форме. Вот названия нескольких стратагем: «Обмануть императора, чтобы он переплыл море (ее сущность фон Зенгер определяет как «сокрытие цели, сбитие с курса, стратагема «шапки-невидимки». — Указ. соч. С. 35); «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» («Косвенное давление на врага при помощи угрозы, направленной против одного из его уязвимых мест, стратагема удара по слабому месту, стратагема ахиллесовой пяты». — Указ. соч. С. 51); «В покое ожидать утомленного врага» («Стратагема изматывания противника». — Указ. соч. С. 77).

¹⁶³ Уместно в этой связи вспомнить и следующие слова Николая Бердяева: «принято даже называть художественным творческий элемент во всех сферах активности духа. Ярко выраженное отношение к науке, к философии, к общественной жизни, морали, считают художественным. И Творец мира воспринимается в аспекте великого художника... В творчески-художественном отношении к миру уже приоткрывается мир иной. Восприятие мира в красоте есть прорыв через уродство «мира сего» к миру иному... Творчество художественное имеет онтологическую, а не психологическую природу». См.: *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 437-438).

¹⁶⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 566.

Об эстетическом измерении международных отношений

соотносимые с определенным идеалом, построенные по идеалу. А что такое идеал, как не совершенный образец предмета, совершенный образец деятельности, который по определению отвечает «законам красоты», будь то красота отношений, красота политического института или красота социальной модели?

Все сказанное о творчестве относится, естественно, и к международным отношениям, являющим собой одну из специфических форм *творческой деятельности*. И вопрос в том, чтобы, как уже говорилось, выявить *сущность эстетического* в этих отношениях. На наш взгляд, она проявляется прежде всего *в наличии в международных отношениях выразительных форм, отражающих характерные черты этих отношений и способных вызвать чувственное (эмоциональное) переживание субъекта*: радость, горе, негодование и т.д., подобные тем, какие человек переживает, созерцая произведения искусства, например, театральную пьесу.

На понятийном уровне эти формы фиксируются двояко. Во-первых, в таких общих традиционных категориях эстетики, как «прекрасное», «безобразное», «гармония» («гармоничное»), «трагическое», «драматическое», «ритм», «образ» и т.п. Во-вторых, в специфических категориях, широко используемых теоретиками и практиками международных отношений. К их числу можно отнести «баланс» (сил, интересов, угроз и т.п.), «симметрию» и «асимметрию» (решений, действий одного актора в ответ на действия другого и т.п.), «порядок» (мировой политической порядок, информационный порядок и т.п.) и другие.

В реальных событиях международной жизни, в повседневных международных отношениях, люди постоянно сталкиваются с разными по масштабу и глубине явлениями, которые становятся объектами их восприятия и вызывают у них более или менее сильные эмоциональные переживания, порой накладывающие отпечаток на их дальнейшую жизнь. Взять только что минувший XX век. Прошло полтора десятилетия с тех пор, как распался Советский Союз. Для десятков миллионов людей это была трагедия в полном смысле этого слова – с ломкой сложившегося жизненного уклада, гибелью людей, разрывом судеб и т.д. и т.п. Трагедия, явившаяся одним из исходов (для одних – естественным и даже неизбежным, для других – неестественным и случайным) развития международных отношений и борьбы между двумя системами на протяжении нескольких десятков лет.

А сколько *драматических* событий произошло за это время! Чего стоит один Карибский кризис, когда мир (во всех смыслах этого слова) висел на волоске. А разве не были исполнены драматизма (с элементами трагизма) натовские бомбардировки Югославии и

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

вторжение «сил коалиции» в Ирак! И разве не было элементов *фарса* во многих политических акциях главных героев этих событий?

А разве не испытывало человечество время от времени состояния *катарсиса*, сопровождавшего напряженные переживания, например, в процессе и после благополучного разрешения того же Карибского кризиса, когда люди, как матросы перед последним боем, готовы были надеть на себя чистые белые рубахи? Не говорю уже о «прекрасном» и «безобразном»: это та призма, через которую мы постоянно смотрим на мир, оценивая проносящийся перед нашими глазами поток мировых событий. Словом, реальная международная жизнь снова и снова подтверждает правоту Шекспира: «Весь мир – театр, и люди в нем актеры»¹⁶⁵.

Но эстетическое в сфере международных отношений проявляется не только в том, что они *воспринимаются* по законам красоты, а и в том, что они по этим же законам и *строятся*. Резонно предположить, что уже с момента установления первых контактов, которые можно назвать «международными», людям было присуще стремление формировать их как в соответствии с теми или иными утилитарными задачами и нравственными нормами, так и в соответствии с определенным пониманием «прекрасного», «безобразного», «гармоничного» и т.п. Так что международные отношения – это не только сфера столкновения различных (вплоть до противоположных) интересов, принципов, идеологий, стратегий. Это еще и *сфера столкновения различных эстетических идеалов* (в соответствии с которыми творятся эти отношения), различных представлений о прекрасном, безобразном, гармоничном, упорядоченном и т.п.

История знает немало крупных политических деятелей и еще больше – видных теоретиков политики, которые не просто хотели добиться успеха или идейно обосновать политику успеха, но и сознательно и целенаправленно стремились *гармонизировать мир, освободить отношения между народами от разрушительных диссонансов*. Другое дело, что, расходясь в понимании прекрасного, без-

¹⁶⁵ В том же духе высказывались и некоторые крупные политики, например, Наполеон. По его словам, «мир – это великая комедия, где на одного Мольера приходится с десяток Тартюфов» (Максимы и мысли узника Святой Елены. СПб., 1995. С. 68). Как замечает комментатор, «согласно подсчетам специалистов, “Тартюфа”... Наполеон посмотрел не менее 10 раз...» (Там же. С. 147). Любили театр и другие диктаторы – от Нерона до Сталина. Утверждают, что, согласно протоколам МХАТ, он смотрел «Дни Турбиных», то есть «Белую гвардию», Булгакова около 20 раз. Что стояло за этими «театральными романами» – только ли желание получить эстетическое наслаждение? Или же великие режиссеры от политики «учились» у великих драматургов? А, быть может, они испытывали удовольствие, улавливая сходство между театральной драматургией и драматургией политики?

Об эстетическом измерении международных отношений

образного, трагического и т.п., они отождествляли их с разными явлениями и состояниями общественных отношений вплоть до противоположных. Одни (как, скажем, Гегель или Ницше) не мыслили гармоничный человеческий мир без войны. Другие (как, например, Эразм Роттердамский или Кант) искали гармонию в вечном мире. Идея поисков мировой гармонии присутствует и у тех политических авторов, которые выступали в разное время с планами создания «мирового государства», «мирового правительства», «мирового парламента» и тому подобных властно-управленческих организаций, призванных если и не устранить, то, по крайней мере, смягчить фундаментальные противоречия между народами и государствами. То же можно сказать и о моделях «нового мирового порядка». Идут горячие споры о его параметрах, но все или почти все хотят построить порядок сбалансированный, гармоничный, а в общем – близкий к идеалу, каким его себе представляют.

Могут возразить, что движущие мотивы этих поисков носили и несут утилитарный характер, и что люди пеклись и пекутся не столько об интересах народов земли, сколько о выгодах некоторых держав, под эгидой которых должны были бы работать эти мировые институты. Но кто доказал, что утилитарное исключает эстетическое и что особая забота о национальном интересе противоречит идее гармонизации международных отношений?¹⁶⁶

Конечно, далеко не все политики сознательно стремились и стремятся к привнесению гармонии в отношения между народами, к их упорядочению, к переустройству мира «по законам красоты». Большинство из тех, кто трудится на ниве международных отношений, не думают ни о какой эстетике: их стратегическая цель – защита национального интереса, путь к которой пролегает через решение конкретных практических задач, не имеющих, как представляется тем, кто их решает, никакого отношения к эстетике.

Но означает ли сказанное, что в деятельности этих политиков действительно отсутствует ориентация, пусть и не осознаваемая, на построение международных отношений в соответствии с принципами эстетического? Если да, то как объяснить тот факт, что в речах всех крупных политиков, в международных документах, не говоря уже о трудах теоретиков-международников, мы сплошь и

¹⁶⁶ В подтверждение сказанного уместно сослаться хотя бы на Наполеона, целеустремленность и прагматичность которого не нуждается в доказательствах. Это, однако, не мешало ему искать основу устойчивости общественных отношений в гармонии, исчезновение которой ведет к потрясениям («Если... равновесие между благом и злом нарушается, гармония исчезает, и происходит революция». – См.: Максими и мысли... С. 50).

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

рядом сталкиваемся с рассуждениями о «порядке» (экономическом, политическом, информационном порядке), о «симметричном» и «асимметричном» (симметричный и асимметричный ответ на предпринимаемые другой стороной действия), о «гармонии» (например, о гармонии национальных интересов), о «пропорциональном» и «непропорциональном» (например, в вопросах о сокращении вооружений), о «трагическом» и «драматическом» (в развитии событий), о «фарсе», об «образах» (образ врага), об «иронии» («ирония ситуации», «ирония истории»), об «искусстве» (например, «искусстве достижения компромиссов», «дипломатическом искусстве»), а еще – о «символах», «ритме», «темпе», и, конечно, о «прекрасном» и «безобразном»? Все это – категории эстетики, и далеко не всегда (хотя, конечно, бывает и такое) они используются политиками просто в качестве фигуры речи.

При исследовании рассматриваемой проблемы особо следует остановиться на феномене *целенаправленной эстетизации* отдельных аспектов политической, в том числе международной, жизни. В политике – внутренней и внешней – всегда существовали два рода феноменов: тайные, которые прятали и прячут от внешних глаз, и открытые, которые стремились и стремятся сделать публичными, демонстративными и при этом представить как единственно достойные внимания. (Само собой разумеется, что противоборствующие стороны пытаются скрыть и выставить напоказ разные, вплоть до противоположных, стороны явления.) Эту демонстративную, визуализируемую сторону и подвергают сознательной, целенаправленной эстетизации.

Можно говорить о *негативной эстетизации*, когда то или иное явление представляют как *безобразное*, дабы вызвать отвращение к нему со стороны воспринимающего субъекта, особенно со стороны общественности, и в итоге – легитимизировать негативное отношение к этому явлению. А бывает *позитивная эстетизация*, представляющая изображаемое явление как *прекрасное* и призванная обеспечить его одобрение и поддержку со стороны общества.

Гегель как-то саркастически заметил, что чтение газет стало для его современников ежедневной молитвой. Теперь на смену газете пришел телевизор. Ежедневная «телемолитва» миллиардов жителей Земли оказывает существенное воздействие не только на массовое восприятие действительности (в том числе международно-политической), но и на оценку событий, с которыми знакомит «голубой экран», а в конечном счете и на отношение к миру, включая мир в его международно-политическом измерении.

Это привело к тому, что *уровень целенаправленной эстетической аранжировки – позитивной и негативной – тех или иных эле-*

Об эстетическом измерении международных отношений

ментов внутривластной и международной жизни в последние годы неуклонно возрастал. Для массового сознания история международных отношений последних десятилетий – это история телевизионных «картинок»: арабо-израильские войны, война США во Вьетнаме, война СССР в Афганистане, «бархатные революции» в Восточной Европе, бесчисленные саммиты G-7 и G-8, двусторонние встречи лидеров, бомбежки Югославии, «война в заливе», трагедия 11 сентября 2001 года, бомбежки Афганистана, война в Ираке, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине и т.д. и т.п.

Теперь любое событие национальной или международной жизни воспринимается как событие только тогда, когда оно предстает перед массовой аудиторией как *зрелище*, организованное по всем законам массовой культуры¹⁶⁷. Это наглядно продемонстрировал современный «международный терроризм»¹⁶⁸. Он может существовать как резонансный феномен лишь постольку, поскольку все его значимые акции и прежде всего, конечно, сами террористические акты могут предстать перед миром в качестве определенным образом *эстетизированного действия, рассчитанного на массовое восприятие* – желательно многократное. Действа, продюсерами и режиссерами которого выступают одновременно палач и жертва («мы это делаем – вы это показываете, и не раз...»). Зрелища, рассчитанного не столько на рациональную, сколько на эмоциональную (то есть эстетическую) реакцию, пробуждающую целую гамму чувств, разрывающих сердце и сминаящих сознание, порождающих ис-

¹⁶⁷ Двадцать лет назад Жан Бодрийяр, рассуждая о симулякрах, высказался в том духе, что реальностью теперь следует называть то, что может быть «адекватно отображено» (См.: *Baudrillard J. Simulations. New York, 1983*). Ныне ситуация радикальным образом изменилась. Слово «адекватный» в определении теоретика постмодерна стало лишним: реальность – это то, что может быть изображено, причем не в газете или книжке, а на телеэкране – независимо от того, существует или не существует нечто материальное, адекватное изображаемому.

¹⁶⁸ Автор берет эти слова в кавычки по той простой причине, что перед нами на самом деле принципиально новое явление, которое не может быть адекватно идентифицировано с помощью такого старого понятия как «терроризм». Это не терроризм – это *разновидность глобальной религиозной партизанской войны*, с использованием разных методов – в том числе и террористических (то есть рассчитанных на устрашение), но не только террористических. Это бессрочный крестовый поход традиционалистского Востока против современного полу-Востока и постмодерного Запада, идущий под знаменами фундаментализма и не признающий табу, освященных западной культурой. Но это, конечно, и не проявление мифического столкновения цивилизаций, которое – свершись оно не в воспаленном сознании иных гарвардских профессоров и их седовласых «ассистентов», а в реальной жизни – действительно поставило бы мир на грань катастрофы.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

пуг, растерянность, ненависть, безумие, жалость к жертве и к самому себе, а в итоге – экзистенциальный страх перед бытием и ощущение постоянного пребывания на грани Бытия и Ничто. Это та самая пограничная ситуация, о которой говорили Сартр и Камю – с той лишь разницей, что она теперь носит не индивидуализированный, а массовизированный характер.

Сказанное объясняет, почему 11 сентября 2001 года «террористы» выбрали в качестве мишени своей варварской акции именно здание башен-близнецов Всемирного торгового центра: чтобы *впечатление* было грандиозным, грандиозной должна была стать *картина разрушения*, а значит, грандиозным должен был быть и разрушаемый объект. Грандиозной должна была быть и *эмоциональная реакция* на все происшедшее.

Возможно, мы постепенно идем к тому, что будут существовать две международных жизни: реальная, но скрытая, о которой не знает почти никто, кроме ее творцов, и демонстративная, но виртуальная, о которой знают все, но не все знают, что она виртуальна. Причем грани между той и другой жизнями могут временами оказываться столь зыбкими, что будет не вполне ясно, где начинается одна и кончается другая.

Не предъявляет ли подобная перспектива, пусть несколько утрированная, новые требования к философу, обращающему свой взор в сторону международных отношений? Прежде он должен был уметь видеть за деревьями лес. Это требование и сегодня сохраняет свою актуальность. Но не следует ли ему развить в себе и другое умение: *отличать реальное от виртуального*, самому не поддаваться опасному для жизни гипнозу массовых, целенаправленно эстетизированных зрелищ (изображающих псевдореволюции, псевдо-гуманитарные операции или псевдодружбу демиургов мировой политики) и помогать другим освободиться от такого гипноза? Вопрос, конечно же, риторический и потому тем более актуальный.

«Отдельного внимания» философа заслуживает вопрос об отношениях между этическим и эстетическим измерениями международных отношений. Как известно, эстетическое находится в сложных, противоречивых отношениях с этическим. Не все прекрасное нравственно, как не все безобразное – безнравственно. Тем более, что сами критерии эстетических ценностей относительно и меняются от цивилизации к цивилизации, от культуры к культуре, от эпохи к эпохе. Критическое отношение к тем или иным эпизодам международных отношений, к тем или иным теориям и концепциям, рождающимся в русле науки об этих отношениях, не должно скрывать от нас их эстетического содержания. Что стояло (если обратиться к истории недавнего прошлого) за международной поли-

Об эстетическом измерении международных отношений

тикой Коминтерна? Конечно, стремление расширить границы мировой коммунистической революции, а в итоге и мирового социалистического сообщества. Но многие деятели Коминтерна руководствовались при этом благородным, хотя и утопическим, стремлением построить новый, прекрасный мир, пронизанный гармонией, добром и красотой.

Конечно, эстетическое – идет ли речь о трагедии или фарсе, о прекрасном или безобразном – имеет пределы воздействия на мировую политику и международные отношения. Причем воздействие это может быть амбивалентным. Философы Просвещения верили в спасительную силу красоты. О том же говорил и Достоевский. Однако, как показал философ Арсений Гулыга, реальная мысль великого русского писателя сложнее, чем ее банализированная версия. «Достоевский не верит Шиллеру: “Красота не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей”. Эти слова из романа “Братья Карамазовы” открывают более сложный подход к проблеме: сама по себе красота бессильна, а в руках дьявола и опасна... Для Достоевского ...мир спасется любовью, открывающей истину, творящей добро, формирующей красоту»¹⁶⁹.

Это все тот же вопрос о соотношении этического и эстетического. Вопрос, с которым приходится сталкиваться и в повседневной жизни, и в политике, и в международных отношениях.

¹⁶⁹ Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 425, 430.

Об антропологическом измерении международных отношений

И под занавес – *last but not the least* – еще об одном измерении международных отношений, которое мы назвали бы **антропологическим**¹⁷⁰.

Нельзя сказать, что наука о международных отношениях не рассматривает свой предмет с субъектной стороны. Но что за субъекты попадают в поле ее внимания? Это главным образом государства, причем нередко – в максимально обезличенном, усредненном, объективированном виде. Сторонники школы политического реализма даже сравнивают их с бильярдными шарами, отличающимися друг от друга лишь размером. Еще один субъект – различного рода организации и группы людей, действующие на международной арене. Но и они зачастую предстают как обезличенные акторы, играющие непонятно кем написанные «роли». Попадают порой в поле внимания исследователей политические лидеры, да и то преимущественно с их функциональной стороны, то есть как носители изначально заданных ролей.

Такой подход не только по-своему обоснован – он просто необходим. Но он явно недостаточен. Недостаточен прежде всего потому, что государства – это не мертвые бильярдные шары, а *живые организмы* со своей историей, своими потребностями и интересами,

¹⁷⁰ Хотя слово «антропология» буквально означает «учение о человеке», в течение долгого времени оно использовалось в основном для обозначения науки о происхождении и эволюции человека, а также о материальных и духовных ценностях его далеких предков. Со временем стали говорить о «культурной антропологии», которая, как свидетельствует ее название, обратилась к исследованию (часто – сравнительному) культур различных народов с акцентом на культуры архаичных (дописьменных) обществ, а также о «социальной антропологии», нацеленной, по утверждению ряда специалистов, на «понимание и объяснение разнообразных форм человеческого поведения путем сравнительного исследования социальных отношений и процессов как можно в большем числе обществ» (*Anthropology // International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. 12. N.d., n.p. P. 320*). Следует вместе с тем иметь в виду, что границы между культурной и социальной антропологиями носят условный характер, что иногда ведет к их отождествлению. Все это, однако, не мешает использовать понятие «антропология» для обозначения определенным образом (под определенным углом зрения) истолковываемого учения о человеке в широком плане (отсюда, например, понятие христианской антропологии). Равным образом, понятие «антропологический» широко используется – это относится и к данному тексту – как синоним человеческого, относящегося к человеку, рассматриваемого применительно к человеку и т.п.

Об антропологическом измерении международных отношений

своей судьбой, а главное потому, что за каждым из государств, за каждой из организаций стоят *живые люди* – группы (классы) и индивиды, как раз и делающие государства и организации живыми и притом *уникальными* организмами. Недостаточен еще и потому, что, сколь парадоксальным это кому-то ни покажется, по мере усложнения структуры международных отношений роль так называемого человеческого фактора в них не уменьшается, а, напротив, возрастает. Но что стоит за пресловутым «человеческим фактором», как не конкретные реальные люди?

Необходимость использования антропологического подхода при исследовании феномена политики давно уже осознали психологи, начавшие несколько десятилетий назад изыскания в области политической психологии¹⁷¹, в том числе и в сфере психологии международных отношений¹⁷². Еще раньше это поняли философы, усилиями которых явилась на свет так называемая философская антропология, от которой впоследствии отпочковалась политическая антропология¹⁷³. Не пришло ли время попытаться «спроецировать» политико-антропологический подход и на сферу международных отношений?

Это предполагает решение нескольких исследовательских задач и в первую очередь – *моральную, психологическую и теоретическую «реабилитацию» человека как истинного творца международных отношений и мировой политики*. Речь идет о преодолении укоренившегося в современном научном и политическом сознании системного и институционального фетишизма и избавлении от примитивных представлений о роли человека как своего рода «механика», обслуживающего международные институты и системы, а то и просто их «колесика» и «винтика».

Не отрицая международные отношения как *слепок с социальных (в том числе государственных) отношений*, устанавливающих на том или ином этапе общественного развития, мы можем и должны рассматривать их еще и как *слепок с человеческой природы*, объединяющей всех людей, равно как и *слепок с тех специфических черт*, которые присущи людям разных эпох, цивилизаций, культур, расово-этнических, гендерных и иных групп. Так что в плане методологическом антропология международных отноше-

¹⁷¹ См., например: *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.

¹⁷² См.: *Mandel R.* Psychological Approaches to International Relations // *Political Psychology* / Margaret Hermann (ed.). San Francisco, 1986.

¹⁷³ Более подробно об этом см.: *Баталов Э.* Антропология международных отношений // *Международные процессы*. 2005. № 2.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ний могла бы рассматриваться не как попытка противопоставить антропоцентристский подход государствоцентристскому и социоцентристскому подходам, а как попытка дополнить одни подходы другими, а значит, и высветить международные отношения – явление «сферическое» – с разных сторон. Отсюда и необходимость рассмотрения их не просто как онтологической данности, но как *творения человека* и исследования роли последнего в качестве проектировщика и строителя этих отношений. Решая эту задачу, имело бы смысл сконцентрироваться на трех группах вопросов, являющихся, на наш взгляд, ключевыми.

Первый из них – это *вопрос о факторах и мере (пределах) антропологической детерминированности международных отношений*. Иначе говоря, вопрос об условиях и пределах воздействия человека на их формирование, воспроизводство и трансформацию, берутся ли эти отношения «вообще» или в их конкретных проявлениях.

Этот вопрос может быть исследован в разных ракурсах, в том числе – мы отмечали это выше – и как вопрос о *свободе человека* в рассматриваемой сфере. Понятно, что перед философией международных отношений не стоит задача исследования феномена свободы *per se* и выработки собственной философии свободы. Ей, видимо, следует просто «принять на вооружение» ту или иную (те или иные) из уже существующих концепций и, опираясь на нее (на них), исследовать особенности проявления свободы в сфере международного общения. В чем конкретно выражается эта специфика? Какова мера свободы игроков, действующих на международной арене, по сравнению с мерой свободы игроков «домашних»? Кто, как и при каких условиях способен изменять границы их свободы?

Очевидно, что при любом ее толковании, на которое решит опереться исследователь, свобода не может не предполагать возможности *самостоятельного выбора субъектом линии своего поведения, направленной на достижение поставленной цели*. При этом важно иметь в виду, что распространенная трактовка свободы как «познанной необходимости» фиксирует, да и то в предельно абстрактном виде, лишь познавательные предпосылки свободы и ее неперерастания в произвол.

Еще один момент, который должен быть взят в расчет – это существенное изменение среды проявления свободы. Социальный мир стал намного сложнее, чем еще полвека назад; мера неопределенности путей развития событий (особенно в точках и зонах бифуркации) и их нелинейность возросли; степень предсказуемости развития событий уменьшилась. Все это находит отражение и в степени детерминированности выбора, осуществляемого деятельным субъектом: она одновременно и возросла (за счет увеличения числа переменных,

Об антропологическом измерении международных отношений

определяющих состояние предмета), и уменьшилась (за счет роста неопределенности путей и результатов их воздействия на предмет). То же произошло и со свободой субъекта: ее мера уменьшилась в одних отношениях и возросла в других. Выбирая путь решения проблемы, политик должен принимать во внимание множество определяющих ее факторов (сил), что не может не стеснять его; но, с другой стороны, его волевые усилия, помноженные на материальный потенциал (которым он располагает) способны в ряде случаев переломить ход событий, направить их в желаемое русло. Впрочем в условиях мира, управляемого стохастическими закономерностями, не может не расти и мера риска как элемента свободы.

Что же касается обстоятельств, определяющих специфику свободы в сфере международных отношений, то они, что называется, лежат на поверхности. Это прежде всего, как сказали бы представители школы политического реализма, «анархичная» среда, в которой приходится действовать субъектам этих отношений. Правда, степень ее «анархичности» имеет тенденцию к уменьшению. И тем не менее ни современные международные организации, включая ООН, ни международное право не способны существенно ограничить свободу действий выступающих на международной арене игроков – особенно «тяжеловесов» и «супертяжеловесов». Вообще события последних лет подтверждают существование *прямой зависимости между мерой силы международных акторов и мерой их свободы*. Подобная зависимость прослеживается и во внутренней политике, однако на международной арене чрезмерная свобода одних, легко перерастающая в произвол, сплошь и рядом оборачивается несвободой других.

Свобода субъектов международных отношений детерминируется взаимодействием внутренних и внешних факторов. (Речь идет о действующих правовых нормах, соотношении сил «дома» и «за границей», ситуации – политической, экономической и военной – внутри страны и на международной арене и других факторах.) Их взаимодействие и определяет как формальную, так и реальную меру свободы действий мировых игроков. Причем формальная (нормативно допустимая) и реальная меры свободы могут существенно расходиться друг с другом.

Антропологический подход ориентирует на рассмотрение международных отношений как *коммуникативной деятельности, имеющей диалогическую природу*. Диалог предполагает онтологическое равноправие его участников, отношения между которыми носят не субъект-объектный, а субъект-субъектный характер: вступающие в диалог акторы при всем их реальном неравенстве и фактическом неравноправии формально равны друг перед другом как участники

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

диалога (и, разумеется, субъекты международного права, поскольку они таковыми являются). На практике это условие постоянно нарушается, поскольку наиболее сильный из участников диалога стремится перевести коммуникацию на субъект-объектный уровень, то есть превратить диалог в монолог, в диктат¹⁷⁴. Международные отношения сохраняют при этом свой коммуникативный характер, однако происходит их информационное обеднение, ткань диалога разрушается, что в конечном счете сказывается на содержании этих отношений. (На межгосударственном уровне переход от диалога к монологу наиболее наглядно прослеживается в переходе от политики мультилатерализма к политике унилатерализма.)

И все же никакие попытки монологизации (унилатерализации) международных отношений не способны лишить их присущего им диалогического характера: они диалогичны по самой своей природе. Можно проводить одностороннюю внешнюю политику, но международные отношения, как свидетельствует уже само это понятие, складываются «между» несколькими действующими лицами. Причем число таких лиц не только не уменьшается, но, напротив, возрастает – как за счет появления новых суверенных государств, так и за счет непосредственного включения в эти отношения негосударственных организаций, групп и отдельных лиц, у каждого (или почти каждого) из которых есть свой голос. Так что в целом международный диалог расширяется и одновременно усложняется и осложняется, приобретает полифоническое звучание. Он превращается в многоголосый хор со своими «первыми» и «вторыми» голосами и «солистами».

Участниками диалога – вольными или невольными – являются все субъекты международных отношений. В него вовлечены и Друзья, и Враги, включая страны, находящиеся в состоянии войны. (В этом случае обмен «репликами» происходит в форме обмена разрушительными действиями, но могут иметь место и иные – скрытые, неформальные, косвенные – конструктивные взаимодействия, например, переговоры о мире.) Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что не только степень вовлеченности разных акторов в международный диалог бывает разной, но и что он может протекать в разных формах, с разной степенью интенсивности в разных частях мировой системы; что существуют разные уровни

¹⁷⁴ Не следует смешивать реальный монолог с формальным, когда «говорит» только один актер, но при этом его «реплики» строятся как ответы на «реплики» физически отсутствующего, но незримо участвующего в «монологе» актора. Так бывает и на международной арене: государство выстраивает цепь своих действий с учетом *возможных и вероятных* ответов Другого (Других) на эти действия.

Об антропологическом измерении международных отношений

диалога и что в его процессе возможны переходы с одного уровня на другой и т.п. Все это вопросы, нуждающиеся в конкретном исследовании, причем не только в философском, но и в социологическом, а, возможно, и в историческом планах.

Понятно, что международные отношения – весьма специфический тип диалога: он «сталкивает» субъекты с разным политическим статусом, весом и потенциалом (многие из них обладают государственным суверенитетом, дополненным солидными политическими, военными и экономическими ресурсами); он охватывает практически все сферы их внешнего существования (распространяясь все более агрессивно и на сферы внутренние); наконец, это диалог, участники которого ведут открытую и скрытую борьбу за власть, ресурсы и престиж.

Понятно, что международный диалог – это диалог социальных систем и политических режимов. Диалог культур и цивилизаций. Диалог систем ценностей и моделей поведения. Но это еще и диалог народов, диалог живых людей с присущими им достоинствами и недостатками, интересами и целями. А это значит, что характер международного диалога определяется не только (а в чем-то и не столько) его социально-политическим контекстом, сколько социокультурно-психологическими характеристиками участвующих в диалоге народов, наиболее отчетливо проявляющимися на групповом и индивидуальном уровнях.

Многие отождествляют эти характеристики с так называемым национальным характером. Писатель и философ Александр Зиновьев пользуется более жестким (и звучащим жутковато в свете пережитого тоталитарного опыта) понятием «человеческий материал». Аналитики, придерживающиеся сциентистско-технократической ориентации, рассуждают о «человеческом факторе». Что касается автора этих строк, то он предпочел бы другое определение, позаимствованное (хотя и в несколько переосмысленном виде) у основателя Римского клуба Аурелио Печчеи – «человеческие качества».

Под «человеческими качествами» здесь понимается интегральная характеристика народов и образующих их индивидов, которая складывается в процессе их становления и исторической эволюции и, несколько трансформируясь по ходу событий, в целом остается на протяжении длительного времени неизменной, не зависящей от существующего в стране строя политических и экономических отношений.

Конкретные «человеческие качества», фиксирующие представление народа о себе, своем месте в мире и своей «исторической миссии»; склонность или несклонность к быстрым переменам; вынесенное из собственного опыта умение уживаться с другими и готов-

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ность или неготовность к жертвам и компромиссам; степень воинственности и т.п., являются, как представляется, существенным фактором, детерминирующим характер международных отношений.

Те же русские (россияне) и американцы, вопреки широко распространенному мнению, существенно отличаются друг от друга по своим «человеческим качествам»¹⁷⁵. И мы делаем большую ошибку, когда великое противостояние СССР и США в годы «холодной войны» рассматриваем исключительно как противостояние двух социально-политических систем, двух идеологий. Это было также противостояние двух разных цивилизаций и культур. Но это была еще и борьба за первенство двух народов, обладающих несхожими социально-антропологическими характеристиками, двух систем «человеческих качеств», что находило отражение не только в советско-американских отношениях, но и во всей системе международных отношений второй половины XX века. Ту же ошибку повторяем мы и сегодня, определяя положение России в современном мире и выстраивая заново отношения с другими народами. Спора нет: за последние пятнадцать-двадцать лет в мире изменилось многое. Но русские (россияне) остаются русскими. Американцы – американцами. Китайцы – китайцами. Да и другие народы сохраняют свои базовые человеческие качества, проявляющиеся в том числе и в сфере международных отношений.

Но важны не только качества таких макросубъектов, как народы. Существенным фактором, определяющим характер международных отношений, являются «человеческие качества» микросубъектов – отдельных групп и индивидов, вступающих в отношения друг с другом на мировой арене. Особенно много зависит от лидеров и стоящих за ними элит. От их воли, решительности, самооценки, уравновешенности, дальновидности, степени их внутренней свободы и т.п. Но было бы большой ошибкой (она часто и совершается) недооценивать скрытое от глаз детерминирующее воздействие на ход мировых событий качеств *массового типа человека*,

¹⁷⁵ Сравнительный анализ этих двух народов в этнопсихологическом, культурно-антропологическом и иных планах пока еще не стал предметом углубленного исследования. Из литературы, связанной с этим направлением, отметим следующие публикации: *Гершунский Б.С.* Россия и США на пороге третьего тысячелетия. Опыт экспертного исследования российского и американского менталитетов. М., 1999; *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М., 2001; *Бурстин Д.* Американцы: Колониальный опыт. М. 1993; *Он же.* Американцы: Национальный опыт. М., 1993; *Он же.* Американцы: Демократический опыт. М., 1993; *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994; *Биллингтон Дж.* Россия в поисках себя. М., 2005.

Об антропологическом измерении международных отношений

доминирующего в обществе. Одно дело – человек с рабской или патерналистской культурой и психологией, позволяющий делать с собой что угодно, терпеть любой режим, не видящий альтернатив статус-кво и соглашающийся с любыми решениями, в том числе и международного плана, принимаемыми «верхами». И другое дело – человек внутренне раскрепощенный, свободный, уверенный в себе, ориентированный на творческую самостоятельность и поиск альтернатив. Лидеры и элиты стран, в которых доминируют эти типы, по необходимости будут проводить, при прочих равных условиях, разную политику – не только внутреннюю, но и внешнюю.

Очевидно, что зависимости, о которых здесь были высказаны лишь самые общие, абстрактные соображения, нуждаются в эмпирической проверке, развитии, дополнении, то есть в серьезных исследованиях. Это относится и ко второму вопросу, который мог бы заинтересовать антропологию международных отношений, – вопросу о *детерминирующей роли антропологических характеристик, присущих отдельным социальным общностям и индивидам.*

Ведут ли себя китайцы на мировой арене так же, как американцы, а последние – как французы или русские? Смотрят ли мужчины и женщины на международные отношения одними и теми же глазами, а если нет, то в чем различия между ними? Одинаково ли действуют на внешнеполитической сцене народы, проживающие в северных и южных широтах? А что можно сказать о влиянии возрастных характеристик на международное поведение?

Вот что пишет, например, о действиях японцев, начавших в 1941 г. войну против США, Рут Бенедикт, автор признанного ныне классическим исследования «Хризантема и меч. Модели японской культуры». «Для Соединенных Штатов Япония была самым чуждым противником из числа тех, с кем им приходилось когда-либо вести большую войну. Ни в какой другой войне с крупным противником мы не оказывались перед необходимостью принимать в расчет совершенно отличные от наших обыкновения в поведении и мышлении... Принятые западными народами как факты человеческой природы условные правила ведения войны явно не признавались японцами... Главной проблемой стала природа врага»¹⁷⁶. Конечно, как показала та же Бенедикт и другие исследователи, специфика поведения японцев на международной арене не ограничилась военным временем и театром военных действий.

Некоторые критики современных теорий международных отношений отрицают их объективность и универсальность на том основании, что эти теории «созданы на основе изучения поведения муж-

¹⁷⁶ Бенедикт Р. Хризантема и меч. М., 2004. С. 5.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

чин»¹⁷⁷, а женщины, как утверждается, и на мир смотрят иначе, и ведут себя иначе, в том числе в сфере межнационального и межгосударственного общения. Как пишет профессор Школы международных отношений Калифорнийского университета Дж. Э. Тикнер, оценивая «с точки зрения феминизма», концептуальные структуры, построенные с использованием моделей теории рационального выбора и теории игр, «такие объяснения подчеркивают инструментально рациональное поведение индивидов в условиях рынка, поведение, более типичное сегодня на Западе для мужчин, нежели для женщин»¹⁷⁸. Гендерная специфика этих «ограниченных моделей» проявляется, в частности, в том, что они «обычно придают приоритетное значение определенным сторонам поведения государств, ассоциируемым с конфликтом, и уводят внимание в сторону от других видов деятельности государств, таких, как независимая экономическая деятельность, сотрудничество и формирование союзов»¹⁷⁹.

В какой степени эти и подобные им суждения соответствуют действительности? Вопрос открытый, а значит подлежащий дальнейшему исследованию. Как открытыми и подлежащими исследованию остаются вопросы об антропологически детерминированной специфике международного поведения других общественных групп.

А разве не заслуживает внимания обществоведов, исследующих глубинные основания международных отношений, вопрос о детерминирующей роли антропологических характеристик *индивидов*, вовлеченных в международную жизнь? Мы обычно делаем акцент на политическом и экономическом кредо индивидуальных творцов международных отношений, их принадлежности к той или иной партии и клану, иногда – на нравственных принципах. Порой обращаем взоры к их семье. Мимоходом можем заметить, что они не очень умны и не лучшим образом воспитаны и образованы. Эксцессы «политической корректности» не позволяют нам говорить вслух о цвете их кожи и расовой принадлежности, хотя се-

¹⁷⁷ Тикнер Дж. Э. Международные отношения под углом постпозитивизма и феминизма // Политическая наука: новые направления. С. 434.

¹⁷⁸ Там же. С. 435. Стоит обратить внимание на слово «сегодня», походя брошенное Дж. Тикнер. На самом деле за ним скрывается проблема временного измерения международно-антропологических отношений, которую мы не имеем возможности затронуть здесь даже вскользь. Заметим только, что с течением исторического времени большинство антропологических факторов, детерминирующих международные отношения, претерпевают более или менее существенные изменения – и по составу и прежде всего по содержанию.

¹⁷⁹ Там же. С. 435.

Об антропологическом измерении международных отношений

годня, в начале XXI века, эти различия выглядят столь же естественными, как и различия между мужчинами и женщинами.

Но есть характеристики, которые либо вовсе игнорируются исследователями, либо упоминаются вскользь, для «оживления» нарисованного портрета. А между тем актеры мировой сцены, включая «исполнителей» главных ролей, – очень разные люди. Высокорослые и низкорослые. Пораженные психологическими комплексами и лишенные их. Здоровые и больные. Холерики и сангвиники. Интроверты и экстраверты. Старые и молодые... Разве эти и другие черты не находят отражения (пусть скрытого) в их взаимоотношениях с представителями других стран и народов, в проводимой ими политике?

«Ну как же не находят? Конечно, находят!» – воскликнет психоаналитик и обратит наше внимание на довольно обширную литературу на сей счет, например, на труды Гаролда Лассуэлла, включая его знаменитую «Психопатологию и политику»¹⁸⁰. Вклад психоаналитиков в исследование влияния личностных характеристик на внутреннюю и внешнюю политику, конечно же, не следует игнорировать. Но их труды не решают проблемы, ибо психоаналитиков интересует не человек в его целостности, а психический мир человека, причем акцент делается на душевную и телесную патологию, на развивающиеся у человека – как на массовом, так и на индивидуальном уровнях – фобии, с которыми и увязывается (нередко – слишком прямолинейно) модель поведения субъекта, в том числе и на международной арене¹⁸¹.

Еще один вопрос, могущий представить интерес для антропологии международных отношений, – это *детерминирующее воздействие природы человека на характер и содержание этих отношений*. Проблема не из простых, если принять во внимание, что разрешение ее сопряжено с интерпретацией природы человека, которая всегда порождала множество споров в научной, да и не только научной, среде. Немалые трудности вызывает и верификация воздействия

¹⁸⁰ См.: *Lasswell H. Psychopatology and Politics. Chicago – London, 1977; Одайник В. Психология политики. М., 1996.*

¹⁸¹ Как пишет один из исследователей, «Лассуэлл, похоже, был убежден, что так называемый комплекс кастрации должен рассматриваться как играющий большую роль почти во всех международных конфликтах. Он признает важность таких конвенциональных факторов, как соперничество в торговле, соревнование в вооружении и угроза нарушения баланса сил. Но он считает, что эти факторы редко выливались бы в открытый конфликт, ели бы не существовало психологического напряжения, довлеющего над умами масс с обеих сторон» (*Burns E. Ideas in Conflict. New York, 1960. P. 397-398.*)

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

этой природы на общественную жизнь. И тем не менее, не будет преувеличением сказать, что продвижение вперед в определении степени и значимости названного воздействия могло бы способствовать нахождению ответа на весьма актуальный (в том числе и в политическом плане) вопрос о *соотношении социологической и антропологической детерминированности международных отношений*. А значит, и выявлению источников многих международных явлений, одни из которых мы хотели бы смягчить, либо вовсе устранить, тогда как другие – закрепить в международной практике.

Если за отправную точку суждений принять широко распространенное среди представителей различных философских и научных течений представление о человеке, как продукте длительной биологической и социальной эволюции, то есть как о *биосоциальном существе*, тогда следует, очевидно, согласиться и с тем, что обе стороны его природы – биологическая и социальная – не могут не находить отражения во всех областях его деятельности¹⁸². В том числе и в сфере международных отношений. Вопрос, однако, в том, преобладает ли при этом (если воспользоваться выражением Ф. Энгельса) «животность» человека над его социальностью, социальность – над «животностью», или, быть может, обе стороны человеческой природы каким-то образом гармонируют друг с другом, уравновешивают друг друга? При каких условиях это происходит? Не представляют ли некоторые устойчивые явления, наблюдаемые в общении наций и государств, проявление скорее биологической, нежели социальной стороны природы человека? Вопросы, в общем, не новые, но тем не менее продолжающие оставаться дискуссионными, особенно при обсуждении таких явлений, как агрессия, война, мир, международное сотрудничество (кооперация), международное соперничество (конкуренция) и т.п.

¹⁸² Многие гуманистически ориентированные исследователи (причем не только марксисты) ссылаются на известную формулу молодого Маркса: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному человеку. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. С. 265*). При этом, однако, остаются без внимания положения, сформулированные основоположниками марксизма в более поздний период их творчества, в частности, тезис Маркса о том, что «...Человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное» (Там же. Т. 23. С. 338). В том же духе высказывался и Ф. Энгельс. «...Уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности или человечности» (Там же. Т. 20. С. 102).

Об антропологическом измерении международных отношений

Широко известно связываемое обычно с именем Томаса Гоббса изречение: «*Homo homini lupus est*» – «Человек человеку – волк»¹⁸³. В нем, как видим, подчеркивается «животное» начало человеческой природы и звериный, «животный» характер отношений между людьми, который, впрочем, как признается, может быть обуздан обществом (государством), но лишь до известной степени. Отсюда нередко выводятся корни таких явлений, как агрессивность и война, которые, как утверждается, не могут быть изжиты ни при каком общественном строе. Однако были и остаются мыслители (среди них в первую очередь должен быть упомянут Иммануил Кант), которые полагали, что люди способны умерить свои страсти, погасить агрессивность и утвердить на земле «вечный мир».

Не претендуя на приоритет в разрешении этого исторического спора, антропология международных отношений могла бы вместе с тем внести в него свою лепту. В частности, исследовать в содружестве с историей международных отношений, с одной стороны, глубинные причины конкретных войн, международных конфликтов, актов агрессии, а с другой – актов сотрудничества, союзничества и иных форм кооперативного взаимодействия наций и государств. На основании полученных результатов можно более четко определить соотношение биологического и социального как факторов международной политики.

И еще один момент. Если человек есть существо не только рациональное, но и иррациональное (что подтверждалось не единожды), то как этот дуализм проявляется в рассматриваемой сфере и как (при каких условиях и обстоятельствах) возможно изменение – в ту или другую сторону – соотношения этих двух начал в его внешнеполитической деятельности? А если вернуться к вопросу о патологии, то насколько правомерно говорить – применительно к макросубъектам международных отношений – о возможности влияния отклонений от нормы на характер этих отношений и дальнейшую судьбу человечества?

Международные отношения не только формируются человеком – они сами формируют человека. Ведь если его сущность и существование определяются в той или иной степени общественными отношениями, в которые он вплетен, то почему это не должно распространяться и на международные отношения?

Конечно, степень их воздействия на человека во многом зависит от степени его включенности в эти отношения, а разные народы

¹⁸³ На самом деле, как установлено исследователями, это выражение впервые встречается в «Ослиной комедии» древнеримского писателя Плавта: *Lupus est homo homini, non homo.*

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

(государства) и даже разные социоантропологические группы оказываются (в то или иное время) в неодинаковой степени вовлеченными в активную международную жизнь. Германия, Франция, Италия и их соседи по тесной геополитической «коммуналке» по имени Европа веками жили, чувствуя локоть (иногда – острый) друг друга, что, конечно же, не могло не накладывать отпечатка и на модель их внешнеполитического поведения, и на их геополитическую оптику, и на их национальную психологию. А обитатели роскошного особняка по имени Соединенные Штаты Америки, воспринимавшие свою страну как одинокий и величественный «Град на холме», едва ли не на протяжении всей своей истории мучительно прикидывали, входить им или не входить в плотный контакт с далекими соседями. (С ближними, куда более слабыми, чем они сами, соседями у США больших проблем не возникало.) Понятно, что и степень воздействия международных отношений на американцев была меньшей, чем в Европе, а значит, иными были и их политическая психология, и геополитическая оптика, и модель поведения.

Однако в последнее время ситуация изменилась радикальным образом. Вторая половина XX века отмечена неуклонным ростом вовлеченности всех стран и народов мира, включая Америку, в международные дела и становлением всеохватной, поистине глобальной, сетевой по своей структуре системы международных отношений, а значит, и превращением их в устойчивый и всеобщий фактор воздействия на человека. Исследование этого заслуживающего внимания феномена могло бы вестись одновременно по нескольким направлениям.

Первое направление – *воздействие международных отношений на общее положение человека в стране и мире*. Нельзя сказать, что этот вопрос не интересовал и не интересует международныхников. Однако он зачастую сводится к исследованию *воздействия войны и других форм международного насилия на гуманитарную ситуацию в обществе*. При этом акцент делается на их разрушительном аспекте, на трагизме жизни человека в условиях войны, на страданиях и гибели людей. Очевидно, что война и впредь будет оставаться в поле внимания исследователей. Важно, однако, не упускать из вида многомерность этого сложного феномена и противоречивость его воздействия на положение человека в обществе, его внутренний мир.

Но внимания со стороны антропологии международных отношений заслуживает и менее исследованная *проблема мира*, который не может быть сведен к отсутствию состояния войны. Мы уже напоминали о высказываниях ряда мыслителей о негативном воздействии долгого отсутствия войн на развитие общества и человека и констатировали спорность этого тезиса. Однако это не избавляет исследова-

Об антропологическом измерении международных отношений

теля от необходимости рациональной интерпретации мотивов, которыми руководствуются мыслители, отстаивающие эту позицию.

Еще один общий вопрос, заслуживающий внимания, – *влияние вовлеченности стран (государств) в международные отношения на жизнь их граждан (подданных)*. Хотя, как только что было сказано, практически все страны являются ныне субъектами этих отношений, степень их взаимодействия друг с другом и выполняемые ими роли далеко не одинаковы. Как сказываются эти различия на жизни людей? Как это влияет на национальную безопасность? Некоторые американские эксперты полагают, например, что дистанцированность США от ближневосточных проблем уменьшила бы вероятность совершения против них терактов и таким образом избавила бы американцев от новых психологических и иных травм. Так ли это? И существует ли вообще какая-либо зависимость между этими двумя переменными, а если существует, то какова она?

Есть и более конкретные вопросы, рожденные событиями последних полутора-двух десятилетий. Первый из них касается *гуманитарных последствий гуманитарных интервенций*, которые (последствия) далеко не всегда совпадали с декларированными намерениями. Если институт санкционированного коллективного гуманитарного вмешательства войдет в международную практику XXI века (а дело идет к этому), то стоит всерьез поразмыслить о том, какими должны быть его формы, чтобы они действительно шли на пользу человеку и не получалось так, что одни группы людей будут улучшать свое положение за счет ухудшения положения других групп.

Еще один конкретный вопрос связан с *целенаправленной глобальной демократизацией*, о которой объявили Соединенные Штаты. Исходя из небесспорной презумпции, что демократия есть безусловное благо, они утверждают, что повсеместное установление – при помощи Америки – демократических режимов сделает каждого человека свободным, наделит его политическими и гражданскими правами, приведет к улучшению его материального положения и т.п. Однако, как свидетельствует опыт многих неевропейских стран, включая Афганистан и Ирак, усиленным «осчастливлением» которых США занялись в последние годы, все не так просто. В общем, проблема, которую условно можно обозначить как «*демократизация и человек*», остается не решенной практически и не исследованной теоретически.

Нельзя обойти вниманием и проблему *гуманитарных последствий региональной и глобальной интеграции*. Интеграционные процессы развиваются в современном мире по нарастающей. Но идти они будут, похоже, не так гладко (в том числе и в гуманитарном плане), как хотелось бы: национальная само-ре-идентифика-

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ция (вчера – «немец» или «голландец», завтра – просто «европеец»), с которой неизбежно связаны объединения и разъединения наций, – дело тонкое и болезненное. Интеграторы, забывающие о человеке, рискуют получить не новую процветающую общность, а взрывчатую смесь.

Второе направление исследований воздействия международных отношений на человека касается *отдельных социоантропологических групп*. Существует представление, что разные группы в разных странах и на разных континентах в неодинаковой степени вовлечены в международные отношения и испытывают разную меру воздействия с их стороны. Причем направленность этого воздействия на разные группы тоже неодинакова, а его мера не всегда пропорциональна степени их вовлеченности в международные отношения.

Феминистки утверждают, что «от 80 до 90% жертв военных конфликтов после Второй мировой войны – гражданское население, большая часть которого женщины и дети... Лишь недавно начали признавать, что женщины особенно часто подвергаются насилию во время войн. Данные о войнах, собираемые учеными-международниками, обычно относятся к людским потерям в период активных боевых действий. Исследуя долгосрочные последствия войн, мы обнаруживаем, что женщины часто становятся жертвами неурядиц и подвергаются воздействию негативных экономических последствий»¹⁸⁴. При этом автор признает, что «эмпирическая основа подобных (тем, какие она приводит. – Э.Б.) оценок нуждается в уточнении»¹⁸⁵. И это – применительно к исследованиям, которые ведутся уже на протяжении нескольких десятилетий.

На других направлениях они либо не начинались вовсе, либо начались совсем недавно. А вопросов масса. Как, скажем, те же гуманитарные операции сказываются на положении отдельных религиозных и этнических групп в странах, ставших объектом этих операций? Как интенсификация международных экономических отношений влияет на положение тех или иных профессиональных групп в развитых и менее развитых в экономическом отношении странах? Или взять проблему изменения этнического состава населения западных стран (со всеми вытекающими для различных его групп гуманитарными последствиями) в результате притока в них гастарбайтеров, беженцев и просто иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. А теперь еще – из Восточной Европы и бывшего СССР.

¹⁸⁴ Тикнер Дж. Э. Указ. соч. С. 432.

¹⁸⁵ Там же.

Об антропологическом измерении международных отношений

Очевидно, что международные отношения все больше начинают соответствовать своему названию и превращаться в отношения *между народами*. А народ – это разные группы: гендерные, профессиональные, возрастные, религиозные и т.п. Именно отношения между этими группами, приобретающие сетевой характер, будут во многом определять и реальное положение государств, и реальное положение человека в мире.

Третье направление исследований – *воздействие международных отношений на формирование и эволюцию сущности человека*. Современный человек не отличается по биосоциальной *природе* от человека предшествующих исторических эпох. Но его *сущность*, как квинтэссенция качеств, делающих человека тем, чем он является в своем конкретно-историческом воплощении, меняется, хотя и медленно, от эпохи к эпохе. Это проявляется в его представлениях о самом себе, как человеке, и о мире; в характере социального общения; в отношении к природе; в трудовых навыках и т.п. И связана эта эволюция с изменением социального (включая международный) контекста существования человека.

Современные международные отношения способствуют также созданию условий, благоприятствующих более глубокому пониманию сущности человека. Дать более или менее полный (хотя, разумеется, не исчерпывающий) ответ на вопрос, что такое человек, станет возможно лишь тогда, когда появится реальное *человечество*. То есть когда отдельные его *части*, представленные раздельно живущими *народами*, сольются в единое (хотя, вероятнее всего, внутренне дифференцированное) *целое*. А появиться такое целое может только благодаря развитию международных отношений в глобальном масштабе. Эта возможность представляется достаточно реальной, пусть и в отдаленной перспективе.

Еще одна проблема, заслуживающая внимания исследователя – это *формирование «человека международного»*, то есть человека, выходящего в своем сознании, ценностных и жизненных ориентациях, равно как и в своей практической деятельности, за пределы одного государства. Античный «гражданин мира» был, в сущности (по нынешним меркам), не мировым, а региональным типом. Сегодняшний «человек международный» – это пока тоже не глобальный, а региональный, прежде всего европейский тип, формирующийся в рамках Евросоюза. Да и он пребывает в процессе становления. Свидетельством тому – проведенные недавно во Франции и Нидерландах референдумы по Европейской конституции, которые показали (а это могли бы, по всей вероятности, подтвердить референдумы и в других государствах ЕС, будь они там проведены), что большинство граждан Европы чувствуют себя не столь-

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ко европейцами, сколько французами, голландцами и т.п. И тем не менее процесс формирования «европейского космополита» продолжается. Возможность путешествия без виз, устройства на работу и неограниченного по времени проживания за границей (ставшей отчасти условной), беспрепятственного общения с другими народами и культурами и т.п. способствуют формированию человека с новой психологией, новым мировидением, новыми политическими и ценностными ориентациями – современного европейца. И это не что иное, как «отзыв» на «вызов» времени.

Объединенная Европа не сможет существовать и нормально функционировать как целостное политическое, экономическое и социальное образование, пока в рамках ЕС не сформируется – отчасти стихийно, отчасти управляемым образом – одна из разновидностей «человека международного», а именно современный европеец. Каким он может и должен быть, чтобы соответствовать императивам интегрированной Европы? Как он может и должен мыслить? На какие ценности ориентироваться? Вопросов немало. И они тоже могли бы стать объектом совместных исследований антропологии и социологии международных отношений.

Немало вопросов возникает и относительно «человека глобального», возможность формирования которого становится в современных исторических условиях вполне реальной, хотя и довольно отдаленной перспективой. Судьба мира будет во многом зависеть от качеств этого человеческого типа. Каким может и должен быть этот человек? Как должен он мыслить? Как действовать? Какой должна быть его социальная и политическая оптика? Вопросы не такие абстрактные, как может показаться на первый взгляд. И не надо забывать, что если мы действительно хотим построить глобальный порядок, который поддерживался бы всеми народами и шел им всем на пользу, то он может стать возможным только при наличии соответствующего массового типа человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великий древнегреческий мыслитель Платон мечтал о том, чтобы миром правили философы. Он полагал, что можно управлять государством, сохраняя при этом свободу мысли и непредвзятость суждений. Другой великий мыслитель был, напротив, убежден, что такое сочетание невозможно и ненужно. «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями. Да этого и не следует желать, так как обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума»¹⁸⁶. Так говорил Кант. Но тут же добавлял, что «короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк голос философов, они должны дать им возможность выступать публично. Это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность»¹⁸⁷. И вот что примечательно: говоря о «поучениях», которые правители склонны «искать» у философов, Кант называет не что иное, как «поучения о принципах своих отношений с другими странами»¹⁸⁸.

Конечно, и Платон, и Кант рассуждали о функциях философии и философов прежде всего применительно к решению крупных государственных проблем. Но политика, в том числе международная, нуждается и в повседневных, если угодно, рутинных, услугах философов. Тем более сегодня, когда мир стал и более хрупким, и более динамичным, и более сложным, и менее безопасным. А в управление им – в том числе и в международном плане – вовлечено (в той или иной форме) гораздо больше людей, чем два века назад. В этих условиях философия международных отношений могла бы стать хорошей опорой для всех, кто не только внимательно следит за «бурным потоком» событий международной жизни, но и пытается разобраться в их подоплеке и сути, увидеть «за деревьями лес».

Но есть еще одно обстоятельство, обуславливающее потребность в новой научной дисциплине. Философия, будь она даже «отраслевой», не только определенным образом *объясняет* мир и человека. Она еще и задает – напрямую или косвенным путем – систему установок, ориентирующих на *определенное восприятие* мира и человека, *определенный подход* к ним. Это относится в полной мере и к философии международных отношений, которая мог-

¹⁸⁶ Кант И. К вечному миру. С. 37.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 36.

Э.Я. Баталов. О философии международных отношений

ла бы внести свою лепту в реализацию *гуманистической версии* императивов XXI века.

Конечно, ни одну научную дисциплину невозможно создать по заказу – она должна родиться сама собой. Точнее говоря, как бы сама собой: нужно вовремя бросить семена на подготовленную почву, а потом заботиться о том, чтобы появились всходы и чтобы они дали со временем плоды. Мне кажется, почва для начала формирования философии международных отношений как самостоятельной научной (а со временем, возможно, и учебной) дисциплины во многом уже подготовлена. И задача теперь в том, чтобы реализовать такую возможность. Это долгий и трудный путь. Но, как говорили мудрецы Срединной империи, «путешествие в тысячу ли начинается с первого шага».

Сведения об авторе

Баталов Эдуард Яковлевич (1935 г.р.) – доктор политических наук и кандидат философских наук. В 1958 г. окончил МГИМО МИД СССР, в 1964 г. – аспирантуру Института философии АН СССР. Работал в Институте философии АН СССР и других научно-исследовательских учреждениях. В настоящее время – главный научный сотрудник Института США и Канады РАН. Преподавал в МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО (У) МИД РФ и других учебных заведениях Москвы. Автор свыше 200 публикаций. В их числе – сборник статей «Политическое – “слишком человеческое”» (2000), монографии «Философия бунта» (1973), «Социальная утопия и утопическое сознание в США» (1982), «В мире утопии» (1989), «Современное политическое сознание в США» (в соавторстве, 1980), «Политическая культура современного американского общества» (1990), «Русская идея и американская мечта» (2001), «Мировое развитие и мировой порядок» (2005) и др. Ряд работ переведен на иностранные языки.

Научно-образовательный форум по международным отношениям – неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996-1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума
Алексей Богатуров

С 1996 года Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал 13 монографий и сборников, среди которых:

Системная история международных отношений. 1918-2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.) и том II (274 с.). М.: Московский рабочий, 2000; том 3 (720 с.). М.: НОФМО, 2003; том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2004.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

М.А. Троицкий. Трансатлантический союз. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. 252 с.

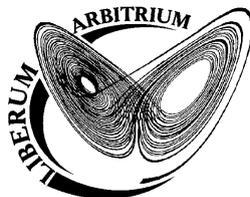
А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталеv. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., д. 9, строение 7, офис 16

Телефон: (095) 790 73 94, факс: (095) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор
д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*,
заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«*Международные процессы*» – первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«*Международные процессы*» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макаруров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала «*Международные процессы*» по каталогу агентства «Роспечать» за 1 полугодие 2006 г. – 46768

<http://www.intertrends.ru>

БАТАЛОВ Эдуард Яковлевич
О философии международных отношений

Научное издание

Лицензия № 05681

Подписано в печать 15.08.2005. Формат 60x90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,25.
Тираж 500 экз. Заказ . Распространяется бесплатно.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5